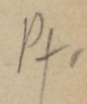
С. Р. МИНЦЛОВЪ

Секретное порученіе

(Путешествіе въ Урянхай)

Съ 27-ю рисунками и 3 картами

Фотографіи сняты К. Д. Минцловой



СИБИРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО — РИГА

Эта книга напечатана
въ типографіи „Vārds“
Рига, Бл. Плавучая 24

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всѣ спеціальныя данныя, добытыя авторомъ во время его поѣздки, выдѣлены имъ въ особыя статьи. Матеріалы по археологіи, подъ названіемъ „Памятники древности въ Урянхайскомъ краѣ", напечатаны въ т. XXII Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археолог. О-ва; другіе матеріалы сведены въ два доклада, изъ которыхъ одинъ былъ читанъ авторомъ въ Импер. Географ. О-вѣ въ 1915 г., а другой сдѣланъ Переселенческому Управленію.

Глазомѣрныя карты, приложенныя къ книгѣ, сняты инженеромъ Б. Порватовымъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

30-го апрѣля 1914 года.

Вчера рѣшился вопросъ о моей секретной командировкѣ въ Урянхайскій край. Переселенческое управленіе посылаетъ меня для осмотра и изученія страны. Не позже одиннадцатаго мая выѣзжаю сперва въ Иркутскъ, къ генералъ-губернатору, оттуда черезъ Красноярскъ на Минусинскъ, и далѣе въ глубь Азіи, за Саяны, къ еще совершенно невѣдомымъ верховьямъ Енисея.

За эти дни перерылъ рѣшительно все, что могъ найти относящагося къ Урянхаю и этого „всего" весьма мало — край „невѣдомый" въ полномъ смыслѣ этого слова. Много за то дали секретныя междувѣдомственныя переписки, предоставленныя мнѣ полностью. Дѣло съ Урянхаемъ обстоитъ такъ:

Послѣ китайской революціи таинственная земля эта, превосходящая размѣрами Швейцарію, оказалась ничьей: отъ Китая ее отдѣлили пустыни Монголіи, жители которой враждуютъ съ урянхами; Китай къ заселенію Урянхая попытокъ не дѣлалъ и китайцевъ въ немъ нѣтъ совершенно. Кое гдѣ въ краѣ имѣются самовольно просочившіеся русскіе поселенцы, но ихъ очень немного.

Земля и горы въ Урянхаѣ, по слухамъ, богатѣйшія; край этотъ никѣмъ изслѣдованъ не былъ и, естественно, у пограничныхъ властей

зародилась мысль присоединить его къ Россіи. Согласился съ нею весь кабинетъ министровъ за исключеніемъ Сазонова. Онъ рекомендовалъ крайнюю осторожность и противъ доказательствъ того, что край принадлежалъ намъ еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, выдвинулъ то, чего, очевидно, не знали ни министры, ни генералъ-губернаторъ Князевъ—Чугучагскій договоръ, въ силу котораго мы получили отъ Китая Уссурійскій край, взамѣнъ Урянхайскаго. Дѣло рухнуло, но черезъ годъ, въ истекшемъ мартѣ мѣсяцѣ, правительство сдѣлало одинъ, довольно неувѣренный, шагъ: урянховъ, ходатайствовавшихъ о пріемѣ ихъ въ русское подданство, приняли подъ „покровительство" Россіи . . .

Противъ „подданства" возсталъ опять таки тотъ же Сазоновъ и заявилъ, что такое дѣйствіе чревато послѣдствіями и будетъ сочтено державами за начавшійся раздѣлъ Китая. Пріема въ это подданство сойоты ожидали долго и, наконецъ, нѣсколько хошуновъ (княжествъ) отдѣлились отъ своихъ и приняли подданство монгольское. Теперь — нѣсколько поздновато — меня посылаютъ для подробнаго ознакомленія съ краемъ, для выясненія его природы, почвы, численности населенія, ископаемыхъ богатствъ и степени пригодности для переселенія. Отнынѣ нашъ планъ сводится къ тому, чтобы безшумно заполнить край русскими и заполучить его явочнымъ порядкомъ. Мнѣ предложено ѣхать въ качествѣ, якобы, совершенно посторонняго министерству человѣка, ученаго, интересующагося этнографическими особенностями и археологіей страны.

Ѣду съ женою. Закупаемъ сѣдла, вьюки, палатку и прочій походный скарбъ.

18 мая. Иркутскъ

Послѣ семи сутокъ тряски въ душномъ, пыльномъ вагонѣ, сегодня утромъ я съ женой пріѣхали въ Иркутскъ. На вокзалѣ встрѣтило меня улыбающееся лицо Дмитревскаго: передъ выѣздомъ изъ Петербурга я далъ ему въ Читу телеграмму и онъ прикатилъ съ женой изъ за тысячи верстъ, чтобы повидаться съ нами. Остановились мы въ Метрополѣ; номера наши бокъ о бокъ.

Городъ почти сплошь деревянный; на главной, Большой, улицѣ имѣется довольно много каменныхъ домовъ — плоскихъ ящиковъ еще Николаевскихъ временъ.

Вымощена булыжникомъ лишь Большая и часть двухъ пересѣкающихъ ее улицъ; всѣ остальныя даже не шоссированы. Стоитъ жара, легкіе порывы вѣтра носятъ по городу тучи пыли. Тротуары вездѣ деревянные. Оживлена только покрытая магазинами Большая улица, остальныя пустынны и лишь кое гдѣ попадаются фигуры прохожихъ. Постройки большею частью все одноэтажныя; двухэтажныхъ немного, а трехэтажныя (каменныя) и совсѣмъ рѣдкость.

Столица Сибири сразу перенесла меня въ дореформенное время: нѣтъ только шлагбаумовъ и полосатыхъ будокъ, все остальное сохранилось полностью.

Часовъ съ 4 на Большой улицѣ происходитъ гулянье; у стѣнъ домовъ на ней разставлено множество скамей и тротуары сплошь заливаются праздношатающейся публикой. Дамскій полъ расфуфыренъ не хуже Питерскаго: юбки съ разрѣзомъ до колѣнъ, ажурные чулки, кричащаго цвѣта платья въ видѣ трехъ ярусовъ изъ мѣшковъ — вся эта египетская казнь

свирѣпствуетъ и въ пяти тысячахъ верстъ отъ столицы.

На насъ глазѣли съ такимъ нескрываемымъ любопытствомъ, что сразу видно было, что всѣ обыватели знаютъ другъ друга вдоль и поперекъ; многіе даже останавливались и подолгу глубокомысленно созерцали насъ.

Вечеръ провели въ кинематографѣ, смотрѣли какую то „драму въ 3.000 метровъ“.

19 мая.

Утромъ ѣздилъ представляться генералъ-губернатору. По пыльной, немощеной набережной извозчикъ доставилъ меня къ бѣлому дворцу, возвышающемуся на углу Большой и Набережной.

Домъ не изъ важныхъ, съ традиціонными колоннами Александровскихъ временъ. Противъ него молоденькій скверъ, примыкающій къ изрытому ямами пустырю; дальше, въ низинѣ, синѣетъ Ангара, за нею встаютъ лѣсистыя горы. Набережной, кромѣ устроенной Господомъ Богомъ, нѣтъ никакой.

Въ пріемной, обставленной очень просто, ожидало нѣсколько человѣкъ; молодой дежурный чиновникъ побѣжалъ доложить обо мнѣ и тотчасъ же вернулся со словами: „пожалуйте, просятъ“! . . .

Курьеръ распахнулъ дверь, и я очутился не то въ столовой, не то въ комнатѣ для совѣщаній; середину ея занималъ длинный столъ, покрытый зеленою скатертью; вокругъ него стояли стулья съ высокими прямымн спинками; на стѣнахъ висѣли большіе портреты и между ними — Сперанскій.

Отворилась другая дверь и вошелъ Князевъ, невысокій человѣкъ въ мохнатой желто-корич-

невой тужуркѣ съ погонами на плечахъ и черными лампасами на брюкахъ. Небольшая, совершенно бѣлая борода клинышкомъ, короткіе, бѣлые волосы на головѣ, мягко глядящіе, каріе глаза, — все сразу расположило меня въ его пользу.

Министерство уже увѣдомило его о моемъ пріѣздѣ; генералъ усадилъ меня около стола, сѣлъ самъ и началась бесѣда.

Долженъ нѣсколько вернуться назадъ. Передъ отъѣздомъ изъ Питера мнѣ вручены были всѣ секретныя и не секретныя переписки объ Урянхайскомъ краѣ, и, помимо дѣлъ, передо мной выяснился цѣлый рядъ дрязгъ, которыя считаю нужнымъ отмѣтить.

Завѣдывающимъ пограничными дѣлами Усинскаго округа былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ— А. П. Цереринъ; въ помощь ему, для устройства переселенцевъ, изъ Петербурга прислали нѣкоего кавказскаго человѣка, Габаева, чиномъ коллежскаго регистратора.

Какъ водится, воеводы перегрызлись и стали писать другъ на друга ябеды. Габаевъ доносилъ Переселенческому Управленію, что Цереринъ препятствуетъ заселенію края русскими, отмѣняетъ инструкцію управленія и, словомъ, ведетъ себя сатрапомъ.

Цереринъ писалъ генералъ-губернатору, что Габаевъ самовольничаетъ, совершенно не признаетъ его и, будучи неуравновѣшеннымъ человѣкомъ, очень портитъ своими вмѣшательствами дѣло мирнаго присоединенія края.

Бумаги Габаева написаны были дѣльно, Церинскія были аляповатѣе.

Генералъ-губернаторъ заступился за своего и въ перепискѣ съ министерствами (внутрен-

нихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и иностранныхъ дѣлъ) „полагалъ бы необходимымъ“ отозвать Габаева и замѣнить его болѣе „уравновѣшеннымъ“ лицомъ.

Переселенческое Управленіе встало на сторону Габаева и напирало на недопустимость дѣйствій Церерина, позволившаго себѣ отмѣнять инструкцію и относить потомъ такое дѣяніе за счетъ генералъ-губернатора.

Въ результатѣ, Церерицъ получилъ выговоръ, ловкій же Габаевъ, успѣвшій побывать въ Петербургѣ и состоявшій въ сущности маленькимъ, подрайоннымъ чиновникомъ, получилъ полную самостоятельность. Церерина вызвали въ Иркутскъ.

Вотъ объ этихъ то дрязгахъ завелъ почти сразу рѣчь со мною Князевъ.

— Я совершенно не стою за Церерина, — говорилъ Князевъ. — Долженъ сказать только, что это чрезвычайно честный и порядочный человѣкъ, но у него не хватаетъ выдержки, такта. Онъ изъ духовнаго званія и нѣсколько грубоватъ. Что же дѣлать? У меня совершенно нѣтъ людей и послать мнѣ туда некого. Буду очень радъ, если на мѣсто проэктируемаго комиссара (долженствующаго замѣнить завѣдывающаго пограничными дѣлами) назначать кого либо изъ Петербурга: съ меня снимется, по крайней мѣрѣ, отвѣтственность за его дѣйствія. Что же касается г. Габаева, то онъ слишкомъ молодъ для занятія такой должности, какъ его и притомъ слишкомъ восточный человѣкъ!

Возвратясь изъ Петербурга, онъ не потрудился даже заѣхать ко мнѣ для доклада о дѣлахъ и прибылъ только тогда, когда я по телеграфу приказалъ ему немедленно явиться ко мнѣ.

Затѣмъ, послѣ его отъѣзда отсюда, я узналъ изъ третьихъ рукъ, что по возвращеніи изъ Петербурга онъ былъ въ Красноярскѣ у губернатора — тамъ теперь управляетъ губерніей молодой человѣкъ, вице-губернаторъ, только 2-3 мѣсяца назадъ назначенный на эту должность и получилъ отъ него въ полное свое распоряженіе пристава и двухъ урядниковъ для Урянхайскаго края. Деньги на содержаніе ихъ ему дало Переселенческое Управленіе.

Затѣмъ онъ въ Урянхаѣ собирается заложить городъ Бѣлоцарскъ, шумно организуетъ туда какую то экспедицію изъ землемѣровъ, геодезистовъ и т. п.

Все это дѣлается помимо меня и я знаю объ этомъ не только отъ губернатора, но и отъ прокурора. Вотъ прочтите, что мнѣ пишутъ...

Генералъ порылся въ столѣ и подалъ мнѣ офиціальное отношеніе прокурора палаты, въ которомъ чернымъ по бѣлому, въ весьма неодобрительномъ тонѣ, сообщалось про шумъ, поднятый Габаевымъ въ Красноярскѣ и про Бѣлоцарскъ.

Съ недоумѣніемъ прочелъ я повѣствованіе о неожиданной хлестаковщинѣ.

— Долженъ сказать Вашему Высокопревосходительству, сказалъ я, возвращая бумаги,— что для меня все это новость. Въ Петербургѣ я не только не слыхалъ ничего о предстоящемъ основаніи Бѣлоцарска, но получилъ даже инструкцію дѣйствовать какъ можно осторожнѣе, не привлекая вниманія монгольскихъ и китайскихъ властей.

— Ну конечно! ..— отвѣтилъ Князевъ, пожавъ плечами: — путь дѣйствій указанъ Сазоновымъ, одобренъ Совѣтомъ Министровъ и

ему надо слѣдовать! А это же Богъ знаетъ что!..

Бесѣда наша длилась около часа.

Закончилъ ее Князевъ слѣдующими словами:

„Да, теперь всѣ министерства, а наше особенно, стоятъ въ передней у вашего*). И власть и деньги — все у него, оно купается въ золотѣ. Мы не можемъ добиться грошей, чтобы было на что содержать лишняго урядника, а тамъ, на что ни вздумается, на все дадутъ въ изобиліи! Приставъ понадобился — пожалуйте! два урядника — готово! Но гдѣ же это видано, чтобы полиція состояла въ распоряженіи... переселенческаго чиновника?!

Говорилъ Князевъ не волнуясь, мягко; чувствовалось въ немъ спокойствіе стараго, много извѣдавшаго человѣка, уже стоящаго на томъ рубежѣ, съ котораго и собственная жизнь и дѣла людей кажутся маленькими и далекими, когда какой то особый свѣтъ озаряетъ душу человѣка. Если бы онъ былъ въ рясѣ, старецъ изъ него вышелъ бы рѣдкостный!

Проводилъ онъ меня въ переднюю и просилъ придти къ 5 часамъ: „побесѣдуемъ съ вами на свободѣ, а въ шесть часовъ пообѣдаемъ.“

Невольно вспомнился мнѣ новгородскій Лопухинъ. Какая разница между вершителемъ судебъ почти полъ Сибири — большей чѣмъ вся Европа — и губернаторомъ захолустнаго городка!

Кстати — отмѣчу — дѣла Лопухина теперь не блестящи. Еще когда онъ былъ въ Тулѣ

---

*) Я состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Главномъ Управленіи Землеустройства и Земледѣлія.

до меня доходили вѣсти о его выходкахъ тамъ; затѣмъ его перевели въ Вологду.

И вотъ, еще до моего отъѣзда изъ Петербурга, Пуришкевичъ выступилъ въ Государственной Думѣ со своею знаменитою теперь критикою губернаторовъ. Однихъ онъ хвалилъ, другихъ порицалъ, третьихъ раздѣлалъ подъ орѣхъ. Въ число послѣднихъ попалъ и Лопухинъ.

— Я совершенно не принадлежу къ числу сторонниковъ евреевъ, — такъ приблизительно сказалъ думскій депутатъ — но если еврея выселяютъ только за то, что ему не платитъ за взятую мебель губернаторъ, какъ это имѣло мѣсто въ Тулѣ, — это недопустимо! Губернатора Лопухина перевели за это въ Вологду, но не могутъ же вологодцы не знать, что за гусь прилетитъ къ нимъ изъ Тулы?"

Въ канцеляріи генералъ-губернатора меня встрѣтилъ Церeринъ, высокій плотный брюнетъ въ пенснэ, съ легкою просѣдью въ густыхъ коротко остриженныхъ волосахъ. Впечатлѣніе на меня онъ произвелъ грубоватое; таковъ же и голосъ у него, низкій и чуть сиплый.

Мы пожали другъ другу руки и я извинился передъ нимъ, что послужу невольной причиной его задержки въ Иркутскѣ: — онъ собирался выѣхать сегодня въ Усинское, но Князевъ сказалъ мнѣ. что задержитъ его, чтобы я имѣлъ возможность переговорить съ нимъ и обсудить все относительно дальнѣйшаго моего путешествія.

Церeринъ былъ чрезвычайно любезенъ и спросилъ, — помню ли я Лобунченко. Оказывается, уфимскій Лобунченко служитъ у нихъ дѣлопроизводителемъ и когда, узналъ, что отъ Министерства пріѣду я, расхвалилъ меня превыше небесъ.

Церерина вызвали къ генералъ-губернатору, а я поднялся во второй этажъ къ Лобунченкѣ.

Расцѣловались мы съ нимъ; растолстѣлъ онъ страшно, но въ общемъ все такой же, улыбающійся и привѣтливый. Губернатора Ключарева ругалъ жестоко. — „Столько изъ за него маленькихъ людей пострадало!" съ возмущеніемъ говорилъ Лобунченко. — „Дѣйствовали по его же приказу, собирая на этотъ проклятый Аксаковскій домъ, а какъ къ разсчету дѣло пришло — никого не пожалѣлъ, всѣхъ топилъ, только себя одного выгородилъ! А теперь въ Симбирскѣ опять какую-то постройку, тоже на „добровольныя" пожертвованія, затѣваетъ!"

Забылъ отмѣтить начало моего разговора съ Князевымъ: онъ встрѣтилъ меня вопросомъ, не братъ ли я Рудольфу Рудольфовичу и Ивану Рудольфовичу Минцловымъ и когда я сказалъ, что я сынъ перваго, онъ еще разъ пожалъ мою руку и сказалъ, что хорошо зналъ обоихъ, хотя они учились въ Лицеѣ, а онъ въ правовѣдѣніи и что когда отецъ мой служилъ въ Рязани членомъ Суда, онъ былъ тамъ же кандидатомъ на судебныя должности.

Къ обѣду генералъ-губернаторомъ, кромѣ меня, были приглашены Цер229ринъ и Эльтековъ; послѣдній завѣдываетъ въ канцеляріи политическими дѣлами. Обѣдъ былъ скромный, изъ трехъ блюдъ; прислуживали два лакея.

Рядомъ со мной сидѣла генеральша, маленькая худенькая старушка; всѣ бесѣдовали непринужденно и чувствовалось, что мѣстные чиновники трепета въ поджилкахъ отъ близости своего начальника не ощущаютъ.

Послѣ обѣда вышли на узенькій балконъ, любовались дѣйствительно красивымъ видомъ на Ангару; я видѣлъ, что старикъ весьма утомленъ, и въ скоромъ времеии откланялся.

Князевъ предложилъ мнѣ взять съ собой для охраны казаковъ, но я отказался: съ „секретностью“ поѣздки казачій отрядъ не вяжется!

Къ десяти часамъ вечера жизнь въ городѣ замираетъ. Вмѣстѣ съ Дмитревскими мы отправились пройтись; дулъ сильный вѣтеръ, почти буря; улицы казались пустынями.

Песокъ и пыль какъ густой дымъ заполняли воздухъ; электрическіе фонари свѣтились сквозь нихъ мутными пятнами; иногда вихрь врывался подъ деревянные мостки, ведущіе съ тротуаровъ на мостовыя, и взметалъ оттуда кучи всевозможныхъ бумагъ: для упрощенія уборки улицъ мѣстные жители валятъ соръ подъ эти спасительные мостки, а вѣтромъ разноситъ его потомъ опять по городу.

20 Мая.

Заѣзжалъ Цереринъ и оставилъ карточку съ надписью о томъ, что билетовъ на 21 ни 2-го ни 1-го классовъ нѣтъ; я это уже зналъ и потому запасся билетами 3-го класса. Сообщилъ ему это по телефону и онъ какъ будто поразился такимъ выходомъ изъ нелѣпаго положенія; любитъ у насъ публика помпу, что грѣха таить!

Высказалъ мнѣ сожалѣніе, что не придется вмѣстѣ ѣхать до Красноярска и заявилъ, что догонитъ меня и выѣдетъ съ курьерскимъ поѣздомъ вечеромъ 21. На этотъ поѣздъ, по его словамъ, билеты всегда можно найти.

На музеѣ здѣсь красуется надпись: „закрытъ до 15 августа“, т. е. именно въ то время, когда Иркутскъ посѣщаетъ наибольшее количество туристовъ.

Я упомянулъ объ этомъ въ разговорѣ съ генералъ-губернаторомъ и онъ сейчасъ же по-

слалъ за Першинымъ, однимъ изъ главныхъ знатоковъ буддизма; музей открыли, и мы осмотрѣли его.

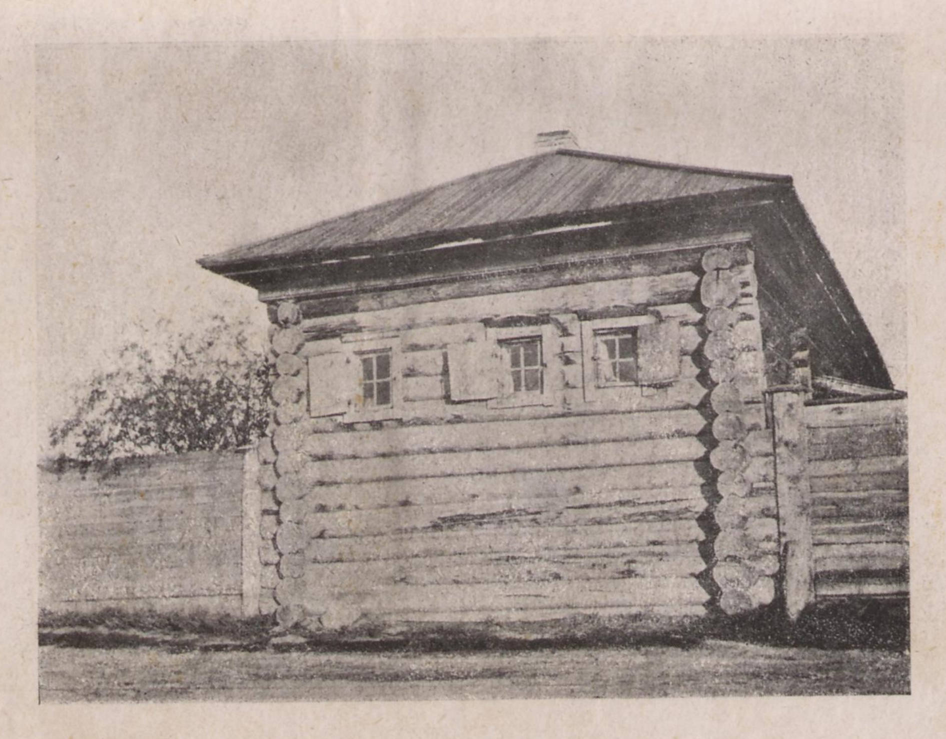
Слава Богу, начинаетъ просыпаться наша провинція! Въ самыхъ глухихъ углахъ образовываются и сплачиваются кучки людей, интересующихся прошлымъ и настоящимъ своихъ губерній, возникаютъ музеи, берегутъ все, что попадаетъ въ руки.

Иркутскій музей довольно богатъ, но тѣсенъ, несмотря на то, что помѣщается въ недавно выстроенномъ спеціально для него зданіи.

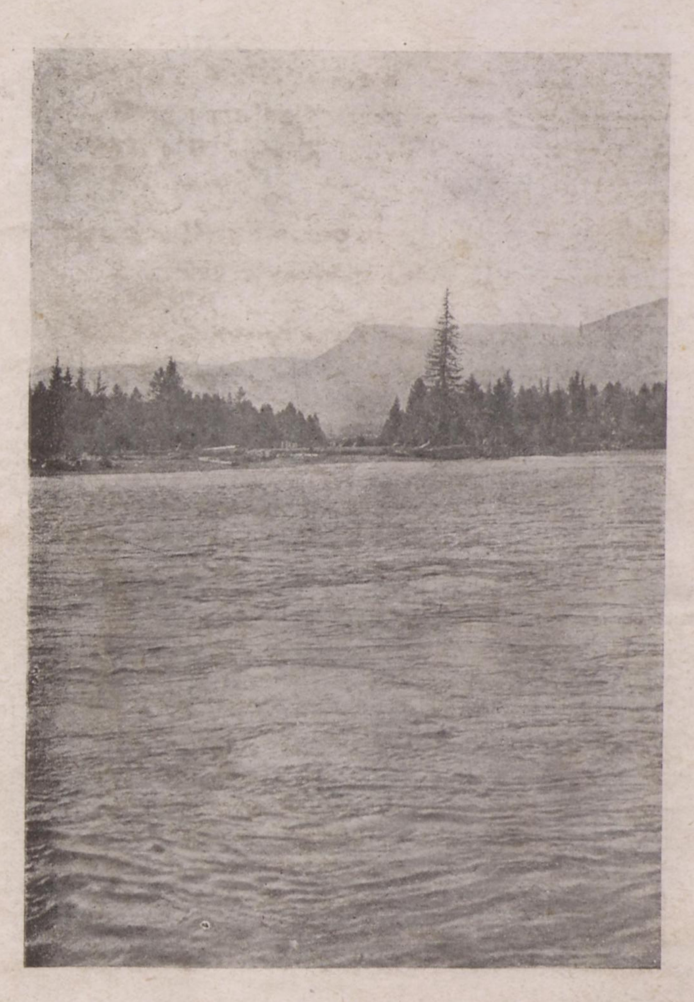
Познакомился тамъ съ нѣсколькими, по простецки одѣтыми, личностями; двое изъ нихъ почтенные старики; всѣ оказались дѣятельными работниками музея и членами Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества. Каждый показалъ намъ свой отдѣлъ въ музеѣ и чувствовалось, что большая любовь движетъ этими людьми. Изъ музея мы отправились взглянуть на дома декабристовъ.

На Кутаксовской улицѣ уцѣлѣлъ домъ князя Трубецкого и противъ церкви Преображенія — князя Волконскаго. Первый закрытъ теперь съ улицы сравнительно новымъ каменнымъ домомъ, занимаемымъ штабомъ пѣхотной дивизіи; тамъ гдѣ жилъ Трубецкой — въ сѣромъ деревянномъ домикѣ съ мезониномъ и балкончикомъ, размѣщены теперь кровати писарей.

Мы обошли комнаты; карнизы, печи, — все сохранилось въ немъ отъ прежнихъ временъ; въ средней, самой большой комнатѣ, вѣроятно, въ залѣ, или столовой, уцѣлѣла прекрасная палисандровая дверь, какъ говорятъ, работы самого Трубецкого.



Домъ въ Минусинскѣ.



Рѣка Усъ.

Домъ Волконскаго вдвое больше. Огромный, побурѣвшій, онъ мрачно смотритъ двумя ярусами оконъ на широкій пустырь улицы. Въ немъ помѣщается теперь какое-то училище.

Мы отворили калитку и сразу перенеслись во дни стараго барства.

Обширнѣйшій зеленый дворъ окаймляютъ длинныя службы и разныя хозяйственныя строенія. Крыльцо въ видѣ двухъ глухихъ полуарокъ, на которыя опирается навѣсъ надъ нимъ, ведетъ въ домъ. Съ противоположной стороны огромный балконъ и садъ, спадающій по скату горы.

Домъ былъ замкнутъ; ни въ саду, ни во дворѣ не было ни души.

Въ такой „ссылкѣ", съ такими удобствами жить было можно!.. это не березовская лачуга Меньшикова!

Какъ говорятъ мѣстныя преданія, строителями этихъ домовъ являлись сами князья.

Отъ дома Волконскаго недалеко и до взгорка, на которомъ расположенъ Знаменскій женскій монастырь. На кладбищѣ его насъ должны были ожидать Дмитревскіе; времени оставалось немного, мы взяли съ женой извозчика и покатили.

Дмитревскіе были уже на мѣстѣ и, раздвинувъ осыпанныя бѣлыми цвѣтами вѣтви яблони, читали витіеватую надпись надъ могилой извѣстнаго купца-путешественника Шелехова.

Прямо противъ воротъ у стѣны церкви, за покосившейся желѣзной рѣшеткой, ютятся остатки незамѣтныхъ памятниковъ, прикрывающихъ прахъ Трубецкихъ; подъ однимъ изъ нихъ та, которую воспѣлъ Некрасовъ и которой не суждено было вернуться изъ холодной Сибири, куда она послѣдовала за мужемъ.

Въ иркутской же землѣ, но на другихъ кладбищахъ, лежатъ декабристы Поджіо и другъ Пушкина — Раевскій. Побродили по кладбищу; жена сдѣлала нѣсколько фотографическихъ снимковъ и вернулись домой.

Безъ насъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ визитомъ Князевъ и оставилъ двѣ карточки — мнѣ и женѣ.

23 мая. Красноярскъ

Вчера утромъ пріѣхали въ Красноярскъ. Городъ большой, но почти сплошь деревянный и еще болѣе невзрачный чѣмъ Иркутскъ.

Мощеныхъ улицъ нѣтъ; всѣ онѣ какъ горохомъ посыпаны галькою разныхъ размѣровъ и этимъ закончены всѣ заботы объ улицахъ. Пылища неистовая.

На базарной площади, во время нашего проѣзда черезъ нее, продавали трехъ живыхъ маленькихъ медвѣжатъ; жена купила имъ мороженаго и звѣрьки жадно принялись уписывать его съ бумажекъ. Одинъ быстро проглотилъ свою порцію и отнялъ долю у сосѣда; обиженный сѣлъ какъ человѣкъ и заплакалъ; крупныя слезы покатились у него градомъ. Конечно, бѣдняга былъ немедленно утѣшенъ новою порціей.

Магазиновъ въ городѣ немного; всѣ они ютятся на главной Воскресенской улицѣ; хорошихъ между ними мало.

На берегу Енисея разбиты два небольшихъ и узенькихъ, совсѣмъ еще молодыхъ бульвара; надъ входомъ въ одинъ, на высокихъ шестахъ, виситъ синяя доска съ надписью: — „бульваръ Императора Александра I“.

Видъ на Енисей и полукругъ прихотливыхъ горъ, закрывающихъ горизонтъ — чудесный!

Вечеромъ вчера ѣздили на подымающуюся надъ городомъ Караульную гору; на ней высится бѣлая башня, увѣнчанная крестомъ. Дверь въ нее продѣлана на высотѣ человѣческаго роста и заперта на замокъ. Мы заглянули въ щель; въ башенкѣ пусто, бѣлѣли голыя стѣны. Вокругъ нея видны остатки кирпичныхъ фундаментовъ, можетъ быть, укрѣпленія, оборонявшаго когда то эти мѣста.

Внизу, какъ на ладони, виденъ разлегшійся на равнинѣ городъ.

Вчера же удостоился посѣщенія интервьюверовъ — издателя и редактора мѣстной газеты „Енисейская мысль", Александра Александровича Жалудскаго и Емельяна Федоровича Кудрявцева.

Первый — еврей, второй русскій и еще недавно самъ издавалъ газету, а теперь сдѣлался по его словамъ „пролетаріемъ", отъ слова пролетѣть. Просили подѣлиться съ ними впечатлѣніями, а на возвратномъ пути прочесть лекцію о всемъ видѣнномъ. Оба были такъ любезны, что отказать было нельзя.

Спросили, не съ экспедиціей ли Габаева я ѣду. Отвѣтилъ, что нѣтъ. Оказывается, этотъ господинъ лично пріѣзжалъ въ редакцію и просилъ напечатать о томъ, что онъ снаряжаетъ экспедицію въ Урянхай.

Какъ водится, бесѣду со мной переврали и сегодня прочиталъ въ газетѣ далеко не то, что я говорилъ.

Въ 3 часа дня зашелъ къ Церерину; онъ остановился, какъ было условлено, въ той же гостиницѣ;

— Хорошо вы сдѣлали, что не поѣхали съ курьерскимъ! — воскликнулъ онъ, здоро-

ваясь со мной. — Былъ всего лишь одинъ билетъ; ночью, вдобавокъ, сгорѣла букса у международнаго вагона и, можете себѣ представить, всѣхъ пассажировъ изъ него перевели къ намъ! Не только что спать--сидѣть было едва возможно!

Изъ дальнѣйшей бесѣды съ нимъ, я узналъ, что изъ 5 нойоновъ—(Урянхайскихъ князей)—принять русское подданство пожелали только 3 западныхъ; 2 восточныхъ хошуна держатся монголовъ и русскихъ знать не желаютъ и потому надо дѣйствовать весьма осторожно, отнюдь не съ рыва, какъ это дѣлаетъ Габаевъ.

— Я сдѣлаю одно — онъ дѣлаетъ другое! говорилъ Церѣринъ. — Мы уже полвѣка исподволь убѣждали урянхайцевъ, что земля ихъ принадлежитъ Россіи, Габаевъ же вдругъ началъ дѣйствовать подкупами и путемъ платы пріобрѣтать земли у нойоновъ. Но нойоны частью даже не наслѣдственные, а выборные; спрашивается — за что платить имъ русскія деньги?

— Затѣмъ, въ краю уже существуютъ русскіе поселки; туда идутъ золотоискатели... Если получитъ деньги за землю одинъ нойонъ — сейчасъ же потребуютъ и другіе Кто же будетъ платить за всѣхъ и за все?

— Я просилъ Габаева не мѣшаться въ дѣла политики и отнюдь не бесѣдовать на эту тему съ нойонами — онъ поступаетъ какъ разъ напротивъ.

— Мало того; первонасельники, открывшіе, такъ сказать, край, первые піонеры, — это мѣстные купцы. У нихъ большія факторіи, большое скотоводство. Значеніемъ и уваженіемъ среди урянховъ они пользуются огромнымъ. Они уже десятки лѣтъ какъ владѣютъ въ краѣ значительными полосами земли и вотъ г. Габаевъ не стѣсняется во всеуслышаніе за-

являть, что ихъ слѣдуетъ выгнать и распредѣлить ихъ землю между крестьянами!

— Конечно, они всѣ насторожились и будутъ противодѣйствовать всякому, даже разумному, переселенію. Вліяніемъ, повторяю, они пользуются огромнымъ; подумайте, что же у насъ выйдетъ, если они тайно начнутъ возмущать противъ насъ нойоновъ? Гдѣ же тутъ разумная безшумная политика, рекомендуемая Сазоновымъ? Послѣ всѣхъ непріятностей, пережитыхъ мною изъ за Габаева и Чакирова, усинскаго пограничнаго начальника, его друга и пріятеля, я просилъ генералъ-губернатора освободить меня отъ теперешнихъ обязанностей и вернуть въ Иркутскъ. Князевъ отказалъ и опять посылаетъ обратно!

Я съ большой похвалой отозвался о послѣднемъ.

— Н-у!..—протянулъ Церержнъ и снявъ пенснэ, сталъ протирать ихъ. — Онъ считаетъ себя обязаннымъ очаровывать всѣхъ! Но служить съ нимъ не сладко. Онъ всего боится. Такъ прямо и говоритъ намъ: — я не хочу, чтобы меня изъ за васъ убрали въ Государственный Совѣтъ! Здѣсь онъ получаетъ 22 тысячи, при готовой квартирѣ, освѣщеніи и отопленіи, а тамъ его ждетъ всего 10...

Я улыбнулся.

— Да вѣдь ихъ только двое? Наконецъ, жить въ Петербургѣ, или въ захолустномъ Иркутскѣ разница большая.

— Нѣтъ, у него есть сынъ — конногвардеецъ. Старикъ молится на него и чуть не голодаетъ, чтобы только побольше послать ему. На 10.000 содержать себя и сына въ Конной гвардіи будетъ нельзя.

Я высказалъ свое недоумѣніе по поводу своевольничанья Габаева.

— Вотъ-вотъ! — подхватилъ Церинъ. — Генералъ-губернаторъ, — это вѣдь громаднѣйшая власть, а его между тѣмъ игнорируютъ всѣ, кому не лѣнь! Должность Усинскаго пограничнаго начальника совершенно излишняя; занимаетъ ее капитанъ Чакировъ — весьма темная личность—и Князевъ рѣшилъ упразднить ее. Чакирову было послано предложенiе избрать любую вакансiю крестьянскаго начальника, или исправника, но никакого отвѣта не послѣдовало. Чакировъ укатилъ въ Петербургъ и, вернувшись, опять засѣлъ въ Усинскомъ.

— Генералъ-губернаторъ отправилъ депешу, приказывая немедленно подать въ отставку. Вмѣсто прошенiя объ отставкѣ Чакировъ прислалъ письмо, глупое, безграмотное, въ которомъ пишетъ, что удивленъ требованiемъ генерала, „тѣмъ болѣе, что всѣ поступки его удостоены одобренiя со стороны высшаго правительства въ Петербургѣ."

Объ этомъ Чакировѣ и его писарскомъ письмѣ я слыхалъ и въ Иркутскѣ отъ самого Князева; генералъ, характеризуя положенiе дѣлъ, сказалъ, что Чакировъ несомнѣнный корень зла и раздоровъ въ Усинскомъ.

— Человѣкъ онъ умный: — говорилъ Князевъ, — гораздо умнѣе Церерина и Габаева и въ то же время весьма низкой нравственности, хитрый и безъ всякаго образованiя. Онъ поссорилъ соперниковъ для того, чтобы самому остаться у власти и, устранивъ ихъ, получить мѣсто комиссара.

Церерину мнѣнiя и слова Князева я, разумѣется, не передалъ и только спросилъ, гдѣ же теперь Чакировъ и подалъ ли онъ, наконецъ, въ отставку.

— Нѣтъ, конечно! — отвѣтилъ Церинъ, — сидитъ себѣ въ Усинскомъ попрежнему!

Удивительная часть Россiйской Имперiи, гдѣ исправникъ, дежурящiй обыкновенно на вытяжкѣ въ переднихъ у губернаторовъ, перекоряется съ генералъ-губернаторомъ!

Я не сталъ доказывать Церерину странности политики убѣжденiй урянховъ, ни къ чему ни приведшей за цѣлые полвѣка, и послѣ бесѣды съ нимъ мы съ женой отправились путешествовать по городу.

Смотрѣть въ немъ рѣшительно нечего. На старсй базарной площади стоитъ длинный, двуярусный, облупленный и мѣстами покрившiйся, гостиный дворъ. Верхнiй этажъ его опирается, какъ хромой на костыли, на четырехугольныя колонны; за ними тянется выстланный избитыми плитами длинный корридоръ, со входами въ какiя то кладовыя. Надъ однимъ изъ нихъ доска съ надписью „Музей".

Привѣтствуемые собачьимъ лаемъ, мы поднялись по темной лѣстницѣ наверхъ; навстрѣчу намъ вышла здоровенная стряпка, съ засученными рукавами; дверь въ ея обиталище — кухню — была растворена и оттуда разило горѣлымъ мясомъ и лукомъ.

— Чо надо? — спросила сiя особа. Слѣдуетъ отмѣтить, что сибиряки вмѣсто „что" произносятъ „чо".

— Музей хотимъ посмотрѣть!

— Запертъ до осени! — сурово отвѣтила она и собралась уходить, но я остановилъ ее, заявивъ, что желаю видѣть завѣдывающаго.

Черезъ минуту выбѣжалъ, вытирая на ходу руки, завѣдывающiй, еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Онъ, какъ оказалось, проявлялъ фотографическiе снимки.

— А я только что собирался идти къ вамъ! — заявилъ онъ, узнавъ кто мы. — Мнѣ передалъ о вашемъ пріѣздѣ Жалудскій!

Музей помѣщается въ полутемныхъ и низкихъ, довольно обширныхъ кладовыхъ. Большая часть витринъ и предметовъ были закрыты и завернуты въ газетные листы; середины комнатъ загромождали забитые ящики.

Завѣдывающій пояснилъ, что на лѣто они убираютъ и прячутъ тѣ коллекціи, которыя боятся пыли и моли.

— Пыль здѣсь такая — представить себѣ не можете! — говорилъ онъ, — окна у насъ гнилыя, заклеиваемъ ихъ бумагой и все таки пылищи лѣзетъ столько, что набираются цѣлыя горы!

Осмотрѣть удалось только часть археологическихъ коллекцій; купилъ я нѣсколько книгъ мѣстнаго изданія и мы отправились во свояси.

24 мая. Пароходъ Россія.

Вечеромъ вчера перебрались на пароходъ. Цереринъ пріѣзжалъ проводить и нѣсколько разъ высказалъ сожалѣніе, что я все ускользаю отъ него и ѣду опять не съ нимъ.

Но мнѣ нѣтъ никакого смысла сидѣть еще нѣсколько сутокъ въ неинтересномъ Красноярскѣ, да еще вдобавокъ два праздника, тогда какъ лишняя пара дней, проведенная въ Минусинскѣ, многое прибавитъ къ запасу моихъ свѣдѣній объ Урянхаѣ.

Цереринъ остается, чтобы побывать у губернатора, прокурора и т. д. и, кромѣ того, ждетъ выписанную имъ откуда то старуху экономку.

Вчера же успѣлъ заглянуть къ очень приглашавшему меня Кудрявцеву; тамъ познакомился съ почтеннымъ старцемъ — Мих. Еф.

Кибортомъ, однимъ изъ мѣстныхъ дѣятелей и членомъ-корреспондентомъ Академіи наукъ; онъ поднесъ мнѣ нѣсколько книгъ, касающихся интересующихъ меня вопросовъ, указалъ нужныхъ лицъ въ Минусинскѣ и т. д. Вообще могу сказать, что встрѣчаю со стороны сибиряковъ самое широкое радушіе.

„Россія“ — первокласный двухъярусный пароходъ. Сейчасъ сижу и пишу у открытаго окна нашей двухмѣстной каюты, а виды смѣняются видами — одинъ лучше другого. Ѣдемъ все время среди горъ; мѣстами Енисей — могучій и мутный — пробилъ себѣ дорогу среди отвѣсныхъ гигантскихъ скалъ и ихъ иззубренныя, изверченныя пещерами красныя и бурыя стѣны встаютъ изъ самой воды.

Теченіе, съ которымъ приходится бороться пароходу, очень быстрое; поверхность рѣки вся въ завиткахъ и водоворотахъ. Ширина Енисея весьма велика: тамъ гдѣ амфитеатры горъ отступаютъ дальше отъ береговъ, она доходитъ до десятка верстъ*).

Чистота и удобства на пароходѣ выше всякаго требованія; куда до нихъ тому, что мы недавно видѣли, путешествуя по „культурной“ Польшѣ.

25 мая

Троицынъ день. Весь пароходъ убранъ молоденькими березками.

Въ Минусинскѣ будемъ утромъ.

26 мая. Минусинскъ.

Большой, широко раскинувшійся по ровной степи деревянный городишко — вотъ что такое Минусинскъ, столица „житницы Сибири.“

---

*) Енисей занимаетъ пятое по величинѣ мѣсто среди рѣкъ всего міра.

Улицы въ немъ, конечно, не мощеныя; пыль лежитъ на нихъ мягкимъ горячимъ слоемъ и послѣ каждаго, къ счастью рѣдкаго, проѣзжаго, желтымъ облакомъ застилаетъ на минуту — другую всю улицу съ окружающими ее домишками. Зато тротуары въ немъ каменные. Окрестности здѣсь изобилуютъ сланцемъ и громадныя плиты его, конечно необдѣланныя и даже непритесанныя другъ къ другу, настланы у домовъ.

Имѣется нѣсколько площадей; на одной изъ нихъ, Субботней, по субботамъ бываютъ огромные базары; дома кругомъ нея, частію каменные, двухъэтажные, заняты магазинами; дворы, выходящіе на площадь, завалены громаднымъ числомъ всевозможныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ.

Встрѣчаются магазины и на пересѣка́ющихъ ее улицахъ, но все это лавки и лавченки.

Единственная достопримѣчательность города — Мартьяновскій Музей.

Ходили мы съ женой по безмолвнымъ пустырямъ залъ его, отмыкавшимся сопровождавшей насъ босоногой дѣвченкой лѣтъ двѣнадцати и думалось: зачѣмъ эти богатыя коллекціи пропадаютъ здѣсь, въ трущобѣ, интересующейся саломъ и пшеницей и отнюдь не какими бы то ни было древностями?

Кромѣ насъ не было ни души; заглянулъ я въ книгу посѣтителей — въ тощенькой тетрадкѣ, ведущейся съ 1900 года, заполнено всего нѣсколько страничекъ.

Зданіе музея, двухъэтажное, кирпичное, не отапливается даже зимою; лѣтомъ въ немъ чувствуешь себя какъ въ погребѣ; въ окна, несмотря на то, что ихъ не выставляютъ, наметаетъ груды пыли. Помѣщеніе большое, но

коллекціямъ тѣсно и часть ихъ гніетъ на чердакѣ.

Ссыльные, которыхъ всегда было много въ Минусинскѣ, прекрасно разработали всѣ отдѣлы; теперь музеемъ завѣдываетъ какой то акцизный чиновникъ.

Побывалъ у мѣстныхъ властей — исправника и переселенческаго чиновника.

Первый еще совсѣмъ Гоголевскій типъ; большого роста, круглолицый, онъ производитъ впечатлѣніе очень недалекаго человѣка, а когда поговоришь съ нимъ, то оказывается и совершенно необразованнымъ. Выговоръ у него невозможнѣйшій, самый крестьянскій, хотя онъ и поспѣшилъ сообщить, что онъ изъ духовнаго званія.

Со смѣхомъ разсказывалъ онъ мнѣ, между прочимъ, какъ у него поставлено дѣло съ евреями.

— Въ городѣ ихъ у меня ни-ни!.. ни одного нѣтъ! На пристани нарядъ поставилъ: пристава, двухъ нижнихъ чиновъ, молодчаги! Они и глядятъ. Чуть пріѣзжій на жида смахиваетъ, цопъ его! стой, куда?

— А въ городъ!

— Въ гора-адъ? — Маршъ назадъ, на пароходъ!

— И что зе ви шутите?

— Маршъ, безъ разговоровъ!

— За шиворотъ его и сиди! Съ палубы его не спущаемъ, хо, хо, хо... такъ и уѣдетъ, не побывавъ нигдѣ!

Являлся ко мнѣ нѣкій Гущинъ, метеорологъ бывшій въ Урянхаѣ, маленькій, тощій, говорящій умирающимъ голосомъ. Пригласилъ его Габаевъ и увезъ его въ составѣ набранныхъ чиновниковъ въ Урянхай. Разсказывалъ чортъ знаетъ что. По его словамъ, Габаевъ

распоряжается тамъ какъ сатрапъ, кричитъ на кого ни попало, какъ мужиковъ вызываетъ къ себѣ мѣстныхъ князей-нойоновъ, во всеуслышаніе заявляетъ, что прогонитъ всѣхъ первосельниковъ, чуть не по 50 лѣтъ владѣющихъ уже въ краѣ землями и т. д. Правда, эти купцы — богачи большой тормазъ для переселенческаго дѣла, такъ какъ владѣютъ цѣлыми долинами рѣчекъ, но все же нельзя въ наводненіи края русскимъ мужикомъ видѣть цѣль и вѣнецъ политики тамъ. Будто бы Габаевъ издаетъ невозможнѣйшіе приказы; въ числѣ ихъ, якобы, былъ предписывавшій забирать плоты частныхъ лицъ, плывущіе мимо Бѣлозарска и обращать бревна на постройку домовъ въ немъ. Приставъ Александровъ, взятый имъ изъ Красноярска, держитъ себя какъ въ завоеванномъ краю . . . и т. д.

Гущинъ человѣкъ не интеллигентный, но „политическій" ссыльный. Въ какую политику могла замѣшаться подобная никчемность—не знаю, но теперь у него здѣсь своя хибарка и въ ней 7 человѣкъ дѣтей. Несмотря на это, онъ сбѣжалъ отъ Габаева, предпочтя, по его словамъ, остаться безъ мѣста, чѣмъ смотрѣть на безобразія, творимыя въ Урянхайскомъ краѣ.

Неврастеникъ Гущинъ весьма явственный и что въ его словахъ правда и что неврастенія — покажетъ будущее.

30 мая.

Пріѣхалъ Церменинъ. Казакъ привезъ ему изъ Усинскаго кучу писемъ и онъ съ негодованіемъ показалъ мнѣ два; одно отъ его секретаря, другое отъ частнаго лица къ послѣднему. Жалобъ на Габаева безъ конца, сплетенъ тоже.

Былъ въ казначействѣ и хотѣлъ размѣнять двѣ тысячи рублей на серебро, но чиновники

отсовѣтовали это дѣлать: оказывается и сойоты и монголы предпочитаютъ наши бумажки рублеваго достоинства. Въ Россіи и Сибири онѣ давно уже не ходятъ и ихъ держатъ только въ Минусинскѣ для кочевниковъ. Взялъ пополамъ серебра и бумажекъ.

1 іюня.

Вчера прискакалъ изъ Урянхая Габаевъ. Дважды заходилъ ко мнѣ, но я былъ по археологическимъ дѣламъ у директора мѣстной учительской семинаріи Линькова и засталъ онъ меня дома только около 5 часовъ вечера.

Габаевъ типичный сухопарый грузинъ; держится, благодаря впалой груди, немного крючкомъ, лицо красивое, бритое, съ длинными усами. Лѣтъ ему на видъ 25, въ дѣйствительности же 29.

Познакомившись, я сейчасъ же передалъ ему содержаніе своей бесѣды съ генералъ-губернаторомъ.

— Все нэправда! — заявилъ онъ мнѣ гортаннымъ голосомъ горца; выговоръ у него типично грузинскій. – Нэ вызывалъ онъ мэня, самъ я къ нему поѣхалъ. Все зналъ, все ему доложилъ. И на счетъ Бѣлоцарска знаетъ, все вретъ!..

Остановился Габаевъ въ той же гостиницѣ гдѣ и я; номера наши рядомъ; сейчасъ же онъ побѣжалъ къ себѣ и вернулся съ бумагами въ рукахъ. Взялъ ихъ — вижу одобренный переселенческимъ Управленіемъ проэктъ Бѣлоцарска и всякихъ мѣропріятій по устройству края; ассигновали въ распоряженіе Габаева 63.000 р.: ясно, что основывать городъ, прокладывать въ краю дороги, измѣрять и размежевывать лѣса и земли урянховъ безъ шума нельзя!

Прочелъ я всѣ полномочія Габаева, изъ которыхъ истекаетъ, что евангельскіе завѣты о томъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая, строго выполняются нашими министерствами. Мнѣ дали инструкцію объѣхать и осмотрѣть край, не привлекая къ себѣ вниманія, чуть не крадучись, а между тѣмъ въ томъ же краю, по порученію другого отдѣла того же министерства, гремятъ на весь міръ русскіе топоры и кирки, основывая городъ! Ознакомили меня въ Питерѣ со всѣми секретными перепискам, но не сочли нужнымъ сообщить о такомъ пустякѣ, какъ постройка города на территоріи, признанной министерствами внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ чужою . . .

Церринъ ѣдетъ съ „секретнымъ“ порученіемъ объявить урянхамъ о принятіи ихъ подъ русское покровительство и ему предписано „выполнить это безъ огласки“ чуть не на ушко каждому нойону. Чепуха невѣроятнѣйшая!

Габаевъ ругалъ Церерина; по его словамъ онъ и бездѣльникъ и надутый индюкъ, требующій только преклоненія передъ нимъ.

Самолюбивъ Габаевъ, видимо, до болѣзненности. Я его урезонивалъ, говорилъ, что все же надо ради большого дѣла, порученнаго имъ обоимъ, считаться съ Церeринымъ, посвящать его въ курсъ своихъ дѣлъ и быть болѣе мирнымъ чѣмъ онъ, „немирной черкесъ.“

Опять таки и въ создавшихся невозможныхъ отношеніяхъ между ними виноваты верхи! Церерину, съ согласія всѣхъ министерствъ, даютъ огромныя полномочія, шлютъ въ помощь ему Габаева, и сейчасъ же, послѣднему, минуя перваго, начинаютъ давать порученія, выходящія за предѣлы его полномочій — поручаютъ основывать городъ, передаютъ въ полное его распоряженіе полицію, валятъ уйму денегъ.

Церeринъ стоитъ на точки зрѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ и хочетъ медленнаго, осторожнаго захвата края. Габаевъ твердитъ, что земля урянховъ — земля русская, и, будучи ставленникомъ переселенческаго Управленія, идетъ напроломъ.

Разумѣется, толка отъ такой „совмѣстной" работы, да еще обостренной взаимной ненавистью, ожидать нельзя! Въ этомъ я убѣдился вечеромъ.

Габаевъ и Церeринъ оба просили меня воздѣйствовать какъ нибудь каждый на своего соперника. Я отвѣтилъ, что никакихъ полномочій на какія бы то ни было вмѣшательства въ ихъ дѣла не имѣю, но въ качествѣ частнаго человѣка и русскаго, желающаго успѣха русскому дѣлу на окраинахъ, конечно, сдѣлаю, что могу.

Вечеромъ, предварительно потолковавъ по душамъ съ обоими, я пригласилъ ихъ къ себѣ, выпить вмѣстѣ чаю.

Сидѣли долго, до часу ночи. Впечатлѣніе получилось весьма тягостное.

Церeринъ человѣкъ уравновѣшенный, но тиходумъ и весьма опасливый. Габаевъ — кипятокъ, уступающій ему въ продуманности своихъ дѣйствій, человѣкъ несомнѣнной авантюристской складки, но энергичный и дѣятельный. Такіе люди — золото въ рукахъ, умѣющихъ держать ихъ и направлять ихъ энергію. У Церeрина этого таланта нѣтъ.

Церeринъ былъ сдержанъ, Габаевъ все время привязывался къ каждому слову его, все критиковалъ, все опровергалъ, многое, видимо, не понимая, да и не желая вникать въ сущность вопросовъ. Оба цѣпляются за свою власть и за престижъ и примирить ихъ немыслимо. Церeринъ мечтаетъ занять консульское

мѣсто комиссара (7.500 р. въ годъ жалованья) и быть въ сущности царькомъ на покоѣ; покой и комфортъ онъ весьма любитъ. Габаевъ, какъ это прорвалось у него въ бесѣдѣ наединѣ со мной, жаждетъ камеръ юнкерства и хочетъ только, чтобы ему дали возможность достроить для этого Бѣлоцарскъ. А затѣмъ для него здѣсь хоть трава не рости!

11 іюня.

Сидимъ въ Усинскомъ: Саяны остались за нами. Четвертаго числа рано утромъ мы выѣхали изъ Минусинска; на первой тройкѣ находились мы съ женой, на второй Габаевъ съ женой горнаго инженера Порватова, затѣмъ на парныхъ повозкахъ шелъ грузъ для Бѣлоцарска и наши вещи; поѣздъ замыкалъ возокъ съ габаевскими казаками съ желтыми лампасами и околышами фуражекъ. Мчали насъ лихо; первая остановка была въ сорока пяти верстахъ въ деревнѣ Казанцевой, гдѣ мы провели часа два, пили чай и обѣдали и затѣмъ на тѣхъ же лошадяхъ проскакали еще тридцать верстъ въ село Ермаковское.

Вечеромъ мы были уже въ селѣ Григорьевкѣ — послѣднемъ пунктѣ на нашемъ пути, гдѣ имѣется почтовое отдѣленіе и телеграфъ. Отсюда начинается иной міръ — безбрежная, на тысячи верстъ раскинувшаяся тайга и горы. Тайга, впрочемъ, встрѣтила насъ еще задолго до Григорьевки и мы съ женой все время любовались громадными, обхватовъ до пяти, соснами, встававшими по обѣимъ сторонамъ дороги. Саяны, съ ихъ покрытымъ снѣгомъ хребтомъ Араданомъ, глядѣли на насъ всю дорогу, почти отъ самаго Минусинска; жена, еще не видавшая высокихъ горъ, принимала ихъ за облака.

К. Д. Минцлова и С. Р. Минцловъ въ пути.

Видъ на Урянхай съ хребта Таскылъ.

Въ Григорьевкѣ насъ ждалъ у земской квартиры казакъ; тройки и пары наши свернули въ распахнутыя настежь ворота и въѣхали на устланный толстыми досками, небольшой дворъ; началась разгрузка подводъ, поднялась суета и шумъ.

Хозяйка—добродушная, пожилая толстуха—„собрала" намъ ужинъ изъ яичницы и молока и подала самоваръ; мы добавили кое чего изъ своихъ запасовъ и усѣлись замаривать червячка.

Григорьевка живетъ проводничествомъ. Не прошло и получаcу — въ избу нашу ввалилось десятка полтора бородатыхъ крестьянъ условливаться насчетъ лошадей. Подъ грузъ и подъ насъ ихъ требовалось тридцать пять штукъ. Габаевъ сговорился по двѣнадцать рублей за коня, при шести проводникахъ.

Казаки расположились на ночлегъ подъ навѣсомъ около груды вещей; желтымъ глазомъ засвѣтился на столбѣ большой, самодѣльный деревянный фонарь. Ночь выдалась свѣжая, темная. Чернымъ, неровнымъ кольцомъ вставали на вызвѣздившемъ небѣ горы... Хорошо спалось послѣ скачки въ сто восемь верстъ!

ГЛАВА I

Отъ Григорьевки до Усинскаго считается до ста шестидесяти верстъ; между ними строится шоссе и готово уже тридцать пять верстъ; остальную часть пути можно сдѣлать только верхомъ, по едва проходимымъ горнымъ тропинкамъ.

Въ шесть часовъ утра компанія наша была уже на ногахъ; во дворъ подали „коробки" и напившись чаю и закусивъ, мы понеслись въ горы. Чуть накрапывалъ дождь; небо кругомъ заволакивали сѣрыя тучи; словно клочья кисеи цѣплялись за лѣсистыя вершины горъ. Темно-зеленымъ моремъ обступила насъ вѣковая тайга; показались синекудрые красавцы кедры, и опушенныя нѣжною зеленью лиственницы. Дорога вилась по скатамъ, сбѣгала на дно ущелій, выписывала петли, подымалась вверхъ; блестя сквозь зелень деревьевъ, внизу, весь въ пѣнѣ, шумѣлъ и прыгалъ по камнямъ горный потокъ.

Около полудня, лавируя между кучами щебня, загромождавшими далеко незаконченное полотно будущей дороги, добрались до тридцать пятой версты. Влѣво, за ручьемъ, на нижнемъ уступѣ горы виднѣлось около десятка бревенчатыхъ построекъ. Тройки наши свернули къ нимъ и „вынесли" насъ черезъ каменный буеракъ къ самому длинному бараку. Насъ встрѣтило нѣсколько человѣкъ въ пиджакахъ, безъ шапокъ — конторщики подрядчика по постройкѣ этого участка дороги — Закстельскаго. Баракъ оказался перегороженнымъ досками на нѣсколько клѣтушекъ; въ каждой сидѣли, писали и считали люди; стѣны были увѣшаны платьемъ, шубами, ружьями и даже сапогами; клѣтушки служили и канцеляріей и спальнями; въ нѣсколько большей комнатѣ на длинномъ столѣ кипѣлъ громадный самоваръ. Въ одну изъ клѣтушекъ снесли наши вещи; на столѣ мгновенно появились бутылки съ винами, коробки съ консервами и стаканы съ чаемъ. У стѣны горой лежали круги биксфордовыхъ шнуровъ, сумы, инструменты и конторскія книги; подъ столомъ пры-

галъ живой зайчикъ, пойманный въ тайгѣ рабочими.

Только что мы начали подкрѣпляться, подъѣхалъ Церерииъ и присоединился къ намъ. Часа черезъ два, несмотря на дождь, онъ уѣхалъ со своею экономкою дальше, а мы рѣшили заночевать. Закстельскій — весьма обязательный, бѣлокурый сибирскій еврей, отвелъ въ наше распоряженіе одинъ изъ крайнихъ бараковъ; казаки перетащили туда наши вещи и мы расположились на деревянныхъ нарахъ, сдѣланныхъ въ видѣ отдѣльныхъ кроватей съ изголовьемъ.

Утро наступило пасмурное, дождливое.

Посовѣтовались мы и рѣшили ѣхать дальше.

Около полудня осѣдлали и навьючили коней; мы съ женой закутались въ бурки и караванъ нашъ вереницей потянулся въ гору. Верстъ пятнадцать ѣхали довольно сносно по начатому прокладкой участку дороги; по сторонамъ ея нѣтъ-нѣтъ попадались шалаши изъ древесной коры и норы-землянки; изъ черныхъ дыръ ихъ выглядывали лохматыя головы рабочихъ, бездѣйствовавшихъ по причинѣ дождя. Просѣка наконецъ исчезла, кони пошли по вьючной тропѣ. Это узкая дорожка, вьющаяся между кедрами и лиственницами и то подымающаяся на почти отвѣсныя кручи, то сбѣгающая съ нихъ по тѣмъ естественнымъ складкамъ, по которымъ стекаетъ вода. Кони наши цѣпко, какъ кошки взбирались на обрывы и шагали, по грудамъ камней, то по глубокимъ выбоинамъ между корнями, какъ бы по ячейкамъ спутанной безконечной сѣти. Съ полянъ открывались суровые виды; будто дымъ окаймляли облака горы; остроконечныя, заросшія тайгою вершины выставлялись со всѣхъ сторонъ.

Впереди ѣхалъ Габаевъ въ непромокаемой, какъ онъ увѣрялъ, черной тужуркѣ, за нимъ Марія Ивановна Порватова въ шведской вязаной курткѣ, потомъ моя жена и я; позади, саженяхъ въ ста, шелъ караванъ, слышались крики и понуканія проводниковъ. Вьючные кони (слово лошадь здѣсь совершенно не употребляется) идутъ всегда на свободѣ; впереди каравана ѣдетъ вожатый, за нимъ слѣдуетъ нѣсколько лошадей, потомъ опять проводникъ, снова кони и все шествіе замыкается послѣднимъ проводникомъ, на обязанности котораго лежитъ слѣдить, чтобы не было отсталыхъ.

На тридцать пятой верстѣ много времени отняла у насъ возня съ кладью; мертваго груза на лошадь кладется лишь по четыре пуда и пришлось заниматься развѣской и переукладкой багажа: малѣйшій перевѣсъ съ одной стороны—и лошадь легко можетъ потерять устойчивость на опасныхъ мѣстахъ.

Дождь лилъ не переставая. Дорожная кепка моя промокла насквозь и съ нея подъ бурку стала стекать вода; съ женой происходило то же самое. Габаевъ и Марія Ивановна казались одѣтыми въ костюмы изъ хорошо пропитавшейся водою губки; надо было подумать о какомъ нибудь пріютѣ на ночь и подобіи обѣда.

Наконецъ передъ нами открылась довольно широкая долина съ рѣчкой посрединѣ; близъ воды виднѣлась хибарка изъ досокъ съ земляною кровлею, надъ нею вился дымокъ; нѣсколько далѣе, за рѣкой, желтѣли новыя, еще незаконченныя строенія, предназначенныя для станціи строющейся колесной дороги.

Въ хибаркѣ ютился десятникъ съ семьей и черезъ какія нибудь двадцать минутъ мы уже сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ въ низкой,

жарко натопленной коморкѣ, освѣщенной однимъ крохотнымъ оконцемъ, и стаскивали съ себя промокшее платье; платокъ хозяйки, накинутый ею на веревочку, перегородилъ пополамъ всю комнатку, дамы сняли съ себя мокрое бѣлье и закутались кто во что попало; платокъ-перегородку сняли, развѣсили все, что требовало сушки, вокругъ печки и усѣлись на нарахъ, на скамьѣ и на чуркахъ за столъ. Сейчасъ же поспѣлъ большой самоваръ: гостепріимная хозяйка подала куски жареной дикой козы, вареныя яйца и мы жадно принялись утолять голодъ.

Зданіе станціи стояло еще безъ дверей и оконъ; сараи, кромѣ одного, были непокрыты. Ночевать въ хибаркѣ десятника, гдѣ даже для сидѣнья едва хватало мѣста, было немыслимо; втискиваться въ другое смежное съ ней подобіе барака, гдѣ какъ сельди въ бочкѣ были набиты рабочіе и ихъ семьи, не приходилось тоже. Десятникъ предложилъ приспособить намъ для ночлега готовый небольшой амбаръ; сейчасъ же нѣсколько человѣкъ побѣжало ставить въ него желѣзную печку; трубу выпустили въ отверстіе на потолкѣ, получившееся отъ вынутой доски, на обрѣзки бревенъ положили у стѣнъ пару широкихъ дверей и Грандъ-Отель нашъ оказался хоть куда!

Самоваръ перекочевалъ къ намъ; затопили печку, набили въ стѣны гвоздей, развѣсили полупросохшія бурки и платья, устроили постели, зажгли свѣчу и снова принялись чаевничать. Ночью было свѣженько: продувало снизу, но спалось превосходно.

Проснулись — солнце свѣтило во всѣ щели; одѣлись ради дамъ впотьмахъ, открыли дверь и на насъ дохнуло веселое утро.

Караванъ уже вьючился и выступилъ раньше насъ.

Со дна котловины, гдѣ пріютилась будущая станція (на семидесятой верстѣ), тропа круто направилась въ гору. Въ тотъ день намъ предстояло перевалить два хребта, дающіе нaначало двумъ одноименнымъ съ ними рѣчкамъ, — Малый и Большой Ойскій. Видъ съ обнаженныхъ вершинъ ихъ, покрытыхъ лишь пропитанными водой мхами и лишаями, открывался сказочный. Внизу, далеко не добравшись до вершинъ хребтовъ, зеленѣла тайга, сплошь залившая тѣ сотни верстъ, что могъ окинуть глазъ. Изъ за нея то здѣсь, то тамъ выступали прихотливо очерченныя каменныя громады скалъ.

Слышались тысячи тихихъ, непонятныхъ сперва, звуковъ: словно хрустальныя подвѣски невидимыхъ люстръ чуть перезванивали въ синевѣ неба надъ безднами; то переговаривались начатки ручейковъ, вѣчно струящихся изъ подъ облаковъ. Серебряной сѣтью бѣгутъ они съ горы по всѣмъ направленіямъ и чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ говоръ ихъ громче, дѣти превращаются во взрослыхъ и, почуявъ мощь свою, кидаются въ жизненный бой. Вспѣненные, съ ревомъ и грохотомъ несутся они черезъ камни въ извивахъ ущелій и, поборовъ всѣ препятствія, уже рѣками впадаютъ въ Енисей, побѣдной нирваной шествующій черезъ полміра.

Въ травѣ, то и дѣло, вспыхивали огни: выставлялись качавшіяся отъ вѣтра чашечки „огневокъ" — ярко оранжевыхъ цвѣтовъ на длинныхъ стебляхъ; иногда цѣлые скаты горъ сплошь пламенѣли отъ нихъ.

Кони шли съ трудомъ; ноги ихъ по бабки вязли въ зеленой топи. Спускъ былъ всегда хуже подъема; нерѣдко кони почти садились на хвостъ, мы запрокидывались спинами на

крупы и въ такомъ видѣ съѣзжали, вѣрнѣе сползали, съ головоломныхъ кручъ.

ГЛАВА II.

Вечеръ засталъ насъ въ ущельѣ передъ Марковымъ хребтомъ; казаки и проводники мигомъ поставили три палатки, разложили костры, мы поужинали консервами и разными припасами, захваченными въ дорогу, и улеглись на походныхъ кроватяхъ.

Рядомъ шумѣла горная рѣчка; похрапывали пасшіеся, спутанные кони. Сквозь парусину палатки желтымъ пятномъ свѣтился костеръ. Было такъ сыро, что волосы у меня сдѣлались влажными; я натянулъ на голову бурку и скоро уснулъ каменнымъ сномъ.

Лагерь зашевелился еще до зари. Ночью былъ легкій морозъ и бурки наши казались высеребренными. Умылись ледяной водой изъ „ключа", какъ именуютъ здѣсь ручьи и небольшія рѣчки, напились чаю и снова закачались на сѣдлахъ. Опять пошли головокружительные подъемы и спуски и зеленая тайга безъ конца и предѣла. Заросли малины, черной и красной смородины, калины и рябины наполняли ее; воздухъ благоухалъ цвѣтами и особеннымъ густо-смолистымъ ароматомъ кедровъ. Красные скалы и утесы чудовищными громадами то и дѣло выступали надъ самой тропой; виды на ущелья и горы, открывавшіеся съ обрывовъ, были одинъ лучше другого и несмотря на всю трудность и опасность пути не хотѣлось конца ему.

Этой тропой и подобными имъ бродячая Русь пробиралась во всѣ концы отъ своихъ

окраинъ. ища счастья и воли. Именно имъ, этимъ безпокойнымъ искателямъ лучшаго, тѣсное Московское государство обязано своимъ расширеніемъ: завоеванія шли только слѣдомъ за „тропой“, проложенной незамѣченными исторіей „лишними“ людьми.

Много нужно было силы воли и смѣлости, чтобы добровольно затеряться въ безграничныхъ лѣсахъ среди звѣрей, въ изобиліи по наши дни населяющихъ ихъ.

То и дѣло попадались громадные, обожженные внизу кедры; густая, длинная хвоя ихъ даетъ прекрасное убѣжище въ непогоду и ни одинъ „промышленникъ“ (охотникъ), ни одинъ проѣзжій не станетъ ночевать иначе какъ „подъ кедрой“. У самаго ствола дерева, между корнями, разводится костеръ, при чемъ на растопку отщепливаются топоромъ смолистые куски той же „кедры“; утромъ костры бросаютъ, не заливъ ихъ, и вѣтеръ разноситъ золу и угли во всѣ стороны. Пожары поэтому часты; мы нѣсколько разъ попадали въ горѣлыя полосы, тянувшіяся на тысячи десятинъ и, Боже мой, какое унылое зрѣлище горѣлая тайга!

Веселая зелень и жизнь тамъ разомъ исчезали; на сколько могъ охватить глазъ-склоны горъ и, долины — все закутывалъ мертвенный, сѣрый туманъ. Вглядѣвшись, мы различали, что это милліоны обнаженныхъ стволовъ обманули насъ. Незашелохнувъ, словно призраки, стояли они кругомъ; между ними, щупальцами чудовищныхъ осьминоговъ, выставлялись корни ихъ товарищей, поваленныхъ вѣтромъ. Иногда такая громада лежала поперекъ тропы и кони осторожно, одинъ за другимъ, становились на источенный червями трупъ колѣнами и перелѣзали черезъ него: прыгать здѣсь съ вьюками не полагается.

Самый высокій и суровый изъ Саянскихъ хребтовъ—Араданъ. На голыхъ вершинахъ его лежалъ снѣгъ; на восемь съ чѣмъ то тысячъ футовъ вздымаетъ онъ надъ уровнемъ моря свои изрытыя каменныя гривы.

Подъемъ на него чрезвычайно крутъ; задолго до вершины приходится спѣшиваться и вести тяжко дышащаго коня въ поводу; тропка лѣпится почти отвѣсно вверхъ и черезъ каждый десятокъ саженей надо останавливаться и отдыхать. Слѣва, меньше чѣмъ въ одномъ шагѣ, обрывъ и пропасть; на днѣ ея синѣетъ небольшое горное озеро; въ обрывъ съ сухимъ трескомъ сыплятся изъ подъ ногъ камни. Покосишься имъ вслѣдъ—и жуткое чувство сжимаетъ грудь: глубина внизу такова, что если бы на Исаакіевскій соборъ поставить десятокъ другой такихъ же, то и тогда не выглянулъ бы крестъ изъ за края бездны.

Самое опасное мѣсто—вершина перевала: каменный, отвѣсный порогъ около двухъ аршинъ вышиною перегораживаетъ тропу и надо влѣзть на него, затѣмъ, стоя надъ пропастью, втащить за собой на уздѣ лошадь. Она встаетъ на дыбы и вскидываетъ переднія ноги на препятствіе и это наиболѣе жуткій мигъ изъ всѣхъ переживаемыхъ въ пути: оскользнись она и только пыль столбомъ останется на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли надъ облаками всадникъ и конь.

Съ отчаянными усиліями подгребается затѣмъ лошадь передними копытами, цѣпляясь въ то же время задними за шероховатости скалы; слышишь, какъ они срываются, бьютъ по камню, изо всей силы тащишь за узду и конь всползаетъ мало по малу на животѣ, вытаскиваетъ заднія ноги и, наконецъ, подымается и встаетъ съ земли.

Какъ проходятъ это мѣсто кони на обратномъ пути—постичь не могу. Въ концѣ августа сообщенiе по тропѣ прекращается: Араданъ весь закутывается въ мѣха изъ снѣговъ и весь громадный Усинскiй округъ и Урянхайскiй край отрѣзывается отъ всего мiра до полнаго наступленiя зимы.

Зимой сообщенiе поддерживается лыжниками; разъ или два въ мѣсяцъ смѣльчаки пробираются на лыжахъ черезъ тайгу и горы въ Григорьевское и доставляютъ оттуда почту и все необходимое. За такую доставку ими взимается по пятидесяти копѣекъ съ фунта и можно себѣ представить во что обходится здѣсь самая дешевая газета и журналы.

Спускъ съ Арадана много легче подъема и къ вечеру караванъ нашъ остановился на ночлегъ у зимовья—небольшой почернѣлой избушки съ плоскою земляною крышей. Такiя избушки разставлены вдоль тропы на разстоянiи приблизительно верстъ двадцати пяти другъ отъ друга и служатъ убѣжищами во время зимы для „промышленниковъ“ — какъ зовутъ здѣсь охотниковъ, и для всѣхъ путниковъ, пробирающихся черезъ тайгу.

Вдоль одной или двухъ стѣнъ въ зимовьяхъ устроены низкiя нары; надъ ними въ стѣнахъ продѣлано маленькое четырехугольное окошко безъ рамы; на зиму оно забивается мохомъ; въ углу или желѣзная печурка, или булыжники, для разведенiя костра на нихъ; стѣны и потолокъ зимовiй совершенно черны отъ дыма.

— Что за ужасная лачуга! — воскликнулъ бы всякiй петербуржецъ, заглянувъ въ него послѣ прогулки по Невскому проспекту. И какая это лучшая изъ гостиницъ для человѣка,

застигнутаго въ дремучихъ лѣсахъ непогодой, или лютой зимой!

Нерѣдко случается, что подойдя къ зимовью, путникъ находитъ въ немъ медвѣдя, избравшаго его для берлоги. Въ одно изъ зимовій, мимо котораго мы проѣзжали, медвѣдь натаскалъ на нары нѣсколько возовъ моха, забилъ окно и былъ застрѣленъ этой зимой на моховой перинѣ на нарахъ. Звѣрь этотъ еще разъ доказалъ умъ и разсудительность своей породы: окно въ зимовьѣ было сравнительно велико и мохъ не держался въ отверстіи; медвѣдь набралъ сучевъ, зарѣшетилъ ими окно и потомъ основательно законопатилъ его мохомъ.

Около зимовья запылали костры; часть наръ внутри его мы преобразили въ столъ и на газетномъ листѣ разложили хлѣбъ и всякія закуски, а сами усѣлись на чемоданахъ и на чемъ попало; дамы ужинали по римски, лежа на буркахъ на тѣхъ же нарахъ.

ГЛАВА III.

Утро настало пасмурное. Судя по быстро мчавшимся облакамъ, дулъ вѣтеръ, но въ нашемъ ущельѣ его не было.

Вь сѣдлахъ, благодаря чаепитію и вознѣ съ укладкой вещей, мы очутились лишь въ девятомъ часу.

Намъ предстояло въ тотъ день перевалить послѣдній хребетъ — Мірской и къ вечеру мы разсчитывали быть въ Усинскомъ. Мірскимъ хребетъ именуется потому, что все лежащее за нимъ находится внѣ Руси, за „міромъ“. Какъ пришлось убѣдиться впослѣдствіи, жители села Усинскаго, собравшіеся ѣхать въ Минусинскъ,

на вопросъ куда они ѣдутъ, всегда отвѣчали — „да въ міръ, однако“... Безъ прибавки „однако“ сибирякъ обойтись не можетъ.

Мірской хребетъ сравнительно не высокъ, но достаточно крутъ и кони наши тяжело вели боками, взобравшись на лѣсистый гребень. На немъ, словно остатки каменныхъ воротъ, стояли скалы, мы спѣшились, дали вздохнуть конямъ и полюбовались на виды, развертывавшіеся во всѣ стороны.

Мы стояли какъ разъ на границѣ Усинскаго округа, о чемъ свидѣтельствовалъ столбъ съ надписью. И позади и впереди и со всѣхъ сторонъ безконечнымъ океаномъ уходили въ даль тайга и цѣпи горъ. Какимъ затеряннымъ и одинокимъ долженъ былъ чувствовать себя здѣсь бѣглецъ староверъ и съ какимъ чувствомъ долженъ онъ былъ глядѣть въ послѣдній разъ на оставляемый „міръ“ и на сулящія невѣдомо что синія горы новой обѣтованной земли!

Габаевъ торопилъ ѣхать.

Опять начался длительный спускъ; по сравненію съ пройденнымъ онъ являлся уже пустяшнымъ, хотя опасныя, крутыя мѣста имѣются и на немъ.

Только что мы спустились въ ущелье — въ хвостѣ каравана одинъ за другимъ раздались два выстрѣла: габаевскіе казаки замѣтили пробиравшагося близъ тропы медвѣдя и стрѣляли въ него. Вторымъ выстрѣломъ звѣрь былъ раненъ, но успѣлъ скрыться въ тайгѣ.

На небольшой полянкѣ мы завидѣли зимовье; изъ другого ущелья, какъ бы впадавшаго въ наше, къ нему подъѣзжала вереница бородатыхъ крестьянъ, человѣкъ въ десять. Всѣ они были верхами, у всѣхъ за плечами торчали ружья съ прикрѣпленными сошками. Нестерпимый запахъ лука распространился въ воздухѣ.

Мы остановились и заговорили со встрѣчными, начавшими спѣшиваться и привязывать коней. Они ѣздили въ тайгу за черемшой — растеніе, родомъ и вкусомъ напоминающее нашъ лукъ, но воняющее еще нестерпимѣе. Цѣлые мѣшки этого добра были приторочены у нихъ за сѣдлами. Черемша излюбленная жвачка у сибиряковъ; ѣдятъ они ее, что называется, походя и, не источай она такого жестокаго амбре, возразить противъ нея ничего не приходилось бы, такъ какъ она одно изъ лучшихъ противоцынготныхъ средствъ. Сибиряки запасаютъ ее на зиму и солятъ, какъ огурцы, цѣлыми боченками.

Отъ зимовья потянулась унылая, горѣлая тайга. Ущелье сдѣлалось уже и каменныя ребра скалъ проступали среди бурыхъ стволовъ со всѣхъ сторонъ. Вѣтеръ усиливался. Словно голоса—то жалобные, то угрожающіе — раздавались въ тайгѣ. Мертвыя деревья покачивались и скрипѣли. Надо было торопиться, чтобы поскорѣе миновать опасное мѣсто: обгорѣлый лѣсъ стоитъ только до бури и валится ею цѣлыми полосами.

Марія Ивановна ѣхать рысью рѣшительно отказалась: бѣдная такъ пострадала отъ сѣдла, что даже возможность быть задавленной деревомъ ее уже не пугала.

Габаевъ остался плестись съ нею, а мы съ женой хлестнули коней и понеслись впередъ. Вдали глухо ворчалъ громъ; вѣтеръ усиливался и то слѣва, то справа съ трескомъ стали падать деревья; одно рухнуло совсѣмъ близко и кони, чуя опасность, сами наддали хода. Рубахи на насъ рвало и полоскало вѣтромъ, какъ флаги; къ счастью, тропа сдѣлалась ровной и мы вихремъ мчались по ней навстрѣчу грозѣ.

Стемнѣло, какъ подъ вечеръ; небо вдругъ раскрылось, дало огненную трещину и почти тотчасъ же грянулъ ударъ: точно сотни пушекъ отвѣтили ему изъ разныхъ закоулковъ скалъ. Начался бой между землей и небомъ; мы уже миновали горѣлую часть тайги и скакали по песчаному, сравнительно безопасному бору.

Прямыя, крупныя стрѣлы дождя ударили въ землю и лишь тогда я спохватился, что бурки наши остались притороченными у сѣделъ Габаева и Маріи Ивановны.

Промокнуть, однако, мы не успѣли: на широкой полянѣ впереди бѣлѣла палатка; близъ нея, подъ защитой кустовъ, горѣлъ костеръ и стояли, понурившись, кони: мужъ Маріи Ивановны. горный инженеръ Борисъ Михайловичъ Порватовъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу и ждалъ ее въ этихъ мѣстахъ.

На встрѣчу намъ выскочилъ изъ палатки небольшой, плотный черноволосый человѣкъ въ курткѣ и въ высокихъ сапогахъ; бритое лицо его не отличалось цвѣтомъ отъ моего голенища—до того оно загорѣло и обвѣтрило.

Это и былъ Порватовъ.

Мы спрыгнули съ коней и укрылись въ палаткѣ, гдѣ насъ встрѣтилъ другой господинъ-суетливый и маленькій—инженеръ Широковъ. Порватовъ ждалъ жену на томъ мѣстѣ уже трое сутокъ.

Гроза розыгралась какъ слѣдуетъ. Нѣтъ прекраснѣе и величественнѣе зрѣлища въ горахъ; приподнявъ полу палатки, я смотрѣлъ на блескъ молній и слушалъ ревъ тайги и сверхъ-орудійную канонаду; дождь барабанилъ надъ нами по полотну и мелкія брызги пылью сѣялись сквозь него на лицо.

Почти черезъ часъ, стоически, шагомъ, подъѣхали, завернувшись въ наши бурки, отставшіе; мы переждали дождь, напились чаю и, уже въ повозкахъ, запряженныхъ парами бойкихъ коней, помчались въ село Усинское, до котораго оставалось всего пятнадцать верстъ.

Скоро завиднѣлись вспаханныя, черныя какъ уголь, поля; горы отступили дальше; лошадиныя копыта словно стрѣляли комьями грязи и физіономіи наши превратились въ нѣчто эѳіопское. Сперва показалась сложенная въ видѣ зубцовъ пилы ограда огромнаго маральника. Маралы — это очень крупные, серебристые олени, рога которыхъ цѣнятся китайцами весьма дорого; на мѣстѣ добычи за нихъ платятъ до девяти золотыхъ рублей фунтъ; маралов разводятъ въ загородкахъ, охватывающихъ десятинъ по двадцать и болѣе; рога срѣзаютъ у нихъ въ началѣ іюля, для чего пугливыя животныя загоняются въ родъ верши изъ загородокъ, гдѣ и происходитъ операція. Иные маралы даютъ рога фунтовъ до семидесяти вѣсомъ, но это исключеніе. Средній вѣсъ роговъ около сорока - пятидесяти фунтовъ; мѣстные крестьяне зачастую имѣютъ по нѣсколько десятковъ этихъ животныхъ.

Время съемки маральихъ роговъ — праздникъ. Ихъ спиливаютъ особые спеціалисты и по окончаніи дѣла въ деревняхъ начинается гульба и пьянство веліе.

За маральникомь открылось село, раздѣляемое рѣкой на двѣ части — Верхнеусинское и Нижнеусинское. Село громадное и весьма зажиточное. Населеніе его почти сплошь раскольники разныхъ толковъ; особенно много въ тѣхъ краяхъ безпоповцевъ; мы проѣхали

мимо нѣсколькихъ маленькихъ домовъ, переправились на паромѣ черезъ стремительный Усъ и опять понеслись, звоня колоколами, по широкой улицѣ. Избами построекъ села назвать нельзя — это почти сплошь весьма недурные, деревянные дома — зачастую двухъэтажные, съ цвѣтами и занавѣсками на окнахъ; имѣется нѣсколько магазиновъ, не уступающихъ многимъ провинціальнымъ городамъ.

Ямщикъ свернулъ въ ворота одного изъ двухъэтажныхъ домовъ и мы не безъ труда стали выбираться изъ плетенки, какъ всегда не имѣвшей сидѣнья. На широкую терассу-балконъ второго этажа вела лѣстница; на ней стояла въ бѣломъ платьѣ, недурная собою, довольно полная дама-брюнетка, жена Габаева.

Габаевъ отсталъ гдѣ то далеко. Замѣтивъ нѣкоторое недоумѣніе хозяйки, при видѣ такихъ чумазыхъ, нежданныхъ ею, гостей, я поспѣшилъ отрекомендоваться и, знакомя ее съ женой, добавилъ: „. . . это, позвольте представить вамъ, не пятнистая пантера и не зебра, а жена моя“. Хозяйка засмѣялась и всякая натянутость, обыкновенно бывающая при первыхъ встрѣчахъ, сразу исчезла.

Прежде всего мы „на черно“ вымылись, а вечеромъ попали въ баню; Усъ шумѣлъ въ обрывѣ подъ поломъ ея.

ГЛАВА IV.

Усинское имѣетъ свою интересную исторію.

Это — бывшее „потайное“ село; возникло оно около половины прошлаго, девятнадцатаго вѣка и основателемъ былъ нѣкій Иванъ Афанасьевичъ — раскольникъ поморскаго толка,

Переправа черезъ Енисей; за рѣкой видны начатыя строенія Бѣлоцарска.

Маральникъ.

имѣвшій громадное вліяніе ва всѣхъ окружающихъ. Онъ правилъ усинцами, какъ неограниченный восточный монархъ и нерѣдко были случаи, когда пристрѣливали или топили людей по его приказу.

Конецъ его былъ таковъ. Слухи о томъ, что въ тайгѣ кроется невѣдомое село и о злодѣйствахъ, творившихся тамъ, проникли далеко за Саяны и генералъ-губернаторъ прислалъ чиновника и нѣсколькихъ людей, чтобы арестовать его.

Но забрать человѣка, окруженнаго стѣною вѣрныхъ тѣлохранителей, въ такихъ отдаленныхъ дебряхъ — задача для горсти людей невыполнимая. Прибывъ на Усъ, чиновникъ сразу сообразилъ положеніе дѣлъ и пустился на хитрость. Что онъ изъ себя изобразилъ — не знаю, только вошелъ въ полное довѣріе Ивана Афанасьевича и даже сталъ пользоваться его расположеніемъ. Наконецъ наступилъ день отъѣзда чиновника: приготовленъ былъ плотъ — обычный и лучшій способъ путешествія въ тѣхъ краяхъ и грозный правитель Усинскаго пошелъ провожать уѣзжающихъ. Прощаясь на плоту, чиновникъ крѣпко схватилъ его за руку, люди его быстро обрубили причала и плотъ понесся внизъ по теченію.

Иванъ Афанасьевичъ понялъ въ чемъ дѣло, вырвался и хотѣлъ броситься вплавь, но его удержали и связали. Безсильные помочь чѣмъ либо усинцы съ криками и плачемъ долго бѣжали за плотомъ, но скорость теченія рѣки — скорость скачки хорошей лошади—и плѣнникъ былъ благополучно доставленъ въ губернскій острогъ, гдѣ и покончилъ жизнь. Легенды о немъ наполняютъ край.

Въ Усинскомъ мы прожили три дня и на четвертый на трехъ бойкихъ парахъ тронулись въ дальнѣйшій путь.

Грѣшно обойти молчаніемъ мѣстное, весьма значительное по количеству, общество и молвлю нѣсколько словъ о немъ.

Завѣдывающій пограничными дѣлами, пограничный начальникъ (исправникъ), судья, (онъ же и слѣдователь), докторъ, инженеръ, нѣсколько межевыхъ чиновниковъ, наконецъ секретари и цѣлые штаты служащихъ у Церерина и Габаева — вотъ главный составъ его, около котораго группируются болѣе зажиточные купцы, православный священникъ, старшій выборный (старшина) и крупные землевладѣльцы, сплошь состоящіе изъ вчерашнихъ крестьянъ.

Слухъ о пріѣздѣ въ ихъ захолустье загадочнаго петербургскаго гостя разнесся по селу во мгновеніе ока и вотъ къ Габаеву одинъ за другимъ, напяливъ въ сорокаградусную жару форменные, суконные сюртуки, гуськомъ стала тянуться, якобы лично къ нему, по дѣлу, раскраснѣвшаяся и потная чиновничья братія.

Трое сутокъ — съ зари до зари — передо мной розыгрывались въявь сцены изъ „Ревизора". Во мнѣ видѣли тайнаго слѣдователя.

Правда, Хлестаковъ я былъ неудовлетворительный, въ смазныхъ сапогахъ, въ русской рубахѣ и въ велосипедной сѣрой фуражкѣ; ни звука никому я не проронилъ о своей миссіи и оффиціальномъ положеніи; на осторожные, замысловатые вопросы мѣстныхъ Макіавелей, зачѣмъ я ѣду чортъ знаетъ куда, въ Урянхай, отвѣчалъ, что я археологъ и ѣду по своимъ дѣламъ.

Но именно это то нечиновничество мое и казалось чиновникамъ особенно подозрительнымъ.

Вслѣдствіе жары, я большую часть дня проводилъ на балконѣ, выходившемъ во дворъ. Посѣтители останавливались за угломъ на улицѣ, осторожно выглядывали, разсматривали меня, оправляли на себѣ галстухи, выдергивали манжеты, затѣмъ подымались по лѣстницѣ и, кто бочкомъ, кто дѣланно развязно, будто не замѣчая меня, пробирались въ комнаты къ Габаеву; тамъ они шептались съ нимъ и затѣмъ хозяинъ и гости выходили на балконъ и первый знакомилъ ихъ со мною.

Черезъ нѣсколько минутъ Габаевъ извинялся недосугомъ и, усмѣхаясь въ длиные, черные усы, уходилъ въ домъ. Гость оставался со мной наединѣ, обмѣнивался нѣсколькими незначащими фразами, осматривался, откашливался, затѣмъ подъѣзжалъ ближе со стуломъ, понижалъ голосъ и пакости про „други своя" рѣкою начинали литься изъ устъ его.

Если бы хотя на половину было вѣрно все, что говорили мнѣ другъ про друга усинцы — въ селѣ немедленно надо бы было перевѣшать рѣшительно все населеніе.

Особенно просился на картину судья — невысокій, плотный господинъ изъ сибирскихъ инородцевъ, со взъерошенными короткими волосами и почти немигающими сѣрыми глазами; смотрѣлъ онъ исподлобья и имѣлъ видъ молодого бычка, постоянно готоваго поднять на невыросшіе еще рога всякаго проходящаго.

Онъ мнѣ повѣдалъ, что Церeринъ бездѣльникъ и пьяница, одержимый къ тому же маніей величія; когда пріѣзжали къ нему изъ Урянхая сойотскіе нойоны, или ихъ высшіе чиновники, онъ, не имѣя самъ почти никакихъ орденовъ, посылалъ ко всѣмъ знакомымъ гонцовъ, собиралъ ордена и важно выходилъ къ

прибывшимъ, при чемъ на груди его красовались по три Анны и по четыре и по пяти Станиславовъ однѣхъ и тѣхъ же степеней. Выходъ свой обставлялъ торжественно; дверь изъ аппартаментовъ въ „залъ,“ гдѣ ждали пріѣзжіе, распахивалась и четыре казака выстраивались въ два ряда, какъ лакеи въ циркѣ передъ выходомъ знаменитаго клоуна. Спустя нѣсколько минутъ дверь отворялась снова, торжественно появлялся казакъ, несущій въ рукахъ, на красной подушкѣ треуголку Церерина. За треуголкой важно выходилъ, увѣшанный чужими орденами, владѣтель ея и начиналась аудіенція.

Я хохоталъ до коликъ подъ ложечкой; бычекъ недоумѣнно и исподлобья озиралъ меня и клялся, что разсказъ его — сама истина.

Окончивъ рядъ повѣствованій о Церeринѣ, судья принялся за доктора. По его словамъ, это совершенная свинья, и при томъ почти постоянно пьяная.

Генералъ-губернаторъ Князевъ, пріѣзжавшій, по выраженію судьи въ урянхайскій край, „для полученія прогоновъ,“ въ бытность свою на Усу пробовалъ выступить въ роли ангела-примирителя всѣхъ ссорящихся.

Передъ отъѣздомъ ему былъ устроенъ торжественный обѣдъ, на которомъ присутствовало все чиновничество и Князевъ уговаривалъ всѣхъ жить мирно; заставлялъ враговъ жать другъ другу руки и т. д. Послѣ обѣда и елейныхъ словъ были поданы экипажи для дальнѣйшаго слѣдованія владыки полусибири; Князевъ распростился съ толпою чиновниковъ, высыпавшихъ провожать его, и покатилъ со свитой. Только что успѣлъ тронуться кортежъ примирителя, докторъ, воспріявшій внутрь достаточное количество градусовъ, подошелъ къ одной изъ дамъ, съ мужемъ которой имѣлъ

какіе то счеты и заявивъ: „ну какая ты дама? Шляпу напялила и думаешь, что дама?“.. сдернулъ съ нея шляпу. Дама завизжала. Мужъ ея бросился на обидчика, но ихъ разняли. Дѣло этимъ не кончилось. На другой день мужъ оскорбленной дамы явился въ больницу, доктора вызвали изъ палаты якобы къ больному, и физіономія эскулапа украсилась обильными фонарями.

Послѣ доктора судья принялся бодать Чакирова.

— Это — каторжникъ! заявилъ онъ, воткнувъ въ меня упорные глаза.

Чакировъ оказался виноватымъ въ безднѣ вымогательствъ, укрыванiй преступниковъ, изнасилованiй и т. д.

Я выразилъ нѣкоторое сомнѣніе.

Лицо судьи изобразило усмѣшку и рука его полѣзла въ боковой карманъ.

— Что это?—спросилъ я, увидавъ, что онъ вытащилъ и показываетъ мнѣ какія то бумаги.

— Протоколы. — На все документы есть. Угодно взять съ собой?

— Нѣтъ, благодарю васъ! Но почему же вы держите ихъ у себя, а не пускаете въ ходъ?

Собесѣдникъ мой съ минуту молча, съ сожалѣніемъ, глядѣлъ на меня, не рѣшаясь высказать прямо, что я глупъ. — Пробовалъ, да вѣдь у насъ дѣлается не что нужно, а что начальству угодно. А вотъ когда уберутъ отсюда Чакирова въ отставку, — тогда все это— онъ пощелкалъ по бумагамъ — въ ходъ пойдетъ! Теперь нельзя, и безъ того меня съѣсть пробовали, не удалось только...

Туземнаго Собакевича смѣнилъ Чакировъ.

Маленькаго роста, худощавый, съ чрезвычайно некрасивымъ лицомъ, покрытымъ какъ горохомъ красными угрями, ямами и шрама-

ми отъ нихъ, впечатлѣніе на меня онъ произвелъ крайне неблагопріятное. Впечатлѣніе это усиливали черные большіе настойчивые глаза съ синеватыми бѣлками и обстриженная ежомъ голова; не скрашивала его даже офицерская форма съ погонами капитана комендантскаго управленія.

Князевъ опредѣлилъ его вѣрно: онъ сразу показалъ, что онъ дѣйствительно куда умнѣе всѣхъ туземныхъ чиновъ.

Ругать никого не ругалъ; если по ходу разговора приходилось касаться кого либо — дѣлалъ это весьма осторожно и чувствовалось, что онъ все время кладетъ рубежъ между собою и всѣми. Худого онъ ни про кого мнѣ не сказалъ, даже какъ бы защищалъ, посмѣиваясь, иныхъ, а общій невысказанный имъ выводъ таковъ: всѣ люди, всѣ человѣки, т. е. сугубые скоты...

Не успѣлъ уйти Чакировъ — появился блистательный Цереринъ, въ бѣломъ какъ снѣгъ жилетѣ, въ сюртукѣ съ золотыми погонами и вице-губернаторской фуражкѣ съ краснымъ околышемъ.

Цереринъ былъ въ ударѣ, шутилъ, острилъ надъ своимъ горькимъ сиротствомъ, а затѣмъ, когда я пошелъ, провожая его, прогуляться по селу, сообщилъ мнѣ, что судья „сукинъ сынъ“ въ полномъ объемѣ, что онъ первый кляузникъ и что онъ выгналъ недавно жену съ двумя дѣтьми и живетъ теперь съ какой то учительницей. Про Чакирова подтвердилъ всѣ слова судьи, затѣмъ перескочилъ на Габаева и тутъ буквально принялся скрипѣть зубами и задыхаться отъ злобы на него за какіе то, вновь открывшіеся, непочтительные поступки.

Вечеромъ у Габаева собрались гости; не только что башмаковъ износить никто не

успѣлъ, но и шести часовъ времени не прошло послѣ того, какъ съ такимъ усердіемъ всѣ поливали другъ друга помоями — а за столомъ оказались всѣ друзьями—пріятелями. Крѣпко жали другъ другу руки, привѣтливо улыбались, за ужиномъ пили здоровье другъ друга, чокались...

На другой день я и отдѣльно Габаевы получили раздушенные конверты отъ Церерина съ приглашеніемъ пожаловать къ нему на обѣдъ.

При этомъ я именовался „глубокоуважаемымъ" а Габаевъ „многоуважаемымъ", что такъ зацѣпило его за живое, что онъ рѣшилъ не ходить къ этому „падлецу" и только послѣ уговоровъ съ моей стороны, согласился.

Въ назначенный часъ я съ женой и съ Габаевыми сидѣлъ въ залѣ Церерина, гдѣ происходили знаменитые парады съ треуголкой. И комната и убранство ихъ отъ посконныхъ дорожекъ на полу и до подержанныхъ малиновыхъ шерстяныхъ занавѣсокъ — все заурядъ провинціальное и скромное.

Церéринъ былъ чрезвычайно внимателенъ и любезенъ; Габаевъ сидѣлъ съ довольно непріязненнымъ видомъ, но хозяинъ старался не замѣчать этого и нѣсколько разъ пытался втянуть его въ бесѣду. Габаевъ односложно отвѣчалъ и умолкалъ.

Скоро въ форменныхъ и черныхъ сюртукахъ стали собираться остальные приглашенные. Я, въ ситцевой рубашкѣ и высокихъ сапогахъ, казался, должно быть, диковиннымъ звѣремъ; публика, все больше подчиненные Церерина, жалась къ стѣнкамъ и держалась на вытяжку.

Обѣдъ былъ отличный и обильный; одна за другой появлялись бутылки шампанскаго,

пили за благополучіе нашего путешествія, за здоровье мое съ женой, затѣмъ Габаева, Церерина и. т. д. Габаевъ почти ничего не ѣлъ, не пилъ и сидѣлъ съ видомъ волка, попавшаго на псарню.

Церменъ старался шутить; я съ женой поддерживали его, остальные молчали, или потыкивали другъ друга локтями, подмигивали, переглядывались, чокались, выпивали по одной и опять застывали до новаго тычка.

Спустя, приблизительно, часъ послѣ обѣда, всѣ стали расходиться. Съ большимъ облегченіемъ я выбрался на вольный воздухъ.

Обратный путь совершали мы въ довольно большой компаніи; ликеры и шампанское поразвязало языки и крѣпко, должно быть, икалось бѣдному „Церочкѣ“ отъ разсказовъ о немъ только что ублаготворенныхъ имъ гостей!

Между прочимъ, говорили и о Князевѣ.

Человѣкъ онъ очень религіозный и въ тайгѣ, выходя утромъ изъ своей палатки, становился на колѣни лицомъ къ востоку, и довольно подолгу молился. Сопровождавшіе его чиновники набожностью отнюдь не отличались, но, узнавъ, про обычай генералъ-губернатора, приказали будить себя раньше чѣмъ онъ подымался, подкарауливали его появленіе изъ палатки, и, когда Князевъ выходилъ — первое, что ему представлялось, были спины усердно и земно молящихся на колѣняхъ Церерина и другихъ чиновъ. . . Разнообразно дѣлаются карьеры на этомъ свѣтѣ!

ГЛАВА V.

Усинскій округъ является совсѣмъ инымъ міромъ. Страшныя кручи въ немъ исчезаютъ; горы, среди которыхъ по долинамъ вьется до-

рога, имѣютъ мягкія, округленныя очертанія. Кедровая тайга смѣняется свѣтло-зеленымъ моремъ лиственницъ, березъ и черемухъ. Высокая трава и цвѣты густымъ, яркимъ ковромъ стелятся подъ деревьями; воздухъ полонъ пѣнья и переклички птицъ.

Среди одной изъ зеленыхъ долинъ впервые мы увидали двѣ юрты — большіе, круглые шалаши изъ жердей, покрытые сверху грязными, рваными кошмами. Мы подъѣхали ближе и пошли осматривать ихъ. Среди юрты имѣлся небольшой очажекъ съ тлѣвшими углями; земля кругомъ него была покрыта такими же кошмами; кучки тряпья, пара деревянныхъ чашекъ — вотъ и вся утварь, хранившаяся внутри. Нѣсколько человѣкоподобныхъ существъ копошилось у входа: грязныя, растрепанныя, полуголыя, они производили отвратительное и жалкое впечатлѣніе. Порывистыя ухватки ихъ, движенья, взгляды — все было точною копіей обезьяньихъ. Маленькія дѣти бѣгали совсѣмъ голыя. Сойоты не только не моются совершенно, но даже „по закону" женщины у нихъ не имѣютъ права входить въ воду выше колѣнъ.

Невдалекѣ отъ юртъ навстрѣчу намъ попалось нѣсколько всадниковъ—сойотовъ. Одежды у нихъ отъ сапоговъ до разноцвѣтныхъ кафтановъ — китайскія; на всѣхъ остроконечныя шапки, съ оторочкой изъ шкурки чернаго барана: позади съ шапочки, точно у конно-гренадеръ, свѣшивается красная либо голубая, лента. Типомъ лица сойоты напоминаютъ нашихъ татаръ; языкъ ихъ сходенъ съ языкомъ послѣднихъ настолько, что казанцы понимаютъ ихъ довольно свободно.

Сами себя сойоты именуютъ „туба". Такъ зовется одна изъ рѣкъ Минусинскаго уѣзда, на которой донынѣ живетъ то татарское племя,

отъ котораго приблизительно въ XVII столѣтіи отдѣлилась часть, откочевавшая въ нынѣшній Урянхай, и стала слыть подъ именемъ сойотовъ. Урянхъ — слово бранное, значащее что-то вродѣ оборванца и названы они были такъ монголами, презрительно относящимися къ нимъ.

Часа въ два дня мы достигли до хребта Таскыла, отдѣляющаго Урянхайскій край отъ Усинскаго округа; довольно пологая дорога все время шла точно въ туннелѣ изъ веселыхъ, зеленыхъ лѣсовъ. Самая вершина Таскыла обнажена.

Мы вышли изъ тарантасовъ. Передъ нами развернулась цѣль нашей поѣздки — Урянхайскій край.

Совершенно иной міръ лежалъ передъ нами.

. . . У ногъ . . . Богомъ сожжена
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна . . .

вспомнились мнѣ, при видѣ ея, стихи поэта.

Пышная тайга, свѣжая зелень, мягкія очертанія горъ — все это осталось за нами; словно чудовищное наводненіе покрывало когда-то весь просторъ, видимый глазу, затѣмъ воды схлынули и на мѣстѣ ихъ осталась желтая, однообразная пустыня, съ повсюду торчащими, совершенно обнаженными скалами и ребрами крутыхъ горъ. Плодородной земли не было и слѣда: всюду цѣлыми пластами громоздились камни. Только кое гдѣ, на сѣверныхъ сторонахъ горъ, по ложбинамъ, гдѣ задерживается нѣсколько влаги, взбирались къ вершинамъ рѣдко разбросанныя, нѣжно-зеленыя, лиственницы.

Спускъ съ Таскыла довольно крутъ. Ямщики затормозили повозки, а мы тѣмъ временемъ отправились пѣшкомъ.

Несмотря на кажущуюся полную безплодность, склоны горъ служатъ мѣстомъ зимовокъ для сойотовъ: они покрыты низкою, темнаго цвѣта, весьма питательной травой — кипцомъ; скотъ у сойотовъ въ самыя суровыя зимы не знаетъ другихъ убѣжищъ, кромѣ, открытыхъ сверху, плетневыхъ загоновъ, устроенныхъ гдѣ-либо за выступами скалъ; всю зиму пасется онъ по горамъ, такъ какъ господствующіе въ краѣ вѣтры сдуваютъ съ нихъ снѣгъ; на низинахъ, въ степяхъ скоту приходится „копытить" снѣгъ, т. е. разгребать его ногами и, конечно, такія зимовки ведутъ зачастую къ большому падежу. Первыми въ случаяхъ большихъ снѣговыхъ заносовъ пускаютъ лошадей; за ними идетъ рогатый скотъ и самыми последними слабосильныя овцы.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на скалахъ, словно гнѣзда кондоровъ, виднѣлись два три пустовавшихъ зимовья; черные пласты навоза, какъ коверъ, покрывали откосы подъ ними.

По спускѣ съ Таскыла, вправо отъ дороги, виднѣется древній могильникъ, обставленный стоячими камнями.

Сойоты своихъ мертвыхъ не хоронятъ. Они вывозятъ ихъ куда либо въ уединенное мѣсто, въ степь, или чаще всего въ ложбины среди горъ, ближе къ вершинамъ; около мертваго втыкаютъ шестъ съ привязанною къ нему берестяною коробочкой; въ нее кладутъ глиняныхъ божковъ, зачастую имѣющихъ видъ простыхъ маленькихъ конусиковъ и тѣмъ дѣло и кончается.

Погребеніе завершаютъ коршуны, собаки и всякое звѣрье.

Только шамановъ своихъ сойоты хоронятъ иначе. Мертвый шаманъ не можетъ касаться земли; его вывозятъ на какое либо высокое

мѣсто. Всѣхъ мертвыхъ, кстати сказать, за неимѣніемъ экипажей, везутъ волокомъ: устраиваютъ нѣчто вродѣ волочащихся по землѣ оглобель; передніе концы ихъ привязываютъ къ сѣдлу, на задніе кладутся поперечины и къ нимъ прикручивается тѣло.

Отъ Таскыла до перваго селенія въ Урянхаѣ на двадцать пять верстъ залегла солончаковая степь, заросшая мѣстами цѣлыми оазисами лиловыхъ ирисовъ. Воды на ней нѣтъ, травы почти тоже.

Кони несли насъ быстро.

Ближе къ Турану показались плодородныя, черныя земли; верстахъ въ трехъ отъ села замѣтны среди пашенъ земляные курганы.

Туранъ—весьма большее село, вытянувшееся въ одну линію по обычаю всѣхъ русскихъ селъ. Возникло оно около двадцати пяти лѣтъ назадъ самовольно и жители его благоденствуютъ: земли паши сколько хочешь; мужикъ, имѣющій двѣ - три лошади и четыре - пять коровъ считается бѣднымъ; дворы средней зажиточности насчитываютъ по сорокъ - пятьдесятъ коровъ и десять - двадцать коней.

Звеня бубенцами, пронеслись мы по широкой улицѣ и завернули во дворъ земской квартиры. Сдѣланныя восемьдесятъ верстъ пути не вызвали никакого утомленія; тѣмъ не менѣе мы рѣшили заночевать въ Туранѣ и остальныя восемьдесятъ верстъ, отдѣлявшія насъ отъ Енисея, оставили на другой день.

Главная достопримѣчательность села — каменный фаллусъ, стоящій теперь передъ окнами школы, въ палисадникѣ. Ранѣе онъ находился на одномъ изъ крестьянскихъ огородовъ въ юго-восточной части села и перевезенъ на настоящее мѣсто по распоряженію Габаева.

Рядомъ съ нимъ въ землѣ найденъ былъ истлѣвшій скелетъ мамонта.

Вышина камня — около сажени; стороны его покрываютъ полустертыя надписи на неизвѣстномъ языкѣ.

Урянхай, находящійся между 50° и 53° сѣв. широты и 59° 69° восточной долготы и занимающій площадь въ 142.220 кв. верстъ жилъ культурною жизнью за много вѣковъ до Рождества Христова: объ этомъ свидѣтельствуютъ частыя находки въ разныхъ мѣстахъ его древнѣйшихъ предметовъ изъ мѣди и бронзы, содержимое кургановъ и, наконецъ. „мочаги", какъ именуются въ немъ оросительныя канавы древнихъ. Въ горахъ его разбросано множество рудниковъ ихъ; около хребта Танну Ола мнѣ довелось открыть мѣсто цѣлаго поселка съ плавильною печью.

Черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х. на край нахлынули монголы; на смѣну культурѣ пришла дикость, земледѣліе исчезло, край наполнился кочевниками, что подтверждаютъ безчисленныя могилы, усѣивающія своими насыпями изъ камней все пространство его.

Туранскіе крестьяне часто выпахиваютъ на своихъ поляхъ всякіе бронзовые и желѣзные предметы. Мнѣ удалось пріобрѣсти кое что, но раскопокъ предпринять въ окрестностяхъ села времени не было.

Переселенческимъ управленіемъ въ селѣ устроена аптека и больница; имѣется докторъ, фельдшеръ и фельдшерица. Оно же возвело школу и церковь. пока единственную на весь Урянхай.

И аптека и все остальное произвели на насъ благопріятное впечатлѣніе своей чистотой и уютностью.

Вечеръ мы провели у доктора, а на другой день рано утромъ уже неслись по дорогѣ къ Уюку.

Навозъ въ этой части края считается обремененіемъ; на поля его не вывозятъ, а сваливаютъ просто на берега рѣчекъ, или вокругъ жилищъ и его накапливаются цѣлыя горы.

Туранцы заваливаютъ навозомъ топкую низину, что около самаго села: мы перебирались черезъ пахучіе буераки, перевалили небольшую гору и очутились въ безплодной каменистой степи.

Несмотря на ранній часъ, солнце припекало крѣпко. Степь, горы кругомъ — все было обожжено, имѣло унылый, истомившійся видъ.

Вдоль дороги и ближе къ подошвамъ горъ, все время попадались невысокіе монгольскіе курганы.

Содержимое ихъ бѣдно: костяки людей, желѣзные наконечники стрѣлъ, стремена, удила, ржавые ножи — вотъ и всѣ, почти, богатства ихъ.

Кочевники не трудились зарывать своихъ мертвыхъ, да и незачѣмъ имъ было дѣлать это. Мертваго они клали на землю и закладывали его, приблизительно, полу-аршиннымъ слоемъ камней, въ изобиліи находящихся всюду.

Когда кто-либо погибалъ вдали отъ своихъ, въ память его устраивался такой же курганъ, при чемъ въ середину его клали какой-либо предметъ, принадлежавшій умершему, большею частью — удила.

Поблизости отъ такихъ могилъ, а иногда и среди пустынной степи, встрѣчаются круги изъ небольшихъ камней, чаще всего маленькіе, отъ одного аршина въ діаметрѣ. Значеніе ихъ религіозное: до сихъ поръ всѣ народы вѣрятъ, что, имѣя дѣло съ загробнымъ міромъ, надо

обвести себя чертою. Злыхъ духовъ около многочисленныхъ могильниковъ и въ степяхъ должно было быть не мало и, для огражденія отъ нихъ, устраивали заклятые круги.

Единственная деревня, попавшаяся намъ за весь день ѣзды — была Уюкъ. Видъ у нея чрезвычайно убогій — кажется, что очутился не то среди татарскихъ сакель, не то въ какомъ-то, только что разоренномъ поселкѣ.

Впечатлѣніе это вызывается отсутствіемъ крышъ на избахъ: ихъ замѣняютъ настилы изъ земли и глины. Таково повсюду огромное большинство Урянхайскихъ построекъ.

Старожилы разсказывали мнѣ, что первымъ насельникамъ сойоты долго не позволяли строить избъ и требовали, чтобы пришельцы жили, какъ и они, въ юртахъ. Потомъ, послѣ многократныхъ угощеній и всяческихъ „бѣдований", разрѣшили строить дома, но крышъ на нихъ, поверхъ потолка, дѣлать не позволяли совершенно.

Исторія вѣрная, но причина непокрытости избъ, выстроенныхъ всего пять и семь лѣтъ тому назадъ, совершенно иная.

Поселенцы въ Урянхаѣ—это та безпокойная, непосѣдливая Русь, что раздвинула отъ морей къ морямъ предѣлы Московскаго государства. Предки ихъ ушли въ Сибирь, ища воли и лучшей доли; той же воли и шири, въ полномъ объемѣ этихъ словъ, ищутъ и современные потомки ихъ. Про рѣдкаго, очень рѣдкаго мужика въ Урянхаѣ можно сказать, что онъ осѣлъ здѣсь, въ данномъ мѣстѣ, на вѣчно: его все тянетъ куда то дальше, онъ все прислушивается къ вѣстямъ объ иной землѣ и угодьяхъ... это птица, готовая вспорхнуть и улетѣть по первому зову своихъ, по первой тревогѣ! А тревожныя вѣсти начинаютъ уже долетать: хо-

дятъ слухи, что „край скоро отойдетъ къ нашимъ“ и тогда будутъ надѣлять землей по тридцати десятинъ на душу, пойдутъ изъ „міра“ переселенцы.

„Уходить тогда надо!“ не разъ говорили мнѣ крестьяне, жадно выпытывавшіе у меня новости.

На переселеніе смотрятъ они весьма просто, да оно и понятно: земли не купленныя, лѣса тоже. Стало быть собралъ скотъ, запрягъ телѣги, уложилъ скарбъ — и айда на новыя мѣста!

ГЛАВА VI.

Долина рѣки Уюка полна курганами различныхъ типовъ и весьма интересна въ археологическомъ отношеніи.

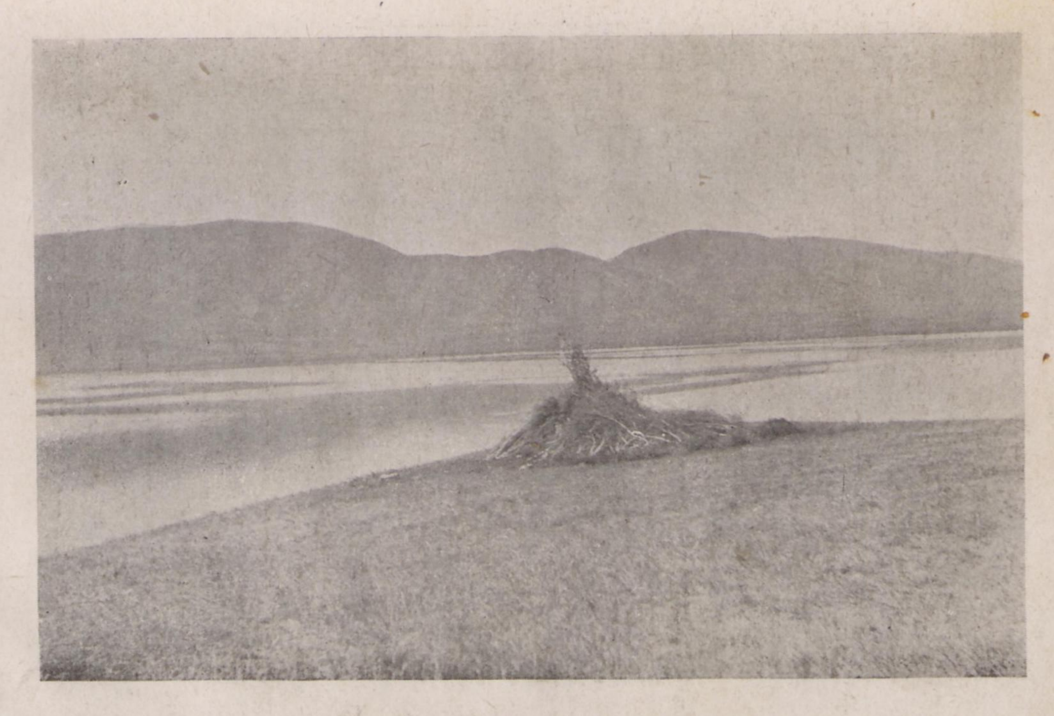
Человѣчество жило въ долинѣ этой рѣки съ самыхъ первобытнѣйшихъ, палеолитическихъ временъ и уже поэтому она заслуживаетъ подробнаго изученія.

Передъ вечеромъ, той же унылой степью, мы добрались до имѣнья вдовы одного изъ Сафьяновыхъ.

Большой одноэтажный деревянный домъ ея стоитъ на юру; ни забора кругомъ него, ни деревца; со стороны степи къ нему жмутся разныя хозяйственныя строенія; около нихъ дымятся закопченныя, грязныя и рваныя юрты—жилища сойотовъ—рабочихъ. Передъ домомъ, за узкой площадкой, топкій оврагъ, заросшій ракитникомъ; въ полуверстѣ отъ дома рѣчка.

Мы въѣхали на тѣсный дворъ; нѣсколько большихъ, косматыхъ псовъ съ лаемъ кинулись намъ на встрѣчу. На лай и звонъ колокольцевъ

Таёжная сойотская юрта.



Авва на Соляномъ озерѣ.

выглянуло изъ разныхъ клѣтушекъ кругомъ двора и застыло съ созерцательнымъ видомъ нѣсколько чумазыхъ физіономій.

Габаевъ вылѣзъ изъ тарантаса и пошелъ въ домъ розыскивать хозяйку. Мы остались около лошадей.

Минуты черезъ двѣ на крыльцѣ показалась Сафьянова — небольшая, худощавая старушка.

— Пожалуйте, милости просимъ! — привѣтливо заговорила она, знакомясь съ нами.

Мнѣ съ женой отвели залу — просторную комнату съ обтесанными стѣнами; обоевъ во всемъ домѣ не было и помина. Стулья средняго качества, столъ, плохое простѣночное зеркало — вотъ и все, что составляло обстановку въ ней.

Первымъ дѣломъ мы цѣлымъ обществомъ отправились смывать дорожную пыль. Хозяйка съ дѣтьми сопровождала насъ.

По насыпанному, изъ навоза, съѣзду спустились мы въ оврагъ и принялись то вязнуть въ черной трясинѣ, то балансировать по зеленымъ кочкамъ въ видѣ акробатовъ: за двадцать лѣтъ жизни въ этомъ имѣніи хозяева не удосужились настлать хотя бы доски къ мѣсту купанья! Что на свѣтѣ бываютъ таковыя, объ этомъ они, кажется, и не слышали. Пришлось всѣмъ подѣлиться на кучки и разбрестись по извилинамъ рѣчушки за кустики.

Вскорѣ довелось узнать и другую подробность: ватерклозета въ домѣ не имѣлось. И лѣтомъ и зимою все населеніе путешествуетъ по своимъ сокровеннымъ дѣламъ въ тотъ же оврагъ передъ домомъ, черезъ который мы ходили купаться.

Послѣ сытнаго обѣда хозяйка пригласила насъ посмотрѣть на дойку коровъ; болѣе сотни ихъ тѣснилось въ загородкѣ; почти при

каждой имѣлся теленокъ. Доили сойотки. Сафьянова повѣдала, что она даетъ имъ мыло и онѣ моютъ себѣ руки передъ дойкой. Свято ли это исполняютъ онѣ — не знаю, но видъ остального немытаго тѣла у этихъ дамъ, начиная съ лица — ужасающій!

Коровъ начисто не выдаиваютъ: половину молока оставляютъ теленку и безъ присутствія ихъ ни одна урянхайская корова доить себя не позволитъ.

Скотъ урянхайскій красивъ и крупенъ; его двѣ разновидности: одна комолая, другая цвѣтомъ, рогами и ростомъ является копіей (не предкомъ ли?) нашаго украинскаго скота.

Изъ коровьяго царства насъ повели въ лошадиное, находившееся за сараями.

Множество утоптанныхъ загоновъ, раздѣленныхъ загородками изъ толстыхъ жердей, пустовало: въ этихъ загонахъ пережидаютъ зной табуны. При насъ прогуливалось десятка два коней, оставленныхъ для домашнихъ нуждъ.

— А сколько у васъ всего лошадей? — спросилъ я Сафьянову.

Она вздохнула.

— Теперь немного; одной трудно справляться... Двѣ тысячи пятьсотъ головъ всего...

Вся эта орда пасется подъ присмотромъ сойотовъ; зимою они кочуютъ съ ними по скатамъ горъ, лѣтомъ угоняютъ въ тайгу; на собственныхъ, обширныхъ земляхъ Сафьяновой кони почти не ходятъ.

Вообще всѣ грандіозныя владѣнія здѣшнихъ тузовъ лежатъ втунѣ: такъ, напримѣръ, Сафьянова изъ 10.000 десятинъ занятой ею земли распахиваетъ только пятнадцать. Другіе не запахиваютъ ничего.

Не мало горькихъ жалобъ пришлось мнѣ слышать на такіе захваты со стороны крестьянъ!

— Все лучшее позабрали! — всюду говорили крестьяне: — податься некуда. И сами не пользуются и другимъ не даютъ: чистыя собаки на сѣнѣ!

Эти слова сама истина! Цѣлые хребты и рѣки съ ихъ долинами значатся за г. г. туземными магнатами-купцами и не сойоты, а именно они являются главными врагами населенія края русскими.

Всѣ они пользуются большимъ вліяніемъ и вѣсомъ въ сойотскихъ правящихъ сферахъ и достаточно „совѣта", поданнаго ими нойону, чтобы начались всяческія притѣсненія переселенца, вплоть до систематическаго обворовыванія его.

Воруетъ, впрочемъ, сойотъ только скотъ — все прочее имъ трогается рѣдко.

Отъ коней мы направились къ юртамъ рабочихъ.

Не знаю, чего болѣе въ нихъ—бѣдности, или грязи; сойоты работаютъ только за пропитаніе, состоящее изъ молочныхъ продуктовъ и... падали.

Мѣстные жители, вообще, предпочитаютъ сдавать свой скотъ на полное попеченіе сойотовъ: и почти ничего не стоитъ и, кромѣ того, скотъ является застрахованнымъ отъ какихъ бы то ни было кражъ: сойотъ у сойота не воруетъ.

Большіе табуны и стада пасти трудно и потому ихъ дѣлятъ на десятки; сойоты ихъ пасутъ и берегутъ, а взамѣнъ пользуются молокомъ. Долженъ прибавить, что нарушеніе сойотомъ такого довѣрія къ нему — дѣло неслыханное. Такіе пастухи разсѣиваются на зи-

му по южнымъ склонамъ горъ, въ укрытыхъ ущельяхъ и тамъ зимуютъ.

Въ одной изъ закопченныхъ юртъ слышалось слабое треньканье какого-то инструмента: въ ней лежалъ со сломанной ногой среднихъ лѣтъ сойотъ и однообразно, съ неподвижнымъ, равнодушнымъ лицомъ, перебиралъ струны. Съ обнаженной и не связанной въ лубки ногой творилось чортъ знаетъ что; хорошихъ лѣкарей среди сойотовъ нѣтъ и переломы у нихъ нерѣдко ведутъ къ смертельному концу. Не предвѣщало ничего добраго и лицо этого больного — осунувшееся, землистое.

Между юртами, глазѣя на насъ, стояли, выпятивъ животы, косматые и совершенно голые ребятишки. Сойоты дѣлятся на степныхъ и таежныхъ. Первые живутъ въ войлочныхъ круглыхъ шатрахъ, именуемыхъ юртами, вторые — въ подобіяхъ конусообразныхъ шалашей, крытыхъ древесной корой. Внутреннее убранство и расположеніе вещей рѣшительно у всѣхъ зажиточныхъ сойотовъ до нойоновъ включительно, одинаково — разница только въ качествѣ и количествѣ имущества. Полъ юрты покрываетъ толстая шерстяная кошма; середина ея вырѣзана и на землѣ устроенъ очагъ, дымъ изъ котораго уходитъ въ отверстіе, продѣланное надъ нимъ. Прямо противъ входа стоитъ небольшой шкафчикъ, коммодикъ или столикъ, на которомъ помѣщаются бурханы съ крохотными жертвенными чашечками, съ зернами, масломъ и пр. дарами. Слѣва отъ входа на деревянныхъ распоркахъ висятъ бурдюки — мѣшки изъ овечьихъ шкуръ съ шерстью внутрь: въ эти, никогда не моющіеся мѣшки, наливается и квасится молоко; въ другихъ находится творогъ — сухой и часто прогорклый. Эти два продукта являются главною

пищей сойотовъ. Надъ бурдюками висятъ сѣдла, справа помѣщаются постели, и, гдѣ пришлось, посуда. Стулья рѣдкость; для почетныхъ гостей выдвигаются раскрашенные въ китайскомъ вкусѣ сундучки, либо низенькія — по нашему ножныя — скамеечки. У бѣдняковъ, конечно, ничего этого нѣтъ и они ютятся кое какъ на кучкахъ тряпья и рванаго войлока прямо на голой землѣ.

Только что мы отошли отъ юртъ, насъ нагналъ сойотъ въ голубомъ кафтанѣ и съ рогатою винтовкою за плечами, ѣхавшій на бѣломъ конѣ.

Сойотъ соскочилъ съ коня и, присѣдая и вытянувъ впередъ обѣ руки, съ поклонами подошелъ къ намъ. Это былъ Жужелъ, котораго Габаевъ нанялъ мнѣ по пути въ переводчики для дальнѣйшаго путешествія.

Жужелъ казался почти карликомъ; въ остроконечной барашковой шапочкѣ съ синей лентой позади, въ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми носками, онъ очень напоминалъ фигурки фарфоровыхъ китайцевъ, кланяющихся на полочкахъ гостиныхъ.

Росъ онъ въ русской семьѣ въ качествѣ рабочаго и говорилъ по русски не дурно, хотя съ сильнымъ акцентомъ.

Во время вечерняго чая въ столовой показалось новое лицо — пожилой лама въ халатѣ кирпичнаго цвѣта; продѣлавъ обычную церемонію привѣтствій, онъ расположился около стола на полу, подогнувъ подъ себя ноги. Хозяйка дала ему одну изъ свѣжихъ, бѣлыхъ булочекъ, горой возвышавшихся передъ нами; онъ взялъ ее, откусилъ, чавкая на всю комнату, кусочка два и сунулъ остатокъ къ себѣ за пазуху.

Я еще въ первый разъ видѣлъ человѣка въ собачьемъ положеніи, сидящаго на полу и жадными глазами слѣдящаго за каждымъ кускомъ, отправляемымъ въ ротъ другими. Было стыдно и жалко. Но ни лама — сойотскій священникъ, ни хозяйка, ни Габаевъ ничего подобнаго не испытывали: все было въ порядкѣ вещей и впослѣдствіи и я привыкъ къ нему.

Габаевъ вынулъ изъ портсигара двѣ папироски и кинулъ ламѣ; тотъ поймалъ ихъ на лету, повертѣлъ въ рукахъ, затѣмъ сунулъ обѣ сразу въ ротъ и закурилъ. Сдѣлавъ двѣ-три затяжки, онъ бережно загасилъ огонь и отправилъ полученное вслѣдъ за булкой за пазуху.

Жесты, движенія, ухватки — все поразительно напоминало обезьяну. Это впечатлѣніе не изгладилось и впослѣдствіи.

Рано утромъ, по холодку, кони понесли насъ изъ гостепріимнаго, но неуютнаго дома Сафьяновой, дальше.

Опять потянулись, выжженныя солнцемъ, каменистыя степи и горы; не на чемъ было отдохнуть и порадоваться глазу. Черезъ нѣсколько часовъ, преодолѣвъ довольно крутые подъемы, мы начали спускаться по верховью рѣки Бегреды. Тѣсный, сдавленный горами и усѣянный камнями овражекъ, по которому въ тѣни лиственницъ пробирается едва сочащійся ручей — вотъ что такое долина этой рѣки. Ниже она расширяется и ближе къ Енисею превращается въ степь съ прихотливо изогнутымъ среди нея бульваромъ — такое впечатлѣніе производитъ узенькая полоса лѣса, сопровождающая воду.

Подъ горой виднѣлись какія то жалкія строенія, весьма напоминавшія полуразваленные крестьянскіе дворы на Руси.

Габаевъ, ѣхавшій впереди, остановилъ своихъ лошадей, вылѣзъ изъ тарантаса и подошелъ къ намъ.

— Это заимка Чакирова, — сказалъ онъ, улыбаясь въ длинные усы. — Та самая, о которой говорилъ вамъ Князевъ. Здѣсь живетъ вторая мадамъ Чакирова, а первая вонъ тамъ, далеко, у самаго Енисея.

— Вся эта долина принадлежитъ ему. Вы ничего не имѣете противъ, если мы заѣдемъ сюда перестоять зной?

Я, конечно, согласился и экипажи наши, подъ бѣснованье собакъ, въѣхали во дворъ, окруженный сараями.

Насъ встрѣтила хозяйка — высокая брюнетка въ очкахъ, въ красномъ капотѣ и въ туфляхъ на босу ногу.

Габаевъ продѣлалъ обрядъ знакомленія и, пока устраивалось чаепитіе и закуска, мы отправились смотрѣть мараловъ.

Пространство для нихъ отведено громадное, но взять что либо на немъ бѣднымъ животнымъ почти нечего: трава росла только въ кустахъ у воды, весь же остальной участокъ покрывали камни и бурая пыль.

Сфотографировать мараловъ, какъ это хотѣлось намъ, не удалось: животныя близко къ себѣ не допускали и легкой тѣнью уносились при малѣйшемъ приближеніи къ нимъ.

Потративъ около часу на мараловъ, мы вернулись во дворъ. Тамъ, подъ тѣнью одного изъ амбаровъ, служившаго вмѣстѣ съ тѣмъ и лавкой, былъ накрытъ небольшой столъ; на немъ кипѣлъ самоваръ, стояли молоко и булки.

Мы отдали всему должную честь; хозяйка оказалась, также какъ и Сафьянова, не изъ

разговорчивыхъ: подавала необходимыя реплики, угощала и только.

И здѣсь вопіяло полное отсутствіе не только какого либо комфорта, но и признаковъ цивилизаціи.

По прежней профессіи жена Чакирова была учительницей; въ средствахъ нужды у нихъ нѣтъ. Такое повальное въ краѣ, какъ я убѣдился впослѣдствіи, пренебреженіе ко всякимъ удобствамъ, можно объяснить только тѣмъ, что многіе явились въ него не для того, чтобы прочно осѣсть въ немъ, а чтобы сорвать что возможно и затѣмъ испариться.

Отъ заимки Чакирова путь нашъ лежалъ на Каменный Ключъ. Мѣстность дѣлалась все суровѣе; могучіе, совершенно обнаженные пласты плитняка выступали на самую поверхность земли; травы исчезли даже признаки; безконечный камень и камень, тѣснившій насъ со всѣхъ сторонъ, наводилъ уныніе; дорогу мѣстами на десятки саженей загромождали осыпи и, чтобы отъ тряски не откусить себѣ языкъ и сохранить бока и зубы, надо было вылѣзать изъ экипажей и пробираться пѣшкомъ.

Только узкая полоска зелени, открывшаяся при Ключѣ, нѣсколько оживила видъ и спугнула мысль, что насъ везутъ куда то въ преисподнюю.

Кони съ большимъ трудомъ втащили наконецъ экипажи на послѣдній хребетъ, пересѣкшій нашъ путь и съ вершины его открылся незабываемый видъ.

Внизу, среди широкой степи, могучею синею полосою изгибался Большой Енисей; онъ выходилъ изъ крутыхъ, почти отвѣсныхъ горъ, покрытыхъ темною пеленою тайги; гряды ихъ вставали однѣ надъ другими; на греб-

няхъ нѣкоторыхъ бѣлѣли снѣга. Мѣстное имя Енисея—Улу-кемъ: такъ называется онъ отъ мѣста слiянiя Малаго и Большого Енисеевъ — Хуакема и Пекема.

Влѣво отъ насъ, за островами, среди густыхъ тополей, притаилась заимка Иннокентiя Сафьянова. Вправо, внизъ по теченiю, на сколько могъ достичь взглядъ—тянулась бурая пустыня; надъ нею вздымались мрачныя громады изъ пластовъ плитняка, изогнутыхъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Ближе къ берегу, гдѣ зеленѣли кусты и заросли ирисовъ, виднѣлась пара сойотскихъ юртъ. И больше на тридцать верстъ кругомъ никакого жилья не было и въ поминѣ.

Порывъ вѣтра обдалъ насъ пескомъ и пылью.

Долина Большого Енисея — это какъ бы гигантскiй корридоръ съ вѣчно отворенными съ обоихъ концовъ дверями: вѣтры тамъ почти безпрестанные и ѣхать по ней удовольствiе изъ среднихъ. Мы закутались съ женой въ бурки, при чемъ вѣтеръ едва не сбросилъ насъ съ тарантаса, когда мы встали, чтобы накинуть ихъ.

Габаевы умчались впередъ; я велѣлъ ямщику придержать коней и отстать отъ передняго экипажа подальше, тѣмъ не менѣе ѣхать пришлось въ густомъ облакѣ пыли: вѣтеръ срывалъ ее съ дороги и несъ въ такомъ количествѣ, что поневолѣ напрашивалось воспоминанiе о самумѣ.

Желанныя „Виланы", мѣсто слiянiя Большого и Малаго Енисеевъ, гдѣ строился городъ, показались не скоро—почти черезъ четыре часа.

О нашемъ прiѣздѣ тамъ уже знали: на берегу, гдѣ всѣмъ пришлось выйти изъ своихъ

тарантасовъ, насъ ожидалъ приставъ, межевые чины и разныхъ ранговъ строители города.

Подъ берегомъ, казавшимся безконечнымъ валомъ изъ сплошной гальки, стоялъ паромъ. На него осторожно свели коней, одинъ изъ экипажей и затѣмъ спустились и мы. Тутъ только, стоя надъ самой водой, я оцѣнилъ всю мощь богатыря - Енисея. Широкая поверхность его была вся въ завиткахъ и водоворотахъ; рѣка неслась стремглавъ и жуткое чувство просыпалось въ душѣ отъ вида этой холодной и безличной силы.

На паромѣ закричали; захлопалъ кнутъ, затопали кони и онъ медленно отошелъ отъ берега; теченіе подхватило его и понесло внизъ

Ширина рѣки и сила воды не позволяютъ тамъ и думать объ обычныхъ въ Россіи канатахъ, перетянутыхъ черезъ рѣку; на носу парома былъ устроенъ топчакъ для четырехъ лошадей; ихъ настегивали въ два кнута и онѣ, надрываясь изо всѣхъ силъ, приводили въ движеніе валъ, по бокамъ котораго вращались, сколоченныя изъ толстыхъ бѣлыхъ досокъ, подобія пароходныхъ колесъ.

Съ перепугавшейся отъ вида Енисея Лидіей Алексѣевной сдѣлалась чуть не истерика; ее урезонили, уговорили и стали любоваться великой рѣкой.

Мы пересѣкали ее чуть ниже мѣста сліянія обоихъ братьевъ, Малаго и Большого, раздѣленныхъ острымъ, каменнымъ мысомъ. На противоположномъ лѣвомъ берегу—ровномъ какъ ладонь—кое гдѣ бѣлѣли начатыя постройки, валялись раскиданныя бревна: это и былъ Бѣлоцарскъ, испортившій не мало крови Сибирскимъ властямъ.

Кучки народа глазѣли на нашъ паромъ.

Мы причалили; къ водѣ сдвинули пару досокъ и мы благополучно взобрались по устроенному взъѣзду на берегъ.

Паромъ пошелъ вторично за нашими лошадьми и вещами, а мы, сопровождаемые гурьбою чиновниковъ, направились къ сойотской священной рощѣ, гдѣ были раскинуты для насъ палатки.

Я остановился и оглядѣлся: мы находились на обширной песчаной степи, поросшей рѣдкими кустами караганника.

Неподалеку возвышался, частію сколоченный изъ досокъ, частію сдѣланный изъ обмазаннаго глиной плетня, сарай, съ двумя окнами: въ этой хибарѣ ютились приставъ, землемѣръ, бухгалтеръ и канцелярія. Въ ней они спали, въ ней ѣли и работали на столахъ, сдѣланныхъ на скорую руку изъ досокъ; стульями имъ служили обрѣзки бревенъ.

Далеко за хибарой виднѣлся маленькій, вполнѣ законченный домикъ съ сараемъ — въ послѣднемъ находилась лавка Переселенческаго Вѣдомства, заведенная Габаевымъ. Приблизительно въ верстѣ, или болѣе, внизъ по теченію бѣлѣли на весьма далекомъ разстояніи другъ отъ друга два строившіеся дома; степь изрыта была канавами; кое гдѣ лежали груды камней и лѣсныхъ матеріаловъ. Улицъ не было и признака.

Увязая въ пескѣ, добрались мы до обрыва, спустились внизъ и тамъ, подъ тѣнью гигантскихъ тополей, увидали на берегу одного изъ безчисленныхъ протоковъ Малаго Енисея три палатки.

Рѣки Урянхая бѣгутъ со снѣговыхъ вершинъ и вода въ нихъ холодна какъ ледъ, даже лѣтомъ. Тѣмъ не менѣе мы съ женой купались ежедневно гдѣ только могли и чувство-

вали себя великолѣпно. Даже подагра въ ногѣ, мучившая меня въ Петроградѣ, прошла отъ холодныхъ ваннъ, вопреки всѣмъ докторскимъ увѣреніямъ.

Когда, освѣженные купаньемъ, мы вернулись къ палаткамъ, тамъ уже собралось все Бѣлоцарское общество: приставъ Александровъ старшій межевой чиновникъ, агрономъ Турчаниновъ, техникъ Михайловъ, молодой фельдшеръ съ женой Колесниковъ и др. Колесниковъ—студентъ, оставившій на время, по денежнымъ обстоятельствамъ, университетъ и взявшій съ женою фельдшерскія мѣста по предложенію Габаева.

Жужелъ уже разложилъ костеръ и вмѣстѣ съ человѣкомъ Габаева кипятилъ чай и жарилъ на прутьяхъ шашлыки — обычное въ тайгѣ кушанье. Ужинали большой компаніей и разошлись, когда черная ночь и звѣзды проглядывали сквозь листву надъ нами.

Утромъ чуть свѣтъ я отправился за Енисей на раскопки. У парома меня ждало восемь человѣкъ съ лопатами и кайлами; кромѣ насъ переѣзжало на ту сторону нѣсколько крестьянъ и я съ интересомъ вслушивался въ ихъ бесѣду. Говорили все о томъ же безпардонномъ воровствѣ скота и лошадей, жалобы на которое раздаются по всему центральному Урянхаю. Переѣзжавшіе съ озлобленіемъ винили въ этомъ свое же мѣстное купечество, занимавшееся подстрекательствомъ сойотовъ къ выживанію пришлаго русскаго люда, мѣшающаго ему по прежнему набивать карманъ.

Суда и управы на воровъ крестьянамъ найти негдѣ: нойоны, — говорили они, — держатъ руку своихъ; жаловались завѣдывающему пограничными дѣлами Церерину, тотъ только отписывался и твердилъ: „а зачѣмъ вы къ сойо-

тамъ въ чужую землю залѣзли?" Въ распоряженіи же Переселенческаго вѣдомства, болѣе заботящагося о нихъ, всего одинъ приставъ да четыре урядника, но что могутъ подѣлать они на такомъ пространствѣ?

Я вмѣшался въ разговоръ.

— А сами то вы чего смотрите? — спросилъ я: — чѣмъ по начальству лазить — берегли бы лучше свой скотъ!

— Нешто его убережешь! — угрюмо возразилъ одинъ изъ крестьянъ, — въ одномъ мѣстѣ онъ ходить не можетъ. Опять же кусты, горы . . .

— Вотъ Тюргенцы ловко отвадили воровъ! — заявилъ, усмѣхаясь, молодой парень.

— Какъ?

— А такъ: ночью спрячутся въ кустахъ и сидятъ, бубенчикомъ позваниваютъ. Сойотъ думаетъ — конь ходитъ и начинаетъ красться къ нимъ. А они его изъ ружья — шаркъ! Да въ воду. Десятка два, сказываютъ, ухлопали. Теперь тихо у нихъ!

То же нареканіе на мѣстное купечество довелось слышать почти повсюду и не только слышать, но въ тотъ же день и до нѣкоторой степени и самому испытать на дѣлѣ: купцы, крайне недовольные закладкой новаго города и появленіемъ въ немъ лавки переселенческаго вѣдомства, устроили стачку и, несмотря на высокія цѣны, платившіеся Габаевымъ за скотъ, вдругъ оставили городъ безъ мяса. Цѣль была опредѣленная: на постройкахъ работало свыше сотни людей и отсутствіе провіанта могло заставить ихъ взбунтоваться и разойтись въ разныя стороны.

Весь день намъ пришлось довольствоваться хлѣбомъ и консервами; Габаевъ поскакалъ

въ горы и гдѣ-то купилъ и пригналъ нѣсколько быковъ. Черезъ три дня, закончивъ раскопки и осмотрѣвъ окрестности, мы съ женой пустились въ дальнѣйшій путь.

ГЛАВА VII.

Предстояло добраться до рѣки Элегеста, оттуда долиной ея подняться до Атамановскаго поселка, лежащаго у подножія Нойонскаго хребта, перваго изъ Танну-Ольскихъ, и оттуда вдоль хребта выѣхать на рѣку Брень и дальше къ границамъ Монголіи и по Малому Енисею спуститься обратно въ Бѣлоцарскъ.

Дорога лежала черезъ Булукъ, маленькій татарскій поселокъ изъ четырехъ домишекъ, стоящій на берегу Енисея въ восьми верстахъ отъ Виланъ.

Главаремъ поселка считался мѣстный старожилъ, Арзубай, пожилой, непривѣтливаго вида, татаринъ, пріятель Церерина и большой, хотя, конечно, подпольный, врагъ всякихъ начинаній Габаева.

Множество монгольскихъ могилъ безпрерывно сопровождало насъ на всѣхъ восемнадцати верстахъ разстоянія до Элегеста; долина Енисея въ этихъ мѣстахъ — сплошная песчаная пустыня, усѣянная галькой и поросшая низкимъ и колючимъ караганникомъ. Говорятъ, весною на ней бываетъ трава, но я не видалъ ни былинки: все было выжжено и обнажено. На правомъ берегу Енисея горы вставали крутыя и высокія; рѣка идетъ близко къ нимъ; на лѣвомъ, за степью, мѣстность только всхолмлена и съ горизонта смотрятъ снѣговые хребты Танну-Ола.

Верстахъ въ четырехъ-пяти отъ Булака дорогу преграждаетъ высокая, крутая гора, отвѣсными утесами вошедшая въ самыя воды Енисея. Подъемъ настолько крутъ, что пришлось вылѣзть изъ коробка и пѣшкомъ совершать восхожденіе.

Енисей съ его сотнями зеленыхъ островов и протоками между ними былъ виденъ какъ на ладони; внизу подъ ногами, на глубинѣ многихъ десятковъ саженъ, шумно бьется о скалы вода; куда ни оглянись — весъ міръ кажется замкнутымъ причудливымъ, серебрянымъ вѣнцомъ изъ горъ.

За переваломъ опять потянулась унылая степь; показались бурыя строенія безъ крышъ, обнесенныя, какъ крѣпость, деревяннымъ заборомъ изъ цѣльныхъ деревьевъ. Ни кустика, ни деревца не взрастили вокругъ угрюмые владѣльцы этихъ мѣстъ—Вавилины! Недобрая слава идетъ въ Урянхаѣ объ этомъ имени!

Ямщикъ намъ попался молодой и дороги на заимку Губанова, гдѣ мы хотѣли передохнуть, не зналъ. Пришлось заѣхать къ Вавилинымъ и разспросить про дорогу.

Во дворѣ коробокъ нашъ обступила остервенѣлая стая собакъ. На яростный концертъ ихъ на облитое помоями, грязное, крыльцо дома вышелъ заспанный бородатый мужикъ въ ситцевой рубахѣ и жилеткѣ — приказчикъ — и не особенно охотно повѣдалъ, что намъ было нужно. Амбары, помѣщенія для скота стояли кругомъ въ полуразрушенномъ видѣ. Все было запущено и необычайно грязно.

Ямщикъ повернулъ коней и, провожаемые собаками, мы выбрались за ворота и мимо монгольскихъ могилъ направились дальше.

Съ перевала ближайшей горы мы завидѣли нешерокій Элегестъ, прихотливо извивавшійся

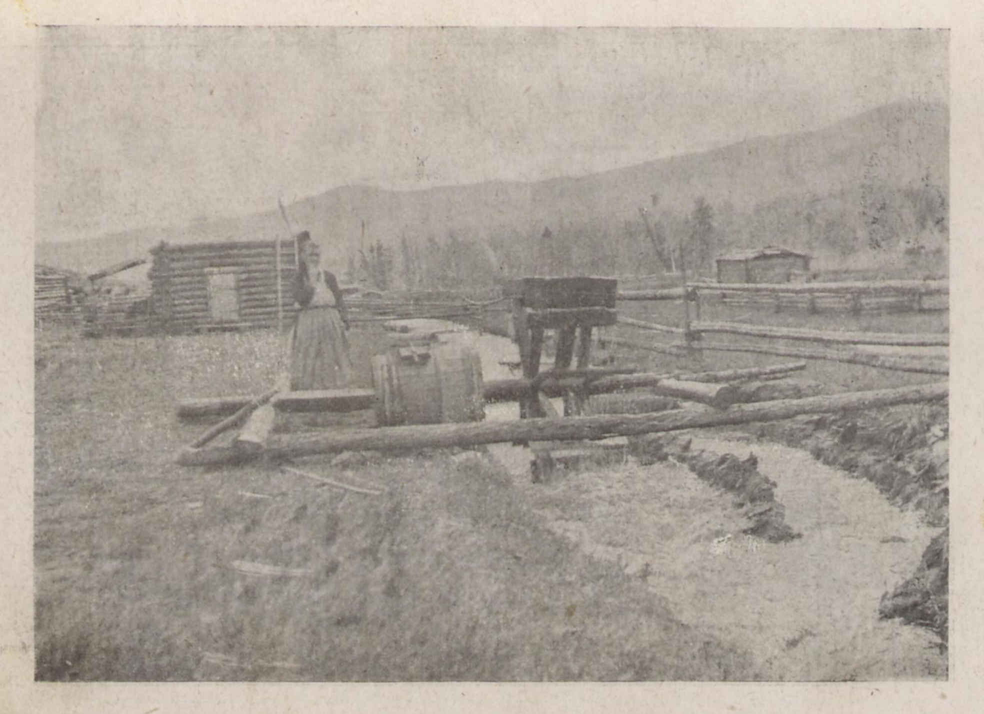
среди, заросшей тальникомъ и ивнякомъ, долины. По ту сторону его бѣлѣли постройки, но попасть къ нимъ оказалось невозможнымъ: гдѣ-то, выше, выпали дожди и бурный Элегестъ вздулся и переправиться на ту сторону было нельзя даже и на лодкѣ — до того стремительно несъ онъ свои мутныя воды!

Дѣлать было нечего; ямщикъ отпрягъ коней и поставилъ ихъ въ тѣнь, гдѣ не такъ заѣдали ихъ „пауды"; Жужелъ развелъ костеръ, я разостлалъ подъ ветлой бурку и мы принялись за завтракъ и чаепитіе.

Жаль было разставаться съ прохладой и не хотѣлось опять подставлять себя подъ нестерпимый зной, но дѣлать было нечего. Выкупался я на прощанье въ ледяной водѣ Элегеста и двужильные Урянхайскіе кони понесли насъ дальше по раскаленнымъ, обнаженнымъ горамъ изъ бурыхъ и красноватыхъ массъ плитняка. Мѣстами онъ вывѣтрился и скалы, будто стражи стояли на скатахъ и вершинахъ горъ одинокія и причудливыя, часто вотъ-вотъ готовыя рухнуть.

Караганникъ, любящій песокъ, исчезъ и смѣнился золотарникомъ—кустами, на золотистыхъ вѣтвяхъ котораго, точно обтянутыхъ желтымъ атласомъ, разсыпаны мелкіе и жесткіе листочки; кое гдѣ торчала кустарниковая альпійская березка и только низина, гдѣ несся Элегестъ, полна была зеленыхъ тополей, и душистыхъ травъ.

Среди каменистыхъ пустынь стали попадаться торчавшія попарно высокія, стоймя поставленныя глыбы. Разстояніе между ними бывало до двухъ сажень; иногда тамъ лежали вывѣтрившіеся, покрытые желтымъ лишайникомъ, куски плитняка. Этого рода могилъ, встрѣчающихся рѣдко и при томъ



Урянхайская маслобойка.

Палатка Габаева въ священной рощѣ подъ Бѣлоцарскомъ

томъ въ глухихъ пустыняхъ, вскрыть мнѣ не удалось.

По сторонамъ то и дѣло взлетали дрофы; эти важныя, громадныя птицы во множествѣ разгуливаютъ по здѣшнимъ безводнымъ степямъ. Безъ конца попадались монгольскіе каменные курганы; въ Урянхаѣ, кажется, нѣтъ клочка земли, съ котораго нельзя было бы увидать ихъ.

Было еще не поздно, когда мы спустились съ безконечнаго плоскогорья и, миновавъ „живой" мостокъ черезъ узенькій Мечегей, пересѣкли густой лѣсокъ. Открылись ворота между двухъ горъ; въ прорѣзъ глядѣлъ иной міръ — веселая, зеленая равнина. Мы миновали ущелье и передъ нами раскинулась безпредѣльная въ длину, изумрудная долина; по ту сторону ея вставали поросшіе густой тайгою хребты Танну-Ола. Ширина долины, съ юга и съ сѣвера огражденной горами,—верстъ двѣнадцать.

Деревня Атамановка пріютилась среди нея.

Мы спустились съ горы; дороги не было и пришлось ѣхать напрямикъ топкимъ лугомъ; колеса вязли; ноги коней погружались въ черную грязь по бабки; мѣстами приходилось чуть не плыть по широкимъ лужамъ воды.

То и дѣло взлетали встревоженныя нами утки, бекасы и кроншнепы; пернатое царство съ крикомъ носилось вокругъ, видимо совершенно не боясь человѣка. И это подъ самой деревней!

Топь кончилась только у околицы; по просторной улицѣ мы прокатили черезъ всю Атамановку на восточный конецъ ея, гдѣ находилась земская квартира.

Деревня, довольно людная, въ сорокъ три двора—уже четыре года какъ выросла въ этихъ

мѣстахъ. Но всѣ избы стояли безъ крышъ и казались какими то клѣтушками, сбитыми на скорую руку. Лѣсъ, между тѣмъ, подъ рукой въ изобиліи и даровой.

Населеніе деревни смѣшанное: есть въ ней сибиряки и малороссы и „русскіе". Но урянхайское миро, какъ видно, помазываетъ всѣхъ одинаково: всѣ жители ея занимаются торговлей и скупкой пушнины; скота держатъ много. Съ кѣмъ ни приходилось говорить, даже съ женщинами, чувствовалось, что всѣхъ привело сюда и держитъ здѣсь только одно: корысть.

Изба, къ которой привезли насъ, оказалась не лучше другихъ избъ. Пока вносили вещи и молодая хозяйка хлопотала о самоварѣ и закускѣ, я взялъ ружье и отправился поохотиться.

Ничего подобнаго такому изобилію дичи въ своей жизни я не видѣлъ! Часа полтора проходилъ я по необъятнымъ болотамъ, мѣстами казавшимися сѣткой изъ моха, туго натянутой надъ невѣдомой бездной и качавшейся подъ ногами.

Когда я вернулся—подъ маленькимъ навѣсомъ изъ куска рванаго брезента, натянутаго на оглобляхъ, на столикѣ, стоялъ самоваръ, кубанъ съ молокомъ и наскоро зажаренная какая то снѣдь. Милліарды мухъ гроздьями облѣпляли хлѣбъ, кувшинъ, сахаръ и все на столѣ. Непрестанно отмахиваясь отъ лѣзшихъ въ ротъ проклятыхъ тварей, мы закусили и отправились осматривать поселокъ. И здѣсь пришлось услыхать жалобы на морозы, дважды уже успѣвшіе побить хлѣба.

Ночь провели отвратительно. Габаевъ увѣрилъ меня, что палатка мнѣ въ этой части

поѣздки не понадобится и я оставилъ ее въ Бѣлоцарскѣ, о чемъ не разъ пожалѣлъ потомъ.

Изба, вѣрнѣе избенка, въ которой мы помѣстились вдвоемъ съ женой, была набита мухами, какъ улей пчелами. Водились въ ней и клопы, отъ которыхъ плохо спасали даже собственныя походныя кровати, поставленныя посрединѣ избы. А главное — духота! Окна оказались вдѣланными на глухо и не открывались; не запереться на ночь — было нѣсколько рискованно. Нѣсколько разъ пришлось вскакивать и растворять дверь. Врывался свѣжій воздухъ и не надолго дѣлалось возможнымъ дышать.

Стояла тихая, теплая ночь, вѣрнѣе сумерки. Смутно мерeчила даль болотъ, осіянная звѣздами и дымившаяся кое гдѣ туманомъ. Вся долина, всѣ десятки верстъ ея жили полною жизнью. Стонъ стоялъ отъ переклички куликовъ, выпей и утокъ; грубымъ гоготомъ вступали въ общій концертъ гуси, властно и гордо трубили журавли; творилась сказка на яву — праздникъ ночи у птицъ: нельзя было наслушаться и вдоволь насладиться отголосками его!

Рано утромъ на свѣжихъ коняхъ мы двинулись дальше.

Верстахъ въ пяти отъ мѣста ночлега насъ догналъ верхомъ на бѣлой лошади урядникъ, отрекомендовался и доложилъ, что онъ получилъ приказъ сопровождать меня и быть въ моемъ распоряженіи. Надобности мнѣ въ немъ не было, но такъ какъ ему оказалось нужнымъ ѣхать по той же дорогѣ, въ Сосновку, то я ничего не возразилъ противъ его сопутничества.

Не успѣли мы отъѣхать еще трехъ верстъ, вдругъ сѣдло у гарцевавшаго близъ тарантаса урядника свернулось на бокъ, а самъ онъ мгновенно очутился на землѣ. Конь поддалъ задомъ и понесся въ степь къ пасшемуся не-

вдалекѣ сойотскому табуну. Жужелъ поскакалъ ловить его.

Урядникъ, смазливый парень, съ противными, писарскими ухватками, поднялся со сконфуженнымъ видомъ; вся спина и бокъ его чернаго мундира были вымазаны пылью и грязью.

Сивка Жужела за бѣглецомъ не поспѣвала; съ сѣдломъ на боку, съ шинелью, притороченной къ нему и волочившейся по землѣ, съ развѣвающейся гривой, онъ несся во всю прыть по степи; завидѣвъ его встрѣчные табуны всхрапывали и дружно, въ паникѣ, уносились прочь отъ чудного пришельца.

У сойотскихъ юртъ, виднѣвшихся неподалеку, начался переполохъ. Нѣсколько человѣкъ бросилось къ колу, у котораго стояли осѣдланные кони и, вскочивъ на нихъ, поскакали въ погоню.

Я пригласилъ урядника сѣсть на козлы и мы, легкой рысцой, затрусили дальше.

Версты черезъ три намъ попался небольшой улусъ, юртъ изъ шести, расположенный на лугу, неподалеку отъ „аввы"—конусообразной кучи изъ хвороста.

Аввы — священныя мѣста у сойотовъ, на которыхъ, какъ полагаютъ они, обитаютъ духи-властители окрестностей (Инезе). Каждый проѣзжающій сойотъ обязанъ прислонить свою вѣточку къ аввѣ, или повѣсить противъ него узенькую полоску тряпочки. Иногда, въ горахъ, встрѣчаются аввы въ видѣ кучъ камней. Благополучный перевалъ черезъ хребетъ, переправа черезъ большую, или опасную рѣку — все это знаменуется сойотомъ жертвой инезе—камушкомъ, хворостиною, тряпочкой.

Урядникъ сообщилъ, что около встрѣченной аввы въ полдень будетъ большое моленіе, а затѣмъ произойдутъ игры.

Мы рѣшили подождать и посмотрѣть невиданное еще нами зрѣлище.

Ямщикъ свернулъ къ улусу и остановилъ коней близъ одной изъ юртъ.

Сейчасъ же насъ обступила кучка чумазыхъ ребятъ и принялась созерцать насъ. За малышами появились и взрослые.

Обстриженный подъ гребенку, пожилой лама вынесъ изъ своей юрты два коврика, разстелилъ ихъ на землѣ и пригласилъ сѣсть на нихъ меня и урядника; послѣдній отказался и показалъ ему, что коврикъ надо предложить моей женѣ. Лама исправилъ свою ошибку и, когда мы усѣлись, отправился обратно и вернулся съ бутылкою какой то мутноватой жидкости и грязнѣйшею въ мірѣ чайною чашкой.

Наливъ ее до краевъ онъ подалъ ее мнѣ; я понюхалъ: пахло сивухой и словно бы молокомъ: то была „арага" — сойотская водка, которую они гонятъ изъ коровьяго молока. Попробовать эту мерзость я не рѣшился и, сдѣлавъ видъ что отхлебнулъ, передалъ чашку женѣ. Она продѣлала ту же церемонію и отдала уряднику.

Тотъ выпилъ залпомъ, крякнулъ и возвратилъ пустую посудину хозяину. Лама налилъ себѣ, затѣмъ опять уряднику.

Арага, видно, попала послѣднему на старыя дрожжи, такъ какъ языкъ у него, и безъ того болтливый, принялся трещать безъ умолку.

— Парить ихъ надо! — обратился онъ ко мнѣ: — сладу, иначе, съ ними никакого нѣтъ. Воры всѣ, мазурики! Правовъ вотъ только не

предоставляютъ мнѣ, а я ихъ отпарилъ бы какъ слѣдуетъ, всему бы конецъ сдѣлалъ!

— Какъ это парить? — спросилъ я.

Урядникъ усмѣхнулся и мотнулъ головой.

— А нагайкою! У... у... Это средствіе-съ, будьте покойны!

Въ эту минуту подъѣхалъ Жужелъ, ведя въ поводу бѣглаго коня.

— Поймалъ, — весело заявилъ онъ: — все сыскалъ, одинъ стремя только пропалъ!

— Какъ это стремя пропало?—вскинулся на него урядникъ. — Сыскать долженъ былъ, что жъ ты не искалъ?

— Вы бы его поблагодарили лучше—замѣтилъ я:—онъ вовсе не обязанъ былъ ѣздить ловить вашего коня.

Жужелъ слѣзъ съ сѣдла и присѣлъ около меня.

Лама поднесъ араги и ему.

Блюститель власти продолжалъ бурлить по поводу своего стремени.

— Ты скажи ему,—присталъ онъ опять къ Жужелу, указывая на ламу,—чтобы его люди непремѣнно сыскали мнѣ стремя!

— Гдѣ его сыщешь?—флегматично возразилъ Жужелъ.

— Найдутъ! Скажи—нойонъ парить будетъ, коли не предоставятъ!

Я возмутился.

— Нѣтъ, ужъ, прошу моимъ именемъ не распоряжаться. Я ничего подобнаго не говорилъ и не скажу!

Урядникъ спохватился, что зашелъ слишкомъ далеко и принялся оправдываться тѣмъ, что безъ угрозъ ничего не подѣлаешь.

Наступилъ полдень, а народъ все еще не собирался и я рѣшилъ не дожидаться праздне-

ства: зрѣлища эти не разъ предстояли мнѣ и въ будущемъ!

Урядникъ пожелалъ было опять усѣсться на облучекъ моего тарантаса, но я сухо отказалъ ему и сказалъ, чтобы онъ ѣхалъ впередъ въ ближайшую деревню и вызвалъ для меня старшаго выборнаго.

Урядникъ взгромоздился на своего коня и съ недовольнымъ видомъ погналъ его по направленію къ Березовкѣ.

ГЛАВА VIII.

Разбросанная по косогору Березовка была неподалеку; домовъ съ крышами и въ ней не оказалось ни единаго. Выстроилась она въ 1909 году и по 1914 годъ, т. е. за промежутокъ въ пять лѣтъ хлѣбъ родился у крестьянъ только одинъ разъ: въ остальные года его выбивало морозомъ.

По дорогѣ къ Березовкѣ, кромѣ обычныхъ монгольскихъ могилъ, я замѣтилъ нѣсколько кургановъ; одинъ изъ нихъ, большой, имѣлъ провалъ по серединѣ, что свидѣтельствуетъ о сгнившемъ и осѣвшемъ срубѣ внутри его. Такіе курганы позднѣе мнѣ приходилось вскрывать и въ нихъ на большой глубинѣ, до девяти аршинъ, находились скелеты и разныя вещи мѣднаго періода, относящіяся къ эпохѣ до Р. Х. Въ большинствѣ случаевъ мертвецы лежали на боку съ согнутыми ногами; клали ихъ въ срубъ изъ стволовъ лиственницы и закрывали плахами изъ нея же. И такова изумительная стойкость этого дерева, что до сихъ поръ, черезъ тысячи лѣтъ, оно сохранилось, хотя, конечно, въ иструхлѣвшемъ видѣ, но въ такой мѣрѣ,

что видны послойное строеніе дерева, кора и есть полная возможность сразу опредѣлить его породу.

Крестьяне принесли мнѣ мѣдные ножи, найденные ими на пашняхъ; имѣются въ окрестностяхъ и слѣды древнихъ оросительныхъ канавъ.

Эти канавы встрѣчаются въ Урянхаѣ повсюду на болѣе высокихъ мѣстахъ, именно тамъ, гдѣ въ тѣ отдаленныя времена была суша: значительная часть долинъ и, нынѣ совершенно сухихъ, степей края находились тогда подъ водою и искать на нихъ остатковъ мѣдной эпохи — напрасный трудъ.

Опросивъ крестьянъ, мы покатили дальше.

Дорога все время шла вдоль высокаго и темнаго хребта Шинхана, сплощь заросшаго густою тайгою. Крестьяне зовутъ этотъ хребетъ Нойонскимъ.

Шинханъ въ переводѣ значитъ „даръ хана". По преданію этотъ хребетъ и долину за нимъ того же имени Чингизъ подарилъ за какія-то заслуги одному изъ своихъ приближенныхъ. Мѣстъ, удобныхъ для земледѣлія, въ этомъ районѣ много.

Русскіе поселки въ этомъ концѣ Урянхая довольно часты; скоро показался Нижне-Никольскій, отъ котораго намъ предстояло верхами переваливать черезъ горы.

Стаи журавлей разгуливали среди зеленой травы; въ одномъ мѣстѣ мы остановились и долго любовались на смѣшную пляску ихъ, выполнявшуюся съ распущенными крыльями и съ самымъ серьезнымъ видомъ.

Нижне-Никольскій поселокъ чуть не вплотную прижался къ горамъ; кругомъ него хаосъ изъ безчисленныхъ валуновъ, свидѣтельствую-

щій о бурной рѣкѣ, вырывающейся изъ сосѣдняго ущелья.

Громыхая по камнямъ, перебрались мы черезъ нѣсколько совершенно сухихъ рукавовъ русла и въѣхали въ деревню. Вся вода рѣки — Арголика — отведена по канавамъ и большую часть лѣта русло его сухо. Но, когда выпадаютъ въ горахъ дожди, или начинаютъ таять снѣга — Арголикъ реветъ, бушуетъ и швыряется камнями, сносимыми съ горъ.

И Нижне-Никольское, существующее уже шесть лѣтъ, совершенно такого же убогаго вида, какъ и прочія деревни въ краѣ.

Ямщикъ привезъ насъ во дворъ Н. М. Черневича, гдѣ встрѣтилъ насъ бородачъ-приказчикъ и тотчасъ же, по моей просьбѣ, послалъ за верховыми конями и проводникомъ.

Не прошло и получаса — три сойотскихъ горбоносыхъ конька стояли уже, понуривъ головы, во дворѣ у кола; красныя сойотскія сѣдла, укрѣпленныя веревками на рваныхъ попонахъ, украшали ихъ спины. Проводникомъ взялся быть нѣкій Ѳеоктистъ, пожилой сибирскій инородецъ, скуластый, широколицый, съ черными волосами и низенькаго роста. Въ Урянхаѣ жилъ онъ уже давно и какъ край такъ и языкъ его зналъ великолѣпно.

Оставивъ всѣ вещи на попеченіе приказчика, мы взобрались на эшафоты, именуемые сойотскими сѣдлами и легкой рысцой выбрались за деревню. Черномазый, какъ грачъ, Ѳеоктистъ, ѣхалъ впереди и покуривалъ трубочку; колѣна у него были подтянуты къ самой лукѣ и чувствовалъ онъ себя превосходно.

Сойотское сѣдло — это вырѣзанное въ кускѣ дерева углубленіе съ высокими луками спереди и сзади. Ни подушекъ, ни обтяжки

на этихъ сѣдлахъ не полагается. Вслѣдствіе малорослости туземцевъ, углубленіе сѣдла весьма узенькое и человѣку моей комплекціи помѣститься на немъ невозможно. Какъ я ни ухитрялся, а сидѣть приходилось какъ на колѣ на задней лукѣ; лошадь попалась тряская и можно себѣ представить удовольствіе, которое я испытывалъ!

Верстахъ въ двухъ отъ деревни тропа круто стала подыматься въ гору, сплошь заросшую тайгой изъ березъ и лиственницъ. Давъ нѣсколько разъ отдышаться конямъ, мы взобрались на гребень хребта и тропа завилась по вершинамъ.

Красота развертывалась необычайная. Мы ѣхали по узенькой полоскѣ земли, шириною не болѣе двухъ-трехъ аршинъ, раздѣлявшей двѣ, чудовищной глубины, пропасти: громадныя деревья, росшія на днѣ ихъ, казались вершковыми прутиками. Слѣва, закрывая полъ-міра, вздымались взъерошенныя головы горъ; справа развертывалась безконечная, желтая даль степей, съ синѣвшими кое-гдѣ озерами; обширнѣйшее изъ нихъ — Соляное, поставляющее соль на весь Урянхай.

Тропа уперлась въ почти отвѣсную скалистую вершину Большого Шинхана, высокою шапкой вставшую на нашемъ пути.

Сильный вѣтеръ рванулся со стороны горъ, неся сизыя облака, насыщенныя дождемъ. Они цѣплялись за деревья ниже насъ и клочья ихъ, словно вата на рождественской елкѣ, застрѣвали подъ скалами и по ущельямъ.

На открытыхъ мѣстахъ вѣтеръ дулъ такъ, что приходилось наклоняться въ его сторону, чтобы удержаться въ сѣдлѣ; сдѣлалось холодно.

Попавъ опять въ тайгу, мы отвязали бурки и накинули ихъ на себя.

Тропа превратилась скоро въ нѣчто невообразимое. Мы ѣхали по узенькому карнизу, вившемуся по скаламъ съ сѣверной стороны хребта; между ними лѣпились деревья; могучая сѣть корней опутывала каждую пядь земли; каменныя иззубрины вставали со всѣхъ сторонъ.

Споткнись конь на такой чертовой тропѣ, сочившейся вдобавокъ повсюду водою, и самое большое счастье, на которое можетъ разсчитывать всадникъ, это переломъ рукъ или ногъ. Но кони шли увѣренно; инородецъ курилъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, трубку и нѣтъ-нѣтъ и подхлестывалъ своего и безъ того бойко топотавшаго конька.

Вершина Шинхана почти обнажена; всю ее сплошь заливали голубые анемоны, эти поразительные по красотѣ цвѣты.

Несмотря на начавшійся дождь, мы остановились и слѣзли съ коней, чтобы полюбоваться видами, открывавшимися съ разныхъ сторонъ; впереди развертывалась уже Монголія.

Скоро начался спускъ. Если подъемъ тяжелъ для коня, то спускъ невыносимъ для всадника, да еще совершающаго его воткнутымъ на колу.

Крутизна была отчаянная; я ложился на сколько могъ на спину лошади, ноги вытягивалъ къ ушамъ ея; она храпѣла и съѣзжала, сидя на крупѣ и, упершись передними ногами.

Знакомая, горѣлая, мертвая тайга обступила насъ. Казалось, отовсюду, изъ каждаго камня, сплошь усѣивавшихъ скатъ горы, текла вода. Грязища мѣстами была мѣсивомъ до аршина глубиной и кони, проваливаясь въ разсѣлины, тщательно обходили ее.

Множество разъ пересѣкли мы „ключъ“ — обычное названіе горныхъ рѣчекъ — все увеличивавшійся и громче шумѣвшій по мѣрѣ приближенія къ низу.

Ущелье дѣлалось уже и мрачнѣе и перешло въ отвѣсы изъ скалъ. Ѣхали мы 22 іюня и, несмотря на это, дважды пришлось перебираться черезъ рѣченку по толстымъ сводамъ изо льда, арками выгибавшагося надъ ревущей рѣкой.

Ледяные мосты были послѣднимъ испытаніемъ того дня; тропа выбѣжала въ веселую неширокую долину и, свернувъ въ пологое устье другого, впадавшаго въ нее, ущелья, мы завидѣли три хибарки, разбросанныя довольно далеко другъ отъ друга.

Это и были „промысла“ Н. М. Черневича, которые я намѣревался осмотрѣть.

Около первой — амбара — находилась группа людей, съ любопытствомъ всматривавшаяся въ рѣдкое зрѣлище — всадниковъ, въ числѣ которыхъ находилась дама.

Среди наблюдавшихъ насъ я замѣтилъ довольно полную брюнетку; около нея стоялъ худощавый, высокій господинъ съ лицомъ польскаго типа и длинными сѣдыми усами. Высокіе сапоги, темная охотничья куртка и бѣлая фуражка составляли его костюмъ.

Мы сошли съ коней и познакомились. Господинъ въ фуражкѣ оказался хозяиномъ тѣхъ мѣстъ Никол. Мих. Черневичемъ, дама Эмиліей Петровной Колбасьевой, вдовой его друга, пріѣхавшей съ сыномъ въ Урянхай. Другіе, стоявшіе съ ними, были горный инженеръ англичанинъ Ноксъ и двое членовъ зоологической экспедиціи, посланные нашей Академіей Наукъ въ хребты Танну-Ола.

Всей компаніей двинулись мы къ находившемуся неподалеку одноэтажному крохотному домику. У входа въ него стоялъ, раздвинувъ ноги, безъ пиджака и жилета, короткій плотный субъектъ и намыливалъ себѣ щеки передъ зеркальцемъ, поставленнымъ имъ на ручкѣ двери.

— Мистеръ Вайтъ! — отрекомендовалъ его хозяинъ.

Американецъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кивнулъ головой, протянулъ волосатую, обнаженную до локтя, руку и онять принялся за свое занятіе.

Вайтъ — членъ Королевской Академіи, горный инженеръ по профессіи — и Ноксъ прибыли по приглашенію Черневича для обслѣдованія его владѣній.

О проѣздѣ въ Урянхай таинственныхъ англичанъ я слышалъ уже въ Усинскомъ; мѣстныя власти собирались даже „не пропустить" ихъ подъ какимъ то предлогомъ, но пока онѣ думали и собирались, англичане заказали себѣ лошадей и уѣхали.

И благо, что такъ случилось!

Инженеры провезли съ собою буръ для пробивки скважинъ; штука эта не особенно большая, но доставка его черезъ Саяны, отъ Григорьевки до Черневича, обошлась въ триста рублей.

Изъ крохотныхъ сѣнецъ мы попали въ довольно просторную комнату, передѣленную низенькой, немного выше роста человѣка перегородкой. Дверь въ послѣдней отсутствовала; виднѣлись двѣ простыя деревянныя кровати: на одной лежали подушки и одѣяло, другая откровенно показывала бурыя доски. Въ другой, большей половинѣ комнаты въ которую ввалились мы, протянулся длинный,

некрашенный столъ; стулья замѣняли такія же скамьи.

Пріятно было посидѣть на чемъ нибудь ровномъ, послѣ горба, именуемаго сойотскимъ сѣдломъ!

Черневичъ даже нѣсколько обидѣлся и удивился, когда я сказалъ, что въ первый еще разъ въ жизни встрѣтилъ такую паскудную дорогу.

— Вотъ, — заявилъ онъ, — странно? А мы по ней ѣздимъ и ничего. . .

Пока мы бесѣдовали, босоногая дѣвка принялась накрывать на столъ: мы попали какъ разъ къ обѣду.

Черневичъ единственный дворянинъ среди Урянхайскаго магнатства; на насъ съ женой онъ произвелъ впечатлѣніе джентльмена; нѣсколько портилъ его дѣланный пафосъ, прорывавшійся иногда въ его тонѣ; казалось, шелъ, шелъ человѣкъ рядомъ съ вами и вдругъ вскакивалъ ни съ того ни съ сего на ходули. Не украшала его и нервность, заставлявшая его мѣшаться во всѣ домашнія мелочи.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось имѣть въ рукахъ оффиціальныя бумаги Черновича, направлявшіяся имъ въ Пограничное Управленіе и рисовавшія положеніе дѣлъ и людей края. Та же ходульность, та же, но еще болѣе вздутая напыщенность, глянули на меня съ листовъ бумагъ. Въ общемъ несомнѣнно правъ человѣкъ, желаетъ добра, но. . . невольно хочется оглянуться и поискать нѣтъ ли у него еще другой, затаенной причины. Долженъ отмѣтить, что за все свое пребываніе въ Урянхаѣ я ни отъ одной души не слыхалъ ни одного худого слова о немъ. Его уважаютъ и всѣ свидѣтельствовали, что онъ единственный человѣкъ, не

препятствовавшій ничѣмъ русскому дѣлу въ краѣ и не разъ помогавшій ему.

Въ Черневичѣ я подмѣтилъ большую дозу тщеславія и пожалѣлъ, что на передовыхъ позиціяхъ стоятъ въ Урянхаѣ Цереринъ и Габаевъ. Что бы тутъ можно было сдѣлать человѣку съ чутьемъ и тактомъ!

Добрая статейка въ газетахъ, крестикъ одному, медалька другому; помазка самолюбій, какъ грибы пухнущія со всѣхъ сторонъ — и конецъ бы враждѣ и ерундѣ.

Человѣкъ Черневичъ словоохотливый; я заводилъ его на нужныя мнѣ темы и слушалъ.

Разсказывалъ онъ много интереснаго. Правда, „я“ очень выдѣлялось у него на первое мѣсто; не мало чувствовалось и горечи въ полномъ непризнаваніи власть имущими его заслугъ. Горечь эта такъ велика, что у него вырвалось даже сожалѣніе, что „онъ не сдѣлалъ Урянхай независимымъ“, когда въ годы китайской смуты была полная къ тому возможность и когда только „онъ“ своимъ вліяніемъ и вмѣшательствомъ удержалъ сойотовъ отъ истребленія и изгнанія „всѣхъ“ русскихъ. Когда сойоты явились къ нему посовѣтоваться — какъ имъ быть и заявили, что русскіе осѣли и на той землѣ, которая отдана ему въ вѣчное владѣніе, Черневичъ отвѣтилъ, что поступать такъ они не могутъ, такъ какъ тогда придутъ русскія войска и перебьютъ всѣхъ безъ пощады; напугавъ ихъ, онъ застращалъ затѣмъ и нойона, а тѣмъ временемъ вооружилъ и подготовилъ крестьянъ и дѣло кончилось мирно.

Все обстояло такъ, но спасенъ былъ имъ отъ погрома только крохотный уголокъ Урянхая, но не весь край. Не смогъ бы Черневичъ сдѣлать край и независимымъ: слишкомъ ужъ цѣпкіе корни пустила въ него Русь въ

видѣ простыхъ хуторянъ, пользующихся мѣстами такимъ уваженіемъ среди сойотовъ, что дай Богъ увидать хоть половину его во снѣ всякому генералъ-губернатору!

Рѣчь коснулась Габаева и его дѣйствій и я почувствовалъ, что у Черневича все заходило внутри отъ негодованія. Въ первый день онъ еще сдерживался, но на второй далъ себѣ полную волю.

— Безтактный, слѣпой, мальчишка,—вотъ эпитеты, сыпавшіеся на голову Габаева.

По словамъ Черневича, негодованіе на Габаева въ краѣ всеобщее; вызвано оно помимо разныхъ выходокъ его главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ не стѣсняясь, во всеуслышаніе заявлялъ вездѣ крестьянамъ и самимъ помѣщикамъ, что „отберетъ" у нихъ землю и отведетъ имъ сколько „полагается" и отнюдь не оставитъ въ ихъ рукахъ того, чѣмъ они владѣютъ.

Эти самыя слова говорилъ Габаевъ и мнѣ. Идея справедлива, но... ее нужно проводить, а не провозглашать гдѣ бы то ни было, тѣмъ болѣе не у себя дома. Бѣда, когда у человѣка дѣйствуетъ сперва языкъ, а затѣмъ руки!

Замыселъ основанія Бѣлоцарска, по словамъ Черневича, принадлежитъ ему. Онъ же предложилъ Габаеву „даромъ" мѣсто для города, то самое, на которомъ ростетъ теперь Бѣлоцарскъ.

— И этотъ господинъ,—съ негодованіемъ продолжалъ Черневичъ, — составилъ планъ города и роздалъ и распродалъ всѣ участки въ немъ и не счелъ нужнымъ быть даже вѣжливымъ со мной: хоть бы потрудился предложить мнѣ одинъ участокъ въ будущемъ городѣ!

Въ хребтахъ Танну-Ола.

Пріискъ Н. Черневича.

Я удивился.

— Неужели онъ непредложилъ вамъ первому?

— Ни первому, ни последнему. Ѣхать самому и просить у него участокъ я считалъ недопустимымъ и не сдѣлалъ этого. И такъ и остался безъ участка. А когда этому господину посторонніе стали говорить, что положеніе создается неудобное, онъ во всеуслышаніе заявилъ, что землю эту онъ все равно приказалъ бы отмежевать и вообще нисколько не считается, и впредь не намѣренъ считаться, съ нашими „фиктивными" урянхайскими владѣніями!

Окончательно взбѣсило Черневича следующее. Верстахъ въ 9 отъ Бѣлоцарска находится его усадьба. И вотъ, въ одинъ прекрасный день во дворъ ея явился Габаевъ съ приставомъ и потребовалъ у приказчика экипажъ. Приказчикъ сказалъ, что свободныхъ экипажей нѣтъ, а что барскій экипажъ взять нельзя, т. к. баринъ велѣлъ его починить и этого экипажа вообще никому не даютъ. Габаевъ раскричался и приказалъ выкатить коляску безъ разговоровъ. Приказчикъ въ концѣ концовъ, въ виду угрозъ пристава арестовать его, отдалъ требуемое, при чемъ, въ огражденіе себя, взялъ съ нихъ росписку.

Лошадей перепрягли. Старый крестьянскій коробокъ оставили во дворѣ, пересѣли въ коляску и укатили съ шикомъ. Назадъ свою драгоцѣнность — въ Урянхаѣ это драгоцѣнность въ буквальномъ смыслѣ слова — Черневичъ получилъ только черезъ мѣсяцъ и въ перекалѣченномъ видѣ.

Весьма негодовалъ Черневичъ и на гражданскую жену Габаева, все время язвительно величая ее—мадамъ Жезлова. Почему то онъ считалъ ее виновницей всего творящагося и

напрасно я увѣрялъ его, что она наоборотъ является умиротворяющимъ элементомъ, какъ человѣкъ болѣе спокойный и уравновѣшенный.

При упоминаніи ея имени, по бритому лицу Черневича начинали гулять судороги.

— Жили мы здѣсь, какъ у Христа за пазухой,—говорилъ Черневичъ: —не было ни начальства, ни урядниковъ, а какъ завелось и то и другое — пошло чортъ знаетъ что! Многіе русскіе люди уходятъ теперь отсюда далѣе, въ Монголію, гдѣ нѣтъ сей прелести и гдѣ, несмотря на всю дикость, есть все же право и справедливость и нѣтъ такого произвола!

Слушалъ я почтеннѣйшаго Николая Михайловича, метавшаго молніи изъ подъ сѣдыхъ бровей, и вспоминалъ недавнія времена, Хайдуба, когда всѣхъ „благоденствующихъ" господъ чуть не пинками собрались провожать изъ края и когда появленіе всякаго русскаго мундира привѣтствовалось ими съ глубокою радостію; вспомнилась и монгольская справедливость, во много разъ уступающая самой плохой урядничьей.

Передъ вечеромъ мы вышли немного поразмяться, но моросилъ дождь; тайга, обступавшая кругомъ домикъ и наполнявшая ущелье, глядѣла непривѣтливо. Ровно и неустанно шумѣла золотоносная рѣчка.

Около дома стояла большая и весьма неудобная палатка зоологовъ, набитая ящиками со всякаго рода препаратами, сѣдлами и т. п, Правѣе ея горѣлъ костеръ; на деревянномъ шестѣ надъ нимъ въ видѣ грязныхъ кровавыхъ лохмотьевъ висѣло и коптилось мясо дикихъ козъ, заготовлявшееся впрокъ для дальнѣйшаго пути. Тутъ же ютились низенькія, похожія на норы, палатки сопровождавшихъ экспедицію охотниковъ изъ мѣстныхъ русскихъ.

Къ чаю вся публика, разбредшаяся послѣ обѣда по своимъ дѣламъ, собралась за тѣмъ же столомъ. Начался оживленный говоръ и шутки; часовъ въ одиннадцать я почувствовалъ, что сонъ для меня дѣлается дороже остроумія всѣхъ урянхайцевъ, но соображеніе о томъ, что людямъ, только что продѣлавшимъ такую дорогу, слѣдуетъ дать отдохнуть, никому, кромѣ насъ съ женой, въ голову не приходило.

Въ часъ ночи поднялась наконецъ Эмилія Петровна и, пожелавъ намъ добраго сна, увела жену за перегородку. Англичане вмѣстѣ съ сыномъ Эмиліи Петровны — Сережей, отправились на чердакъ; мы стали располагаться въ столовой.

Столъ и скамьи отодвинули къ стѣнѣ и принялись устраиваться на полу кто на чемъ Богъ послалъ. Къ счастію у насъ съ женой были бурки; она разостлала свою на доскахъ постели, а я на голомъ полу у перегородки. Вмѣсто подушки Черневичъ далъ мнѣ одну изъ своихъ куртокъ; я свернулъ ее и покрылъ чистымъ полотенцемъ.

Дамы завѣсили дверное отверстіе ковромъ и такимъ образомъ обособились; тишина у нихъ наступила быстро. Но неугомонный Черневичъ болталъ часовъ до двухъ; я слушалъ его сквозь сонъ и, едва ворочая языкомъ, иногда мычалъ безсвязныя реплики.

Замолкъ, наконецъ, и онъ. За окномъ глухо шумѣла тайга; въ окно стучалъ дождь. Комнатку слабо освѣщалъ раскаленный до красна бокъ топившейся желѣзной печки. Я лежалъ на одной половинѣ бурки, прикрывшись другой. Было тепло, ровно... ничто не колыхалось и не кувыркалось подо мной! Блаженнѣйшій сонъ охватилъ меня.

ГЛАВА IX.

— Эмилія Петровна, вы спите? — услыхалъ я нѣсколько осипшій послѣ сна голосъ хозяина и открылъ глаза. Было уже свѣтло; часы показывали половину пятаго.

— Эмилія Петровна, вы спите? — громче повторилъ Черневичъ.

Отвѣтомъ было молчаніе.

Только на пятый зовъ Эмилія Петровна откликнулась.

— Сплю! — сердито отозвалась она. — Чтобы вамъ пусто было!

Эти слова ея разомъ оживили всю нашу комнату; неподвижно лежавшіе зоологи, словно въ припадкѣ родимчика, задрыгали вдругъ ногами и принялись хохотать; Черневичъ въ полномъ восторгѣ началъ закуривать папиросу.

— Это мы всегда такъ будимъ Эмилію Петровну! — обратился онъ въ мою сторону: — ужасно любитъ она спать!

— Дадите вы выспаться — полусердясь возразила она. — Это еще по случаю вашего пріѣзда Николай Михайловичь такъ деликатенъ, что далъ поспать почти до пяти часовъ, а то черти ихъ всѣхъ подымаютъ въ четыре!

Радостное зоологическое ржаніе привѣтствовало рѣчь Колбасьевой.

Всѣ стали подыматься, натягивать сапоги и убирать свои постели; топотали мы какъ добрый табунъ и дамамъ, конечно, пришлось послѣдовать нашему примѣру.

Мыться надо было отправляться на улицу: хУрянхайскаго магната, захватившаго только въ уребтахъ Танну-Ола триста двадцать квадратныхъ верстъ золотоносной земли, умывальникъ замѣнялся мѣднымъ стержневымъ рукомойникомъ, висѣвшимъ снаружи, на стѣнкѣ сѣнецъ.

Черневичъ, еще полураздѣтый, вышелъ на крыльцо и принялся взывать: „Мавра, Мавра!"

Изъ домика, стоявшаго ниже подъ горой, выскочила растрепанная босоногая дѣвка и вскачь понеслась къ намъ.

— А самоваръ гдѣ же? — крикнулъ Черневичъ.

Мавра остановилась, взмахнула руками и бѣгомъ пустилась обратно.

— Стойте, стойте! — завопилъ Черневичъ: къ дамамъ сперва пройдите!

Мавра помчалась къ нимъ, при чемъ навалилась всѣмъ тѣломъ на коверъ и онъ, разумѣется, къ ужасу одѣвавшихся дамъ, сползъ ей на голову, а затѣмъ и на полъ. Поднялся визгъ; Мавра бросилась было впередъ, потомъ назадъ и стала въ дверяхъ въ видѣ распятія; дамы черезъ нее опять накинули конецъ ковра на перекладину.

Мавра, все время понукаемая Черневичемъ, принялась убирать комнату.

Ничего подобнаго такой потѣхѣ я еще не видывалъ!

Черневичъ стоялъ у порога, разставивъ въ видѣ циркуля длинныя, донъ-кихотовскія ноги, злился и командовалъ. Стоило Маврѣ схватиться за половую щетку, онъ требовалъ, чтобы она разставила сперва по мѣстамъ столъ и скамьи; бросалась она къ столу — онъ заявлялъ: „а въ углу пыль осталась, не видите?" Начинала она выметать уголъ, онъ находилъ, что слѣдовало сначала принести самоваръ и т. д. Мавра металась какъ ошалѣлая.

Наконецъ пытка Мавры была окончена; на столѣ появился кипящій самоваръ, горячія шаньги и закуски; вся компанія расположилась вокругъ нихъ и принялась дѣйствовать не хуже бенгальскихъ тигровъ.

За чаемъ Черневичъ нѣсколько разъ придирался къ Эмиліи Петровнѣ, ставя ей въ упрекъ какіе то недочеты по хозяйству. Картинка получалась изъ загадочныхъ и Эмилія Петровна — весьма остроумная и находчивая, оборвала хозяина довольно рѣзко. Черневичъ опомнился, сталъ извиняться и переводить все на шутку.

Шуткой же затѣмъ онъ цѣлый день самымъ несноснымъ образомъ цѣплялся къ каждому слову и каждому шагу Сережи, мальчика лѣтъ 15.

Ну и характерецъ! Если бы такой да старой бабѣ, занесли бы ее черти въ свои святцы въ качествѣ вѣдьмы на первую же вакансію!

День опять выдался гнусный. До полудня мы слонялись по крохотной комнаткѣ, не зная, какъ убить время. За чѣмъ подняла насъ ни свѣтъ ни заря эта безпокойная душа, такъ и осталось ея тайной!

Съ нами Черневичъ все время былъ изысканно любезенъ.

Между приставаньями къ Маврѣ, Эмиліи Петровнѣ и ея сыну, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, знакомъ ли я съ чиновникомъ Терентьевымъ.

Я отвѣтилъ отрицательно.

Зналъ я о немъ только слѣдующее. Будучи въ Усинскомъ, Габаевъ при мнѣ накинулъ на себя свою бурку; я поразился ея необыкновеннымъ видомъ: она доходила ему лишь до колѣнъ, и вся была прострѣляна пулями.

— Что это за достопримѣчательность? — спросилъ я.— Въ бою она у васъ была, что-ли?

Габаевъ усмѣхнулся въ усы и мотнулъ черною головою.

— Нэтъ, — отвѣтилъ. — Когда пріѣзжалъ сюда, Терентьевъ я одолжилъ ее ему — холодно было, онъ и увезъ ее въ Урянхай. Тамъ охотился. стрѣлялъ, стрѣлялъ, тысячу зарядовъ

выпустилъ—одного козла убилъ. Пыжей не хватило, такъ дырки пробивалъ, пыжи изъ бурки дѣлалъ. Она до полу была — длинная; обрѣзалъ ее снизу. И ничего не сказалъ. Привезъ назадъ, отдалъ мнѣ. Потомъ какъ уѣхалъ, надѣваю я бурку—смотрю чудеса! была длинная, стала короткая; на груди дырки, на спинѣ дырки, вездѣ дырки. Патроны свои ею забивалъ... такой сукинъ сынъ!..

Все это говорилось съ необыкновеннымъ добродушіемъ и, несмотря на безобразіе поступка, я не могъ не смѣяться—такъ былъ комиченъ Габаевъ.

Про Т. онъ поразсказалъ и еще кое что.

Въ бытность Габаева въ Петроградѣ къ нему обратилось высшее начальство и заявило, что оно обѣщало матери или теткѣ Терентьева отправить молодого человѣка провѣтриться и поохотиться въ Урянхай и потому просило Габаева не отказать тому во всяческомъ содѣйствіи.

Т. получилъ командировку и прогоны для обозрѣнія Урянхая. Конечно „обозрѣнія" никакого не было: Габаевъ далъ Т. спутниковъ и направилъ его въ мѣста, гдѣ можно съ ружьемъ отвести душу какъ слѣдуетъ; тотъ уѣхалъ въ буркѣ Габаева и обѣщалъ присылать возы дичи, но дичь оказалась умнѣй, чѣмъ о ней думали. Петроградскій Немвродъ разстрѣлялъ всѣ свои запасы патроновъ и убилъ всего одного козла, котораго, по выраженію Габаева, „за рога для него дэржали".

Велъ себя Т. настоящимъ петербургскимъ хлыщомъ.

По словамъ Черневича онъ розыгрывалъ изъ себя ревизора, распекалъ крестьянъ и... не платилъ имъ за свои разъѣзды денегъ.

Негодовалъ на него и Габаевъ; послѣдній предупредилъ старшихъ выборныхъ тѣхъ мѣстъ, куда направлялся гость что къ нимъ пріѣдетъ чиновникъ и чтобы они оказывали ему всяческое содѣйствіе.

Узнавъ объ этомъ, многіе крестьяне, какъ водится, стали являться къ Т. съ разными жалобами. Тотъ принималъ ихъ и важно заявлялъ: хорошо, я это „прикажу“ разобрать Габаеву, или—„подождите, вотъ пріѣдетъ Габаевъ,—я ужъ приказалъ ему явиться туда-то, я взгрѣю его!“

Роль вельможи такъ пришлась по вкусу Немвроду, что въ иныхъ мѣстахъ онъ сталъ даже отдавать разныя распоряженія чисто служебнаго характера.

Габаевъ, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ ему внушеніе и тотъ извинялся и оправдывался.

И Черневичевскіе и Габаевскіе разсказы о Т. были мною впослѣдствіи провѣрены неоднократно. Къ сожалѣнію оба оказались правыми....

Мѣсторожденія золота у Черневича богатыя: англичане-эксперты при мнѣ говорили, что они работали въ южной Африкѣ и въ Австраліи, но такого огромнаго процентнаго содержанія золота, какъ въ Урянхаѣ, еще не встрѣчали.

Послѣ полудня небо начало голубѣть и мы отправились смотрѣть на буренье и промывку золота. Послѣднее происходило въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ на рѣчкѣ; человѣкъ пять рабочихъ рыли по старому руслу ямы и выбрасывали гравій и песокъ въ тачки; другая партія по узенькимъ, зачастую висячимъ мосткамъ изъ гнущихся досокъ отвозила ихъ къ деревянному желобу, по которому бѣжала вода; дно его покрывала толстая желѣзная

рѣшетка. Содержимое тачекъ вываливалось въ желобъ и нѣсколько человѣкъ разгребали привезенное особыми лопатами; вода уносила песокъ и землю, камень спускался внизъ по желобу и тамъ его выкидывали прочь; золото осаживалось на дно и попадало подъ рѣшетку.

Послѣднюю снимаютъ разъ, или много два, въ день; деревянное дно подъ нею оказывается усѣяннымъ тусклыми кусочками золота.

Самородковъ обнаруживается при этомъ множество. Самый крупный изъ добытыхъ при насъ вѣсилъ одинъ фунтъ двѣнадцать золотниковъ.

Отъ артелей рабочихъ золото принимается по вечерамъ и владѣлецъ пріиска платитъ имъ по три рубля двадцать копѣекъ за золотникъ, самъ же его сдаетъ потомъ въ Минусинскіе банки по четыре рубля семьдесятъ копѣекъ.

Если добавить при этомъ, что все необходимое для рабочихъ поневолѣ пріобрѣтается ими у того же хозяина пріиска, то заработокъ послѣдняго выразится въ весьма кругленькой суммѣ.

Буренье никакого интереса не представляло. Любопытно было лишь то, что англичане, ни звука не знавшіе по русски, тѣмъ не менѣе отлично управлялись съ русскими рабочими, столько же знавшими по англійски. Когда англичанинъ говорилъ что-либо, всѣ они напряженно слушали и затѣмъ ухватывались тянуть какую либо „снасть“. Англичанинъ моталъ головой и подымалъ вверхъ руку; всѣ останавливались; кто нибудь изъ рабочихъ осѣнялся вдохновеніемъ и кричалъ — „вотъ что, братцы, нужно!“ и начиналъ дѣло по своему. Англичанинъ довольно усмѣхался, кивалъ головой и ра-

бочіе дружно, съ хохотомъ и прибаутками „наваливались“ на буръ.

Когда дѣло застопоривалось окончательно, англичанинъ скидывалъ пиджакъ, засучивалъ рукава и принимался орудовать лично.

Возвращаясь съ прогулки, мы замѣтили странную группу конныхъ людей человѣкъ въ двѣнадцать; она выѣхала изъ тайги и остановилась у кухни. Все это былъ рослый, бородатый народъ съ суровыми лицами; на шеѣ у каждаго были надѣты вѣтвистые, мохнатые рога мараловъ и, казалось, рога эти росли на плечахъ у нихъ. За спинами торчали винтовки. Въ торокахъ за сѣдлами находились шкуры; на запасныхъ коняхъ были навьючены разсѣченныя туши оленей и дикихъ козъ.

Картинка была живописная. Словно ожило далекое прошлое — времена, когда люди жили охотою. Лѣсистые зубцы горъ, заполнявшіе весь видимый міръ и глухая тайга кругомъ довершали впечатлѣніе.

Мы купили у пріѣзжихъ нѣсколько паръ козьихъ роговъ и разспросили, откуда они и гдѣ охотились.

Всѣ они оказались Тюргенцами, ѣздили же больше чѣмъ за сто верстъ въ самыя дебри Танну-Ола и провели въ тайгѣ цѣлый мѣсяцъ. Богатые результаты охоты были на лицо: нѣкоторые везли даже по нѣсколько паръ драгоцѣнныхъ маральихъ роговъ.

Охота въ тайгѣ не простое дѣло. Помимо огромной выносливости и хладнокровія, она требуетъ почти собачьяго чутья и инстинкта, уже совершенно утраченныхъ горожанами. Въ тайгѣ существуютъ вещи пострашнѣе медвѣдя, отъ котораго можно уйти, или оборониться, — именно самострѣлы, настороженные въ укромныхъ уголкахъ сойотами. Сила удара этого

оружія такова, что стрѣлы нерѣдко насквозь пробиваютъ марала, не уступающаго толщиной лошади. Самострѣлы замаскировываются такъ, что ихъ совершенно не видно.

Тюргенцы пробыли недолго; они торопились за свѣтло добраться до намѣченнаго ими мѣста ночлега.

Только что скрылись они за поворотомъ ущелья — вернулся охотникъ изъ состава зоологической экспедиціи съ вѣстью, что верстахъ въ трехъ отъ пріиска онъ убилъ медвѣдя.

Зоологи всхлопотались, но ѣхать въ горы было уже поздно и снимку шкуры со звѣря пришлось отложить до утра.

Вечеръ опять провели въ разговорахъ. Спать улеглись прежнимъ порядкомъ и, по прежнему, въ два часа.

Я заснулъ мгновенно.

. . . .

— Эмилія Петровна, вы спите? — какъ мнѣ показалось, всего черезъ нѣсколько минутъ, раздался голосъ Черневича.

— Эмилія Петровна,—вы спите?

— Провалитесь вы! Что вамъ надо? — недовольно отозвался женскій голосъ. Начавшійся на полу зоологичекій родимчикъ заставилъ меня открыть глаза.

Было уже пять часовъ.

Началось всеобщее вставаніе. Если бы не такъ дьявольски хотѣлось спать — я былъ бы въ восторгѣ: такъ неподражаемъ былъ Черневичъ въ роли рыжаго, все время мѣшавшій злополучной Маврѣ что либо дѣлать.

Особенно высоко комичные моменты были благодаря его манерѣ говорить „вы“ всѣмъ рабочимъ и низшимъ служащимъ.

— Милая моя, но вы идіотка! — ужасался Черневичъ, видя, что затырканная Мавра начинаетъ все валить изъ рукъ.

„Идіотка“ весьма скоро накрыла на столъ и мы закусили самымъ основательнымъ образомъ свѣжими форелями, только что наловленными придворнымъ ловчимъ Черневича — охотникомъ Филиппомъ Огневымъ.

Черневичъ велѣлъ позвать его и въ комнату вступилъ плотный, статный мужикъ съ чуть рыжеватой бородкой — настоящій ловчій крѣпостныхъ временъ; густые, русые волосы его серебрились только на вискахъ; на широкомъ лицѣ лежала печать смѣтливости и добродушія. Одѣтъ онъ былъ въ чекмень, перетянутый ремнемъ съ наборомъ подъ серебро. На видъ ему было не болѣе сорока-сорока пяти лѣтъ, въ дѣйствительности же оказалось шестьдесятъ четыре. У него не только были цѣлы и бѣлы какъ кипень всѣ зубы, но и по силѣ онъ могъ смѣло поспорить съ медвѣдемъ. Проскакать ли верхомъ восемьдесятъ верстъ, лазить ли цѣлый день по отвѣснымъ кручамъ горъ съ ружьемъ — все это было для него самымъ заурядным дѣломъ.

Черневичъ налилъ ему чайный стаканъ спирта въ девяносто шесть градусовъ и я, думая, что онъ ошибся бутылкой, придержалъ его за руку.

— Это не водка! — замѣтилъ я.

Черневичъ взглянулъ на меня и засмѣялся.

— Знаю,—отвѣтилъ онъ:—здѣсь водки не пьютъ. Правда, Филиппъ?

— Что съ водки толку!—отозвался охотникъ, насмѣшливо скосивъ желто голубые глаза:—спиртъ, батюшка, каждую жилку пошевелитъ въ тебѣ! Будьте здоровы!

И онъ поднесъ стаканъ ко рту и выпилъ его единымъ духомъ такъ, какъ мы пьемъ въ жаркій день воду.

Затѣмъ вытеръ верхней стороной руки огромный ротъ и крякнулъ.

— Благодаримъ покорно . . .—добавилъ съ поклономъ и, поставилъ стаканъ на столъ. Отъ закуски онъ отказался.

— Скоро его разберетъ теперь?—сказалъ я, когда дверь за Огневымъ закрылась.

— Отъ одного стакана?—удивился Черневичъ. — Полноте: по двѣ бутылки спирта въ него вкачивали и то на ногахъ, какъ каменный стоитъ! Здѣсь всѣ такъ: если ужъ пьетъ, такъ голый спиртъ и какъ воду!

Между прочимъ Черневичъ разсказалъ мнѣ про одно наказаніе, примѣняющееся рабочими по отношенію другъ къ другу. Въ Сибири вообще ругательства не употребительны и вотъ, если въ среду рабочихъ попадаетъ пришлый человѣкъ, слишкомъ привыкшій къ „словестности", то послѣ двухъ-трехъ замѣчаній, артель его обуздываетъ-наказываетъ ложками.

Насколько мнѣ потомъ приходилось слышать отъ рабочихъ, наказаніе это ужаснѣе всякихъ плетей и розогъ. Человѣку даютъ пять-шесть ударовъ обыкновенной деревянной ложкой; бьютъ не съ розмаху, а, со стороны глядя, какъ бы легко щелкаютъ ею по рукѣ. Боль получается такая, что больше шести ударовъ не выносятъ самые дюжіе люди и ревутъ какъ быки подъ ножемъ. Одна такая выучка — и баста: привычку къ „словестности" снимаетъ какъ рукою!

Подкрѣпившись и напившись чаю, мы распростились съ гостепріимнымъ хозяиномъ и его гостями и вышли на дворъ, гдѣ насъ уже

ждалъ Өеоктистъ, держа въ поводу осѣдланныхъ коней.

Обмѣнялись мы еще разъ всякими добрыми пожеланіями съ остававшимися, помахали другъ другу фуражками и домикъ Черневича скрылся за поворотомъ горы.

ГЛАВА X.

Чтобъ не возвращаться прежней дорогой, мы направились нѣсколько кружнымъ, но по словамъ Черневича, болѣе удобнымъ путемъ черезъ ущелье рѣки Ургайлыка, или, какъ зовутъ его мѣстные крестьяне—Арголика.

Перебравшись черезъ пару невысокихъ, топкихъ переваловъ, мы спустились къ Арголику. Извилистая, узкая щель отъ пяти до десяти сажень шириною, отвѣсно просѣченная отъ самаго неба въ разноцвѣтныхъ скалахъ — вотъ что такое долина Арголика. Немолчный грохотъ воды наполняетъ воздухъ; рѣка несется стремглавъ по камнямъ и достаточно самаго невысокаго подъема воды, чтобъ ущелье сдѣлалось непроѣзднымъ.

Путь ведетъ то русломъ рѣки, то по уступамъ скалъ надъ нею; поминутно приходилось взбираться на поросшія тайгою кручи и сейчасъ же спускаться съ нихъ; многіе спуски такъ отвѣсны, что надо было совершенно ложиться на спину коня; зачастую лошадь, опасаясь перевернуться черезъ голову — прыгала внизъ и что при этомъ испытывалъ всадникъ, въ спину котораго упиралась задняя лука — предоставляю догадаться читателю. Насколько

были часты такіе подъемы и спуски, видно изъ того, что Арголикъ мы вынуждены были переѣзжать въ бродъ сто тридцать разъ.

Жена ѣхала молодцомъ, не слѣзая съ сѣдла даже въ опаснѣйшихъ мѣстахъ. Я раза три спрыгивалъ съ коня и предпочиталъ кувыркаться съ отвѣсныхъ стѣнъ порознь съ нимъ.

Двадцать пять верстъ мы ѣхали ровно семь часовъ, при чемъ на отдыхъ употребили всего четверть часа.

Въ ущельѣ было жарко и душно; все казалось, что остается только одинъ поворотъ и за нимъ развернется просторъ степей, но за выступомъ горы вставалъ другой, третій, сотый и — конца имъ не видѣлось.

Красота — куда ни оглянись — была неописуемая! И что за изумительное зрѣлище должно тамъ быть во время грозы и половодья!

Боржомское ущелье, славящееся на Кавказѣ своей красотой — слабая копія Арголика. И, вѣрю, наступитъ время, когда туристы будутъ посѣщать хребты Танну-Ола и Саяны такъ же усердно, какъ посѣщаютъ модные нынѣ Крымъ и Кавказъ...

Наконецъ ущелье расширилось, зазеленѣлъ лугъ, покрытый травой по брюхо конямъ. Еще полчаса и горы остались за нами.

Сѣть канавъ, словно паутина, пересѣкла рѣчку и загроможденное камнями русло ея вдругъ высохо: вся вода Арголика отведена на луга и поля.

Въ поселкѣ ждалъ меня всклокоченный, черный какъ сажа, старшій выборный изъ инородцевъ. Онъ смотрѣлъ на меня упорнымъ, немигающимъ взглядомъ и на всѣ вопросы мои относительно находокъ древностей хрипло каркалъ: „нѣтъ“ и „не знаю“.

Өеоктистъ и бородатый приказчикъ оказались куда смышленѣе его и, пока мы съ женой пили чай, они собрали къ намъ нѣкоторыхъ крестьянъ, на пашняхъ которыхъ случались находки. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ относились къ мѣдному вѣку; дружное показанiе крестьянъ установило и существованiе на ихъ земляхъ древнихъ оросительныхъ канавъ.

Было уже далеко за полдень и мы, уложивъ вещи въ коробокъ, усѣлись въ него и покатили.

Большое наслажденiе мчаться по ровной какъ столъ степи; горы уже не давятъ; чувствуешь себя легко и привольно!

Еще не садилось солнце, когда мы въѣхали на широкую улицу деревни Тюргень, недавно переименованной въ Сосновку. Приставъ и Габаевъ отзывались о ней, какъ о разбойничьей.

По серединѣ улицы, въ глубокихъ берегахъ неслась рѣчка, оказавшаяся прочищеннымъ древнимъ „мочагомъ". Тюргень протекаетъ нѣсколько въ сторонѣ отъ него.

Всѣ избы деревни стояли подъ крышами; на всемъ лежала печать солидности и довольства. Далеко раскиданные другъ отъ друга дома были обнесены плетнями, вездѣ виднѣлись обширные огороды. Сразу примѣрно было, что люди пришли сюда не на день, какъ въ другихъ мѣстахъ, а осѣли прочно, по хозяйственному.

Какiя то колеса съ лопастями, вращавшiяся теченiемъ мочага, привлекли наше вниманiе; ямщикъ разъяснилъ намъ, что это маслобойки. Бочка съ молокомъ, надѣтая на ось, вертится водой при помощи колеса съ лопастями и такимъ путемъ само собой, безъ всякихъ затратъ времени и труда, Тюргенцы сбиваютъ огромныя количества масла.

Могила со стояками.

Сойотъ на быкѣ.

Проводникъ Жужел.

Какъ ни проста эта выдумка, но видѣть ее мнѣ довелось еще впервые.

Остановиться мы рѣшили у Коваленкова, бездѣтнаго мужика, рекомендованнаго намъ еще въ Никольскомъ.

Ямщикъ свернулъ въ закоулокъ и, въѣхавъ во дворъ, остановился у крыльца большой и чистой избы.

Къ удивленію моему тамъ уже хлопоталъ урядникъ и старшій выборный, тоже рѣшившіе устроить мнѣ „квартиру" у Коваленковыхъ.

Урядникъ былъ вполнѣ трезвъ; откозырявъ мнѣ и гаркнувъ „здравія желаю", онъ бросился высаживать насъ, затѣмъ принялся вмѣстѣ съ Жужеломъ и старшимъ развязыватъ вещи и таскать ихъ въ избу.

А съ крыльца, поджавъ руки, глядѣла на насъ высокая баба лѣтъ тридцати со строгимъ лицомъ и глубокою морщиной, залегшей между бровями.

Я поздоровался съ ней, спросилъ, принимаетъ ли она къ себѣ гостей и она освѣтилась улыбкой и посторонилась, приглашая войти.

Изба, устланная половиками, была веселая и чистая; мы сѣли съ женой за столъ и хозяйка принялась хлопотать на счетъ ѣды.

Урядника и старшо̀го я отпустилъ, при чемъ первому сказалъ, что онъ вообще мнѣ совсѣмъ не нуженъ и чтобы поэтому онъ не безпокоился сопровождать меня дальше; старшо̀го же пригласилъ зайти вечеркомъ и собрать, сколько будетъ можно, народа.

Они ушли, а на смѣну имъ въ избу начали набираться дѣти, подростки и дѣвки; скоро она наполнилась ими почти до стола, за которымъ сидѣли мы. Позади слышалось легкое шушуканье; передніе стояли тихо-смирно и во всѣ глаза глядѣли на насъ. У всѣхъ на груди,

сквозь прорѣхи воротовъ, виднѣлись большіе мѣдные осьмиконечные кресты: населеніе Тюргеня сплошь старовѣрческое.

Марина Осиповна—такъ звали хозяйку—угостила насъ на славу. Нашлась у нея и рыба и оленина и горячіе, жирные блинчики. Въ заключеніе подала чай и молоко. Сами они чая не пьютъ, а для гостей его держатъ. Вмѣсто чая старовѣры употребляютъ баданъ, настой изъ особой, широколистой травы.

Къ вечеру стали подходить и мужики, сплошь почти рослый, бородатый народъ, суроваго, дѣловитаго вида. Всѣ они молились на мѣдные кресты, стоявшіе въ углу, вмѣсто образовъ, затѣмъ кланялись намъ и садились.

Всѣхъ интересовали вопросы о землѣ.

Вездѣ, гдѣ ни приходилось бывать мнѣ въ Урянхаѣ, тема эта затрагивалась крестьянами въ первую очередь.

Благодаря поведенію русскихъ мѣстныхъ властей, положеніе создалось невозможное. Сойоты, только что отдѣлившіеся отъ Китая, до сихъ поръ далеко не увѣрены въ томъ, что земля Урянхая ихъ земля, а не китайская и не монгольская; послѣднихъ они боятся и очень чутко прислушиваются ко всему, доносящемуся изъ предѣловъ Монголіи. Боятся они и русскихъ.

Эта неувѣренность урянхайцевъ — величайшій козырь въ игрѣ, упущенъ усинскою администраціей. Она не оцѣнила положенія дѣлъ и въ концѣ концовъ превратилась въ защитницу интересовъ кучки купцовъ и нойоновъ, а не Россіи и русскаго крестьянства.

Разумѣется, сойоты сейчасъ же подняли головы и, подстрекаемые купцами, стали издѣваться надъ переселенцами.

Разгорѣлось повальное воровство: въ одномъ только Тюргенѣ за годъ было уведено четыреста головъ коней и рогатаго скота. Помимо воровства начались „обиды" земельныя: вытаптыванье засѣянныхъ полей, запрещенія селиться новымъ пришельцамъ, косить сѣно и распахивать новые участки совершенно свободныхъ земель у поселковъ и т.д. Защиты отъ завѣдывающаго пограничными дѣлами не было никакой.

— Зачѣмъ туда залѣзли?—отвѣчалъ Цереринъ на жалобы крестьянъ:—земля чужая—раздѣлывайтесь теперь сами!

Нѣсколько облегчили положеніе крестьянъ заведенные Габаевымъ приставъ и урядники, твердо проводившіе линію, что — земля наша, русская, и никакихъ обидъ русскому человѣку сойоты чинить не должны. Но приставъ и его урядники — это всего шесть человѣкъ на край въ 142.000 квадратныхъ верстъ.

Одинъ пожилой, рыжій мужикъ пришелъ ко мнѣ и, разсказывая о своихъ дѣлахъ, плакалъ, какъ маленькій: явился онъ на Тюргень съ десятью конями, а остался пѣшій: все украли; не на чемъ ни пахать, ни ѣздить.

Смущали крестьянъ кромѣ того пущенные кѣмъ то слухи, что вольныхъ земель у нихъ больше не будетъ и имъ нарѣжутъ ее, какъ и въ Сибири, по пятнадцати десятинъ на душу.

— Тогда здѣсь жить нельзя! — волновались крестьяне:—уходить стало быть будетъ надо!

— Куда уходить?—спрашивалъ я.

— А туда. . . дальше! — собесѣдники мои махали рукой на югъ, въ сторону Монголіи.

Раскопки кургановъ и осмотръ окрестностей задержали меня въ деревнѣ три дня и въ теченіи ихъ я побывалъ въ гостяхъ у многихъ крестьянъ и много переслушалъ разгово-

ровъ. Особенно возбужденно настроенными оказались бабы.

— Жить нельзя, надо бросать все и уходить! — твердили онѣ со всѣхъ сторонъ.

Дѣйствительно, жизнь ихъ трудная! На ночь коней выпускать Тюргенцы перестали; подъ окнами избъ они подѣлали прочныя, небольшія загороди, гдѣ на ночь и привязываютъ коней у колодъ съ кормомъ. Кормъ этотъ нужно накосить, привезти; нужно встать нѣсколько разъ ночью и провѣдать животныхъ, выскакивать на каждый лай привязанныхъ на цѣпи собакъ. И все-таки воровство случается, хотя, конечно, стало порѣже.

Защита у тюргенцевъ одна — винтовки. И побывавъ у нихъ, не сомнѣваюсь, что немало сойотскихъ бритыхъ головъ прострѣлено мѣткими пулями этихъ исконныхъ таежниковъ!

Въ избѣ было жарко и на ночь посрединѣ двора, на высокомъ обрывѣ надъ вѣчно шумящемъ Тюргенемъ, хозяинъ избы, Гаврила Васильевичъ, разбилъ намъ палатку. Жужелъ разставилъ въ ней кровати и сладко спалось намъ послѣ цѣлаго дня пути!

Утромъ я всталъ на зорькѣ и выкупался въ рѣкѣ. Вода въ ней до того холодна, что прежде чѣмъ войти по поясъ и окунуться, я разъ пять долженъ былъ выбѣгать назадъ, чтобы хоть сколько нибудь отогрѣть коченѣвшія ноги. Какое это наслажденіе—ледяная кристальная вода, стремглавъ обтекающая все тѣло! Быстрина была такова, что окунаясь съ головой, я каждый разъ слеталъ съ ногъ и оказывался выброшеннымъ на отмель.

Вернувшись съ купанья, я засталъ во дворѣ старшóго и нѣсколькихъ крестьянъ, явившихся для указанія мнѣ кургановъ. Нѣкоторые принесли кое какіе бронзовые предметы, сви-

дѣтельствовавшіе о проживаніи въ тѣхъ краяхъ людей въ древнія времена.

Курганы тянулись цѣпью къ сѣверу отъ деревни, вдоль праваго берега рѣки. Это были невысокіе, земляные бугры съ легкими осѣдами на вершинахъ.

Верстахъ въ пяти на востокъ по словамъ крестьянъ находились тоже курганы, но „агромаднѣйющіе: — ровно бы цѣлая деревня тамъ стояла!"

„Агромаднѣйшая деревня" оказалась древними рудниками; длинная цѣпь, похожихъ на кратеры, выходовъ изъ шахтъ тянется отъ предгорій хребта Танну-Ола на востокъ почти на версту; самый западный и самый большой курганъ—остатки плавильной печи; кругомъ него лежатъ груды шлаковъ — остатковъ отъ выплавки мѣдной руды.

Множество позднѣйшихъ разнообразныхъ монгольскихъ могилъ присосѣдилось къ этимъ древнимъ памятникамъ.

Дикіе кочевники, несомнѣнно, не могли понять происхожденіе остатковъ глубокой старины и придавали этому мѣсту какое то важное, религіозное значеніе: около шахтъ находится множество молельныхъ круговъ изъ камней и значительная часть каменныхъ могилъ не содержала совершенно никакихъ остатковъ людей, а лишь одиночные предметы — жертвенныя чашки, удила и т. п.

Курганы около деревни дàли другіе результаты. Въ нихъ на большой глубинѣ (восемь аршинъ) находились сгнившіе срубы изъ лиственницы, внутри которыхъ лежали на боку, головами на востокъ, человѣческіе скелеты довольно крупныхъ размѣровъ, При костяхъ обнаружены были разные мѣдные предметы: на-

конечники стрѣлъ, ножи, топоры, кинжалы, небольшія кирки и т. п.

И что особенно важно — стрѣлы оказались точь въ точь тѣми же, что находятся въ такъ называемыхъ „скифскихъ" могилахъ въ Кіевской губерніи на югѣ Россіи.

Не мало такихъ же вещей нанесли мнѣ и крестьяне, находившіе ихъ на своихъ пашняхъ.

Къ сожалѣнію основательнаго изслѣдованія древнихъ рудниковъ выполнить я по разнымъ причинамъ не могъ. А непремѣнно слѣдуетъ очистить засыпавшіеся входы въ нихъ и осмотрѣть подземныя галлереи!

Вечеромъ на второй день хватилъ проливной дождь; палатка хозяина оказалась съ такой протекціей, что резиденцію нашу перенесли подъ навѣсъ между двумя сараями. Со стороны двора натянули большое веретье и получился родъ занавѣса. Дуло со всѣхъ сторонъ, было сыро и холодно, но спалось изумительно!

По возвращеніи съ работъ чуть не все мужское населеніе деревни собиралось въ избу Коваленковыхъ и у насъ шли долгія бесѣды; женщины заходили къ женѣ днемъ, дивились ея обстриженнымъ по мужски волосамъ, юбкѣ-шароварамъ и т. п.

Многіе изъ крестьянъ приносили шкуры дикихъ козъ, медвѣдей и мараловъ; роговъ у всѣхъ здѣшнихъ жителей — безъ числа. Мы пріобрѣли кое что для подарковъ въ Петроградѣ.

Жужеловская сивка стояла привязанной во дворѣ и давала потѣшавшія публику представленія: какъ только приносили и разстилали на дворѣ для показа медвѣжью шкуру, конь начиналъ храпѣть, коситься и собираться въ комокъ.

Звѣрья въ тѣхъ мѣстахъ изобиліе: подъ обрывомъ, противъ самой избы Коваленковыхъ, въ первый годъ пріѣзда ихъ на Тюргень, убили огромнаго медвѣдя, имѣвшаго тамъ берлогу.

Съ сожалѣніемъ разстались мы черезъ три дня съ тюргенцами — разбойничьимь гнѣздомъ, какъ рекомендовали мнѣ ихъ Усинскія власти.

Теперь, объѣхавъ Урянхай, опредѣленно могу сказать, что это „разбойничье гнѣздо" лучшій и дѣльнѣйшій поселокъ вь краѣ. Народъ въ немъ крѣпкій во всѣхъ смыслахъ: самостоятельный, рѣшительный, умный. Обидъ и утѣсненій долго сносить не будетъ, а расплатится за нихъ самъ, безъ урядниковъ, либо броситъ все и уйдетъ на новыя мѣста.

Приставъ, по словамъ тюргенцевъ, былъ недоволенъ ими за то, что они не позволили ему курить въ избѣ; къ водкѣ они относятся тоже съ большимъ неодобреніемъ и женѣ моей пришлось наслушаться много похвалъ по моему адресу за то, что я не пью водки и не курю, а, главное, за нашу съ ней „простоту".

Черезъ Тюргень, весьма незадолго до насъ, проѣзжалъ нѣкій графъ Беннингсенъ, совершавшій свадебную поѣздку съ женой въ эту часть Урянхайскаго края. Затѣя, конечно, оригинальная и доступная лишь весьма богатымъ людямъ! Молодыхъ сопровождалъ конвой изъ казаковъ и цѣлый штатъ поваровъ и прислуги.

Полномочій, насколько мнѣ извѣстно, графъ Беннингсенъ не имѣлъ никакихъ. Велъ же себя, по отзывамъ видѣвшихъ его, надменно и разыгрывалъ всемогущаго вельможу: принималъ жалобы, разносилъ, дѣлалъ выговоры старшимъ выборнымъ, грозилъ карами ослушникамъ и т. д.

Проводить насъ съ женой явилась вся деревня; всякій норовилъ пособить чѣмъ-нибудь,

подвязать ведра, вещи, получше устроить сидѣнье.

Марина настряпала намъ на дорогу всякой всячины и долго не соглашалась принять за свое гостепріимство деньги.

Везти насъ дальше взялся ея мужъ. За двадцать пять рублей онъ долженъ былъ доставить насъ черезъ степи къ Сальджакскому нойону, оттуда на Малый Енисей и въ деревню Знаменку.

Пожали мы съ женой широкія, тянувшіяся къ намъ со всѣхъ сторонъ, „разбойничьи" руки и, сопровождаемые добрыми пожеланіями, выѣхали на тройкѣ сѣрыхъ коньковъ за ворота.

Жужелъ трусилъ впереди.

Въ бродъ пересѣкли глубокій и быстрый мочагъ и покатили по гладкой дорогѣ подъ самымъ хребтомъ.

ГЛАВА XI.

Сосновка — послѣдній русскій поселокъ на югѣ Урянхая: дальше разстилаются невѣдомыя пустынныя степи и горы; встрѣчъ можно было ожидать только съ кочевниками.

По дорогѣ раза два намъ попадались всадники-сойоты. Каждый разъ они и Жужелъ, пробормотавъ установленныя привѣтствія, соскакивали съ коней, усаживались, держа ихъ въ поводу, на корточки, закуривали маленькія трубочки съ длинными чубуками и разспрашивали другъ друга о новостяхъ.

Такимъ порядкомъ вѣсти распространяются среди кочевниковъ съ быстротою телеграфа. Дѣлать сойотамъ нечего и, узнавъ что либо, выходящее изъ предѣловъ ихъ обыден-

ности, они летятъ во весь духъ къ юртамъ сосѣдей, сообщаютъ слышанное, или видѣнное, угощаются въ то же время кислымъ молокомъ, или вонючею аракой и новость катится дальше.

Часамъ къ девяти утра мы завидѣли впереди подъ лѣсистой стѣною хребта, вдоль которой ѣхали все время, синюю поверхность Рыбнаго озера. Высокій зеленый коверъ изъ травы смѣнилъ побурѣлые остатки растительности, покрывавшіе оставшуюся за нами часть степи. Отъ восточнаго края озера до западнаго верстъ пять. На серединѣ сѣвернаго берега на вершинѣ, круто обрывающейся надъ водою, возвышается довольно большая каменная гора съ аввою изъ хвороста.

Видъ открывался съ горы привольный: по ту сторону озера бѣлѣли юрты, паслись многочисленныя стада козъ и скота; не мало ихъ пестрѣло и впереди; за далью степи толпились угрюмыя горы.

Спустившись внизъ, мы съ женой вышли изъ тарантаса и направились къ озеру: манило выкупаться. Оно разстилалось спокойное и привѣтливое; берега его низки и усыпаны мелкою галькою. Цвѣтъ воды необычайный— сѣровато-сине-зеленый; когда я раздѣлся и вошелъ въ воду, мнѣ показалось, что я очутился въ морѣ; впечатлѣніе усиливалъ какой то особенный мохъ, цѣлыми площадями, то коричневыми, то зеленоватыми, словно заросли изъ коралловъ, покрывавшій дно, отчетливо видное даже на большой глубинѣ.

Освѣжившись, мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

— Дивно въ немъ рыбы! — замѣтилъ Гаврило Васильевичъ, кивнувъ головою на озеро. — Сойотня не ловитъ, не понимаетъ этого, такъ развелось ея въ немъ и-и сколь-

ко! Мы тутъ въ прошломъ году рыбачили: шесть часовъ всего удалось половить, а впятеромъ семнадцать хорошихъ возовъ взяли!

Сойоты, какъ ни странно, вообще не употребляютъ въ пищу рыбу, въ огромномъ количествѣ водящуюся въ рѣкахъ края. Несмотря на это во многихъ мѣстахъ ловить рыбу они запрещаютъ русскимъ; причиной запрета выставляютъ священное значеніе такихъ озеръ; къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Рыбное, куда крестьяне забираются на „рыбалки" только тайкомъ и не всегда удачно.

Шагомъ пробралась наша тройка черезъ густыя стада; среди козъ преобладалъ рыжій цвѣтъ.

Миновавъ улусъ, Гаврило Васильевичъ ударилъ по конямъ и мы понеслись по степному простору.

Тамъ только я увидѣлъ, что такое „шляхъ" (дорога), такъ часто встрѣчающійся въ нашихъ лѣтописяхъ: это десятки тропъ, пробитыхъ конями всадниковъ почти рядомъ другъ съ другомъ. Первое впечатлѣніе отъ такого шляха, что передъ тобою большая дорога и только вглядѣвшись, видишь, что колеи на ней залегли слишкомъ близко другъ къ другу. Слѣдовъ пѣшаго человѣка нѣтъ на ней совершенно: кочевники не знаютъ этого способа передвиженія.

Къ полудню мы свернули къ рѣчкѣ, выписывавшей петли къ югу отъ насъ; чтобы попасть къ водѣ, пришлось спуститься съ береговой кручи и тарантасъ нашъ, едва сдерживаемый пѣгимъ коренникомъ, врѣзался въ чащу кустовъ. Мы расположились подъ громадной лиственницей; Жужелъ принялся разводить костеръ, Гаврило Васильевичъ выпрягалъ и привязывалъ на выстойку коней.

Хорошо было лежать въ тѣни послѣ солнцепека; долженъ отмѣтить, что температура почти сплошь за все наше путешествіе превышала 40°. Ночи были холодныя и въ рѣдкую ночь мы не покрывались поверхъ одѣялъ бурками. По словамъ туземцевъ лѣто стояло засушливое, но не думаю, чтобы заурядная температура Урянхая была ниже названной: вопросъ можетъ быть лишь о большемъ или меньшемъ количествѣ дождей. Въ восемь часовъ утра солнце уже начинало жечь, а къ девяти степь и камни горъ раскалялись „подходяшше", какъ говорятъ сибиряки.

Только что мы собрались обѣдать, обнаружилась пропажа берестянаго кошеля, куда Марина наложила всякой провизіи для своего мужа, отправляя его въ далекій путь. Кошель былъ привязанъ позади тарантаса; отъ тряски веревочка лопнула и кошель остался гдѣ то среди степи.

Къ счастію наши запасы были достаточны и мы подѣлились ими съ нѣсколько обезкураженнымъ Гаврилой Васильевичемъ. Но бадана у насъ не было и пришлось ему, скрѣпя сердце, пить китайскую траву.

Давъ нѣсколько свалить жару, мы пустились дальше на юго-востокъ. Не успѣли мы отъѣхать и версты, изъ заросшей лѣсомъ низины вынырнулъ всадникъ въ красномъ кафтанѣ и китайской круглой шляпѣ; косы у него не было, что свидѣтельствовало о его духовномъ званіи.

Побесѣдовавъ съ Жужеломъ, онъ быстрою рысью догналъ насъ и сталъ кланяться и протягивать мнѣ руку.

Я обратился съ запросомъ къ Жужелу.

— Священникъ онъ, однако...—пояснилъ Жужелъ, трясясь на своемъ сѣдлѣ:—проситъ,

чтобъ дали ему что нибудь; законъ у нихъ такой, чтобъ у всѣхъ просить.

— Скажи ему, — отвѣтилъ я, — что у насъ такой же законъ есть: зря никому ничего не давать!

Жужелъ перевелъ и на сытой рожѣ ламы отразилось неудовольствіе. Онъ хлестнулъ своего бѣгуна нагайкой и исчезъ въ кустахъ.

Коса у сойотовъ имѣетъ существенное значеніе. Когда мы, шутя, обращались къ Жужелу съ уговорами отрѣзать свою косу, онъ застѣнчиво улыбался и отвѣчалъ, что никакъ нельзя; отсутствіе косы повело бы къ тому, что его избили бы въ тайгѣ первые встрѣчные сородичи и выгнали бы вонъ изъ нея: ламамъ охота воспрещена и конкуррентовъ охотники не любятъ.

Степь дѣлалась все пустыннѣе; съ невысокаго, пологаго перевала передъ нами открылась громадная безжизненная котловина, окаймленная такими же мертвыми, томящимися отъ безводья, возвышенностями; конныя тропы, какъ нити, пересѣкали ее въ разныхъ направленіяхъ. Небо на востокѣ загораживали красныя стѣны горъ, встающихъ гдѣ то надъ Малымъ Енисеемъ. На десятки верстъ кругомъ не было ни капли воды и не знаю откуда можно было бы спустить ее сюда для орошенія пустующихъ пространствъ земли.

Ночевать мы должны были у хуррэ, или, по произношенію крестьянъ, „курьи“ — у ламаитскаго монастыря. Но путь къ нему Гаврило Васильевичъ зналъ не твердо; не зналъ его и Жужелъ, впервые еще забредшій въ тѣ отдаленныя мѣста.

Къ счастію навстрѣчу намъ попался всадникъ и пояснилъ Жужелу, куда ѣхать.

Тройка свернула съ тропы и взяла къ сѣверу; Жужелъ зарысилъ впередъ, чтобы вы-

смотрѣть тропу. Ѣхали степью по пологому скату горы, но сколько ни оглядывались мы — намека на тропу не виднѣлось.

Впереди показался лѣсъ. Мы спустились въ оврагъ, поднялись на довольно высокій песчаный валъ; насъ обступили могучія, вѣковыя сосны Многія изъ нихъ лежали на землѣ и приходилось лавировать между ними и поминутно, точно на американскихъ горахъ, то съѣзжать въ овраги, длинными морщинами залегшими по всему лѣсу, то взбираться на валы. Выбирать отлогія мѣста нечего было и думать; тройка наша то рушилась внизъ вмѣстѣ съ нами, то изо всѣхъ силъ взносила насъ на кручу; жуткій холодокъ, знакомый тѣмъ, кто катался съ высокихъ ледяныхъ горъ, бѣжалъ при этомъ по сердцу.

Какъ мы не поломали колесъ и не зацѣпили ни разу за дерево — ума не приложу.

Солнце уже было близко къ закату, а тропъ все не встрѣчалась; словно застывшее море, вздымались непрерывной чередой песчаныя волны.

Отсутствіе воды и подножной травы для лошадей дѣлали ночлегъ невозможнымъ: надо было ѣхать впередъ во что бы то ни стало. Чтобы облегчить коней, мы съ женой вышли изъ коробка и слѣдовали за нимъ, подбирая вещи выскакивавшія отъ тряски изъ плетенки.

Слѣды дикихъ козъ попадались во множествѣ: видно рѣдко кто безпокоилъ тамъ мирныхъ обывателей бора.

— Есть, однако! — долетѣлъ до насъ радостный возгласъ Жужела, рыскавшаго гдѣ то впереди; голубой кафтанъ его показался между деревьями.

— Сюда, сюда!

Тропа была найдена. Къ общему удовольствію кончились и песчаныя гряды и мы покатили по довольно широкой дорогѣ; отъ настоящей она отличалась только тѣмъ, что нѣтъ-нѣтъ и ее перегораживали рухнувшія сосны и она изгибалась вокругъ нихъ и каждаго незначительнаго препятствія.

До хуррэ оставалось немного; переваливъ послѣдній подъемъ, мы увидали широкій оврагъ; въ полугорѣ противоположнаго берега его темнѣли какія-то сѣрыя, скученныя постройки китайскаго типа, производившія впечатлѣніе городка, пересѣченнаго узенькими улицами.

Боръ кончился; мы перебрались черезъ топкую низину и подъѣхали къ городку; всѣ зданія его — ветхія, покосившіяся и сплошь деревянныя, стояли рядами за высокими частоколами изъ цѣльныхъ, заостренныхъ бревенъ. Въ щели виднѣлись маленькіе, заросшіе травою, дворики и навѣсы надъ входами въ постройки; все было пусто и мрачно и носило печать смерти и тлѣнія.

— Э-эй! — крикнулъ я, насколько хватило мочи. — Кто здѣсь есть?

Никто не отзывался.

Объѣхали мы шагомъ одинъ кварталъ, другой и лишь на углу третьяго на встрѣчу намъ вышла кучка оборванцевъ непривѣтливаго вида. Бритыя головы ихъ, не покрытыя ничѣмъ, свидѣтельствовали о томъ, что передъ нами ламы.

Жужелъ соскочилъ съ сивки и, почтительно согнувшись, подошелъ къ нимъ съ протянутыми руками; тѣ небрежно прикоснулись пальцами къ его ладонямъ, пробормотали отвѣтныя привѣтствія и принялись разспрашивать, кто мы такіе.

Хибарки всѣ оказались запертыми; принадлежали онѣ „разнымъ людямъ“ изъ бога-

тыхъ сойотовъ и служили для прiѣзда ихъ во время моленiй. Открыта была только одна, большая, въ которой обитали ламы. Я вылѣзъ изъ экипажа и, не обращая вниманiя на косо глядѣвшихъ ламъ, отправился посмотрѣть — нельзя ли переночевать гдѣ нибудь.

Щелястый, вонючiй сарай, освѣщавшiйся лишь дверным ъ отверстiемъ, съ грязнѣйшимъ деревяннымъ поломъ, на которомъ раскинуты были еще грязнѣйшiе войлока — постели ламъ — вотъ что представилось глазамъ моимъ.

Грязной и рваной оказалась и юрта, стоявшая около зданiя.

Я вернулся къ своимъ.

— Гдѣ тутъ ночевать! — сочувственно отозвался Гаврило Васильевичъ: — что свиньи, то и они — одинаково живутъ. Тутъ, однако, ключикъ есть неподалеку, у него заночуемъ!

Мы выбрались изъ мертваго города и минутъ черезъ десять, переваливъ небольшой бугоръ изъ бѣлаго песка, очутились въ крохотной котловинѣ: по дну ея пробирался среди травы свѣтлый ручеекъ, вытекавшiй изъ песчанаго обрыва. Кругомъ тѣснились высокiя лиственницы. Мы остановились на небольшомъ уступѣ, круто обрывавшемся надъ ручьемъ и принялись распрягать коней, ставить палатку и разводить костеръ.

Отъ монастыря насъ закрывалъ гребень бугра и я думалъ, что г. г. ламы почтутъ насъ своимъ отсутствiемъ. Но не прошло и четверти часа — подъ деревьями, въ трехъ шагахъ отъ нашего костра, уже сидѣла на корточкахъ вереница этихъ человѣкоподобныхъ и угрюмо слѣдила за всѣми нашими дѣйствiями. Мы закусили и принялись за чаепитiе.

Жужелъ присѣлъ около сородичей и сталъ пить чай изъ своей эмалированной чашки,

имѣвшей видъ и размѣры доброй полоскательницы. Такихъ полоскательницъ онъ выпивалъ за разъ штукъ по пяти; вообще чай замѣняетъ въ Урянхаѣ супъ и, судя по моему личному опыту, питателенъ не менѣе его. На этотъ разъ Жужелъ опорожнилъ лишь одну чашку, налилъ ее снова и вмѣстѣ съ кускомъ хлѣба протянулъ ее старшему изъ ламъ.

— Надо архіереевъ своихъ напоить! — замѣтилъ онъ, обращаясь въ нашу сторону.

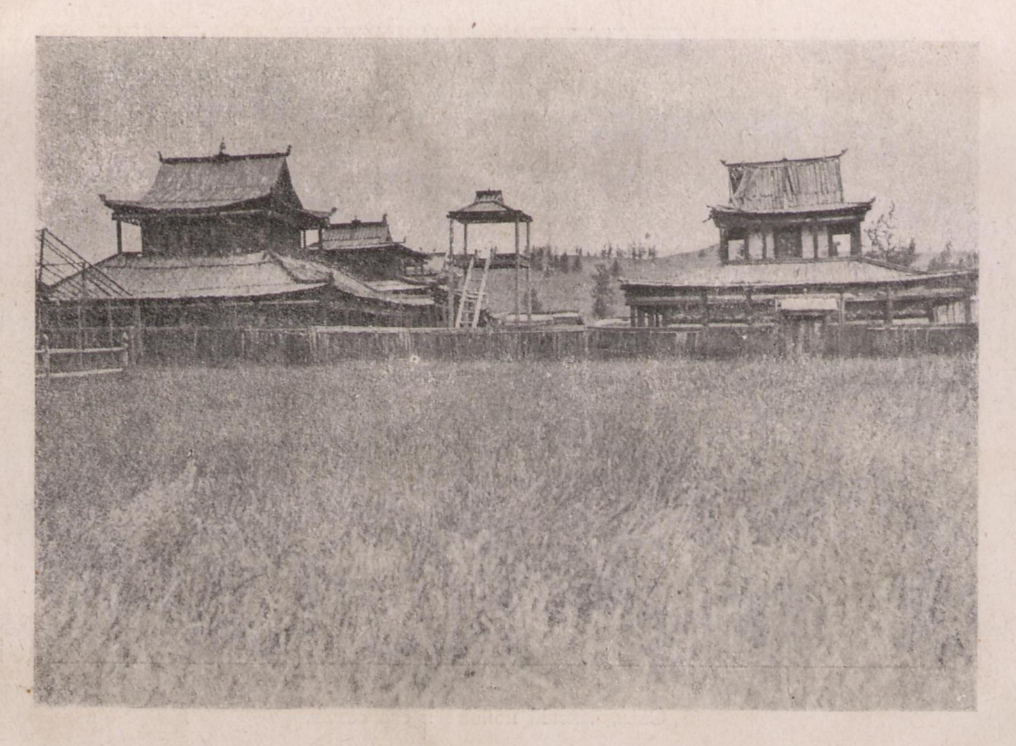
Это было сказано съ такимъ юморомъ, что мы покатились со смѣха.

Босоногій „архіерей“ взялъ чашку и жадно принялся отхлебывать изъ нея горячій напитокъ; сидѣвшіе по бокамъ его, получивъ отъ Жужела по куску хлѣба, безцеремонно макали ихъ въ чашку у самаго рта пившаго, затѣмъ хватали за ея край грязными пальцами, притягивали къ себѣ, и глотали въ свою очередь; свободный отъ занятій моргалъ въ это время глазами и чавкалъ хлѣбъ, какъ свинья въ корытѣ.

Вся орда ихъ, человѣкъ шесть-семь, напилась наконецъ чаю, но продолжала сидѣть, видимо ожидая какой нибудь подачки съ нашей стороны. Нѣтъ-нѣтъ и кто нибудь изъ нихъ рыгалъ такъ, словно у него взрывало петарду въ животѣ, но несмотря на всю галантность такого поведенія, я не далъ имъ даже обычной подачки — кусковъ сахару: очень ужъ опредѣленно враждебны были чумазыя рожи всего ихъ синклита.

Архіереи посидѣли и, какъ волки, одинъ за другимъ стали исчезать въ темнотѣ.

Я лежалъ на пескѣ, неподалеку отъ костра и глядѣлъ на языки огня и на вѣтви лиственницъ, сплетавшихся надъ нами. Стояла тишь и теплынь; не хотѣлось уходить спать въ палатку.



Сойотское хуррэ.

Сальджакскій нойонъ и его семья.

Жужелъ маленькимъ, синимъ комочкомъ прикурнулъ, какъ въ люлькѣ, между выступавшими корнями подъ деревомъ; Гаврило Васильевичъ спуталъ коней и пустилъ ихъ къ ручью, а самъ накинулъ на голову и плечи кожанъ и прилегъ на скатѣ обрыва. Странное чувство рождалось при мысли о томъ, какое безконечное пространство отдѣляетъ насъ отъ цивилизованнаго міра; слегка жутко было отъ сознанія затерянности и одиночества среди пустынь и дикарей.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое счастье видѣть и ощущать вокругъ себя пустыню, быть такимъ затеряннымъ!

Ночью я проснулся. По полотну надъ нами дробно стучали капли дождя; струйки воды лились мнѣ на подушку и одѣяло; палатка Гаврилы Васильевича протекала какъ рѣшето.

Пришлось закрыться бурками и свѣсить концы ихъ съ кроватей; вещи и оружіе лежали подъ нами и находились въ безопасности.

Однообразный говоръ дождя и тепло скоро опять усыпили меня. Утромъ, откинувъ край бурки, я выглянулъ на свѣтъ Божій и первое, что бросилось мнѣ въ глаза — были лужи, цѣлыми озерами стоявшія на насъ, благодаря складкамъ бурокъ; спасительницы эти насъ не выдали!

ГЛАВА XII.

Утро было яркое, солнечное; только деревья да трава, обрызнутыя сверкавшими каплями воды, свидѣтельствовали о ночномъ дождѣ.

Жужелъ ушелъ ловить коней, скрывшихся за сыпучимъ бугромъ; Гаврило Васильевичъ возился съ тарантасомъ.

Мы умылись, напились чаю и, уложивъ вещи, отправились съ Жужеломъ въ хуррэ: мнѣ хотѣлось поближе ознакомиться съ нимъ.

Гаврила Васильевичъ остался при коняхъ и тарантасѣ.

Ухоронившійся за частоколомъ городокъ былъ пустыненъ по прежнему. Мы направились къ деревяннымъ пагодамъ, подымавшимъ трехъярусныя крылья крышъ на передней линіи.

Надъ входомъ въ одну изъ нихъ вертѣлась молитвенная вертушка — игрушечное колесико, исписанное молитвами. Выше него чуть внятно и серебристо позванивалъ, качавшійся отъ вѣтра, колокольчикъ.

Нѣсколько столовъ въ накренившемся въ разныя стороны частоколѣ отсутствовало. Мы проникли черезъ отверстіе во дворъ; дверь въ пагоду была открыта. Изъ темной пасти ея, перегороженной веревками, сплошь увѣшанными длинными, узкими полосками разноцвѣтныхъ тканей, доносилось глухое бормотаніе, прерываемое рѣзкимъ звономъ мѣди.

Не зная, можно ли войти, мы обратились съ запросомъ къ Жужелу, но переводчикъ нашъ имѣлъ видъ собаки съ поджатымъ хвостомъ, трусливо озирался и бормоталъ что-то невразумительное. Мы оставили его одного и вошли въ пагоду. Благодаря отсутствію оконъ ее наполняли сумерки. По бокамъ средняго прохода, покрытаго цыновками, тянулись длинныя скамьи; передъ ними находились простые деревянные столы, почернѣвшіе отъ времени и грязи. Справа сидѣлъ на скамьѣ, поджавъ подъ себя ноги, одинъ изъ вчерашнихъ архіереевъ; онъ раскачивался изъ стороны въ сторону и, быстро, какъ хорошій дьячекъ, читалъ нараспѣвъ молитвы; передъ нимъ лежала книга, исписанная монгольскими письменами, стояла чашка съ зер-

нами ячменя и большой бронзовый колокольчикъ. Нѣтъ-нѣтъ и лама бралъ щепотку зеренъ и бросалъ ихъ передъ собой, затѣмъ схватывалъ колокольчикъ и трезвонилъ изо всѣхъ силъ.

На насъ онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія; пользуясь этимъ мы обошли и осмотрѣли всю пагоду.

Съ высокаго потолка ея спускалось шелковое тряпье, что то вродѣ знаменъ съ нарисованными на нихъ звѣрскими рожами. Вдоль задней стѣны тянулись столы съ многочисленными фигурками Будды и всякихъ чудовищныхъ существъ; передъ ними были размѣщены жертвы — мѣдныя чашечки съ саломъ, зернами и т. п.

Темнота, одиночество и страшныя рожи, глядящія изо всѣхъ угловъ, производятъ на человѣка, впервые попавшаго въ пагоду, нѣсколько жуткое и непріятное впечатлѣніе. То же испытывали и мы.

Осмотрѣвъ первый храмъ, мы зашли во второй и въ третій. Всѣ они оказались одинаковыми; во всѣхъ пахло затхлостью, всѣ носили признаки разрушенія. . . Только во второмъ лама, вмѣсто колокольчика, билъ въ большой бубенъ, а въ третьемъ ожесточенно колотилъ въ литавры.

Видъ при этомъ исполненіи долга у всѣхъ трехъ архіереевъ былъ достаточно идіотскій. И не мудрено: попробуйте изо дня въ день лѣтъ двадцать и больше подрядъ, во славу дьявольскихъ мордъ, колотить въ пустомъ сараѣ въ бубенъ и трещать одни и тѣ же слова!

Съ большимъ удовольствіемъ выбрались мы изъ мрака послѣдняго ламаитскаго храма на солнце и свѣжій воздухъ.

Лошади уже ждали насъ около воротъ: смѣтливый Гаврило Васильевичъ замѣтилъ го-

лубой кафтанъ Жужела, жавшагося около пагоды и подъѣхалъ къ ней съ тарантасомъ; сивка стояла привязанной къ задку его.

Мы усѣлись и отдохнувшіе кони бодро понесли насъ мимо монастыря на взгорокъ. Тропа побѣжала по высокой травѣ, по полянкамъ и скатамъ высокихъ „гривъ", залитыхъ березовыми и лиственничными перелѣсками.

ГЛАВА XIII.

Къ часу дня мы завидѣли вдали, среди обнаженной степи, какія-то живописныя постройки.

— Эвона, строенія видать! — обратился къ намъ Гаврило Васильевичъ, указывая кнутомъ впередъ: — нойонскій домъ, стало быть, зимній. Тамъ и ручей течетъ — Ачикъ; чай пить тамъ будемъ, корма хорошіе!

На широкой долинѣ, по которой скакали мы, влѣво, въ полу-горѣ виднѣлись курганы трехъ типовъ: монгольскіе (каменные), чисто земляные и могилы со стоячими плитами. Ближе къ ручью, на ровной степи, четко обозначалась прямая какъ лучъ аллея изъ небольшихъ камней; начиналась она отъ двухъ стояковъ и отходила отъ нихъ на весьма большое разстояніе.

Раскопокъ произвести въ такой пустынѣ было нельзя и мы, осмотрѣвъ памятники прошлаго, покатили къ нойонскимъ хоромамъ.

Ачикъ оказался сплошною топью, черезъ которую едва перетащила насъ наша тройка. Гаврило Васильевичъ гикнулъ на коней и они птицами взнеслись на кручу берега, къ нойонской резиденціи.

Живописная издали, вблизи она производила унылое впечатлѣніе; изба безъ оконъ,

увѣнчанная крышами, какъ пагода, нѣсколько амбарчиковъ, сбившихся кучею за деревяннымъ заборомъ — вотъ и все, что возвелъ для себя Сальджакскій властитель!

Время выкрасило постройки излюбленнымъ своимъ черным цвѣтомъ; всѣ онѣ уже начали разрушаться и, видимо, никто не заботился о поддержаніи ихъ. Резиденція казалась вымершей; мы обогнули ее и отыскали грязную и невозможно рваную юрту сторожа, указавшаго дальнѣйшую дорогу къ нойону.

Переждавъ зной и пообѣдавъ у ручья, мы опять пересѣкли его и стали подыматься въ гору. Никогда въ жизни не представлялъ я себѣ, что можно на колесахъ проѣхать по такимъ, почти отвѣснымъ, обрывамъ и кручамъ, какія преодолѣвали мы! Всадникъ и тотъ чувствовалъ бы себя не разъ въ затрудненіи въ тѣхъ мѣстахъ и какимъ чудомъ взбирались, напрягавшіеся въ струнку, кони, по каменнымъ стѣнамъ, какъ не вывалились мы, когда коробокъ нашъ то, какъ корзина на веревкѣ, подымался на скалы, то накренившись, лѣпился правой парой колесъ по тропѣ надъ обрывомъ, а лѣвой парой упирался въ отвѣсъ на аршинъ выше ея — не могу постичь!

Невозмутимый Гаврило Васильевичъ правилъ мастерски и два опасныхъ перевала мы сдѣлали благополучно.

Опять пошли степи — громадныя и безводныя долины между горъ, то желтыя, то зеленыя, могущія вмѣстить, при орошеніи ихъ, многія тысячи народа. Малочисленность населенія этой части края поразительна: мы сдѣлали отъ Тюргеня около полутораста верстъ, взбирались на высокія горы и на всемъ развертывавшемся передъ нами просторѣ я насчиталъ во время пути не свыше десятка юртъ.

Не виднѣлось нигдѣ даже черныхъ, навозныхъ площадокъ, свидѣтельствующихъ о мѣстѣ стоянки кочевій.

Степи изобиловали дикимъ лукомъ, ирисами, льномъ и цѣлыми зарослями мелкозернистой конопли, вполнѣ пригодной для волокна.

Лѣсъ встрѣчался рѣдко — въ падяхъ и логахъ.

Густая, зеленая чаща словно вынырнула впереди насъ; за нею цѣпью вставали горы.

— Вотъ и Брень! — сказалъ Гаврило Васильевичъ, — тутъ и ставка нойона въ лѣсу въ этомъ.

Мѣсто для лѣтняго кочевья Сальджакскимъ нойономъ выбрано превосходное: большая рѣка, лѣсъ, чудные луга, прохлада — все это къ его услугамъ.

Мы пересѣкли лугъ и очутились на краю обрыва, служившаго когда-то берегомъ рѣки, протекавшей теперь сажени на двѣ ниже своего прежняго уровня и далеко въ сторонѣ отъ него. Ложе бывшей рѣки заполнено лѣсомъ; къ югу онъ разрѣжался и переходилъ въ одиночные тополя, возвышавшіеся на обширной прогалинѣ; среди нея бѣлѣла круглая юрта съ красной каймою на войлочномъ куполѣ. Поодаль, кучкой грибовъ, стояло штукъ пятьшесть закопченныхъ юртъ.

Тройка наша остановилась и Гаврило Васильевичъ послалъ Жужела „выглядѣть" удобное мѣсто для спуска.

Жужелъ, всегда спокойный и сдержанный, вдругъ сталъ проявлять безпокойство.

— Надо сперва въ управленіе ѣхать! — заявилъ онъ намъ: — такъ нельзя прямо!

Почему „нельзя" — на этотъ вопросъ объясненій онъ дать никакихъ не умѣлъ. Тѣмъ не менѣе, не желая нарушать обычая, я рѣшилъ

поступить по его указанію, и велѣлъ ему ѣхать впередъ и предупредить управленіе о нашемъ визитѣ къ нойону.

Жужелъ трясущимися руками снялъ съ себя винтовку и сунулъ ее въ нашъ экипажъ.

— Нельзя съ ружьемъ ѣхать! — пояснилъ онъ, — пороть будутъ!

Онъ сѣлъ на своего сивку, спустился съ обрыва и шагомъ поплелся къ ставкѣ. Но, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ управленію, онъ свернулъ къ чумазымъ юртамъ, явно служившимъ жилищами нойонскимъ рабочимъ.

Хотя Московскаго государства уже не существуетъ и я посломъ его не являлся, тѣмъ не менѣе такое „умаленіе" имени русскаго человѣка было недопустимо и я велѣлъ Гаврилѣ Васильевичу ѣхать прямо къ юртѣ нойона.

Гаврило Васильевичъ спокойно чмокнулъ, пошевелилъ вожжами и мы съ тройкой ухнули въ оврагъ съ невѣроятной крутизны и вихремъ понеслись между деревьями.

Жужела обступило нѣсколько оборванцевъ и у него шла съ ними оживленная бесѣда; мы подъѣхали къ нему и я приказалъ ему ѣхать къ нойону за нами.

Только что мы двинулись дальше, изъ юрты съ красной каймой вышелъ молодой сойотъ въ длинномъ халатѣ и въ крестьянской, плетеной изъ соломы, шляпѣ на головѣ.

— Сынъ нойона! — сказалъ, повернувшись къ намъ, Гаврило Васильевичъ.

Когда онъ поровнялся съ нами, мы остановились; сойоты, тѣснившіеся вокругъ насъ, разступились и почтительно дали дорогу подошедшему. Чиновникъ съ шарикомъ на китайской шапкѣ сталъ ему сообщать что-то о насъ. Тотъ слушалъ, поставивъ ногу на сту-

пицу передняго колеса и взявшись рукой за край облучка нашего коробка.

Жужелъ перевелъ мое заявленіе, что я пріѣхалъ въ гости къ нойону и спрашивалъ, когда его можно видѣть и гдѣ поставить нашу палатку.

Видъ будущаго властителя былъ нѣсколько надменный; онъ указалъ рукою на юрты и предложилъ остановиться около нихъ.

Я запротестовалъ, заявилъ, что намѣренъ остановиться на берегу рѣки у лѣса, саженяхъ въ двухстахъ въ сторонѣ отъ всей ихъ братіи и велѣлъ Гаврилѣ Васильевичу сворачивать.

Тонъ мой произвелъ надлежащее впечатлѣніе; сынокъ нойона закивалъ головой болѣе привѣтливо. О времени пріема у нойона онъ обѣщалъ прислать мнѣ сказать и скорымъ шагомъ направился къ отчему крову.

Мы пересѣкли зеленый, ровный лужокъ и, выбравъ мѣстечко у лѣса, остановились и стали разгружаться, ставить палатку и разводить огонь. Мутная Брень неслась какъ бѣшеная шагахъ въ пятнадцати отъ насъ. Ширина ея въ томъ мѣстѣ саженъ до двадцати; извилистая, замкнутая высокими зубцами горъ, долина ея имѣетъ въ поперечникѣ приблизительно версту. Почти сплошь вся она заполнена лѣсомъ, подступающимъ къ обоимъ берегамъ рѣки и только ближе къ горамъ развертываются длинныя зеленыя ленты луговъ.

Брень — это земля обѣтованная для Тюргенцевъ и другихъ поселковъ, мечтающихъ захватить ее въ свои руки, но сойоты ихъ туда не пускаютъ.

— „Умирать не надо, такъ тутъ хорошо!“ — вотъ слова, вырвавшіяся у Гаврилы Васильевича при видѣ Брени. Дѣйствительно, угодья

по этой рѣкѣ, вплоть до впаденія ея въ Малый Енисей — замѣчательныя!

— Ишь, грязь-то свою счищать принялись! — сказалъ Гаврило Васильевичъ, посматривая на юрту нойона, у которой хлопотала кучка сойотовъ, вытряхивавшая войлоки и какое то платье.

Жена приготовила для подарка нойоншѣ коробку съ леденцами, разноцвѣтныя бусы, зеркальце, нѣсколько кусковъ мыла и т. п.; я вынулъ изъ чемодана пару серебряныхъ стакановъ и двѣ полубутылки коньяку, до котораго, какъ я слышалъ, нойонъ былъ великій охотникъ.

Черезъ нѣкоторое время отъ юрты отдѣлился уже видѣнный нами чиновникъ въ шапкѣ съ прозрачнымъ стекляннымъ шарикомъ на остріѣ ея и торопливо направился въ нашу сторону: нойонъ приглашалъ насъ пожаловать.

Становилось свѣжо. Мы накинули бурки и, сопровождаемые Жужеломъ, пошли черезъ лугъ. Толпа оборванныхъ приближенныхъ, стоявшихъ у юрты, раздалась; закрывавшую входъ толстую полосу войлока приподняли и, согнувшись въ три погибели, я первый вступилъ черезъ высокій порогъ въ полутемное, круглое помѣщеніе. Свѣтъ падалъ сверху въ отверстіе для дыма; по срединѣ юрты подъ желѣзнымъ таганомъ горѣлъ огонь; справа отъ входа, на шелковыхъ подушкахъ, словно изваянія Будды, неподвижно возсѣдали съ поджатыми ногами двѣ фигуры; нойонъ, жирный и достаточно обрюзглый, въ синемъ халатѣ и въ китайской шляпѣ съ синимъ шарикомъ на ней; по лѣвую руку владыки помѣщалась жена его, въ отороченной мѣхомъ рогатой шапкѣ,

нѣсколько напоминавшей формою императорскую корону; шею нойонщи обвивали бусы.

Прямо противъ входа стояли китайской работы комодики съ разставленными на нихъ мѣдными фигурками божковъ и чашечками съ саломъ и зернами; около нихъ сидѣлъ бритый лама и бормоталъ по книжкѣ молитвы.

Противъ нойонской пары были приготовлены подушки для насъ.

Не зная еще сойотскаго этикета, я подошелъ къ нойону и подалъ руку сперва ему, потомъ его женѣ: оба они всполохнулись, завозились и привстали: то же продѣлала и моя жена.

Толпа оборванцевъ влѣзла за нами въ юрту и размѣстилась у порога, наблюдая за происходившимъ.

Жужелъ, вмѣсто того, чтобы переводить, вдругъ ударился въ благочестіе и принялся кланяться божествамъ. Отмолившись, онъ положилъ на комодъ даръ богамъ — сиреневый шелковый платокъ въ видѣ шарфа, согнулся въ три погибели и, держа на ладоняхъ обѣихъ, вытянутыхъ впередъ, рукъ такой же платокъ, пролопоталъ что то нойону.

Тотъ отвѣтилъ; прикоснулся концами пальцевъ къ ладонямъ Жужела и взялъ даръ его: платки эти служатъ сойотамъ какъ бы визитными карточками и неизмѣнно фигурируютъ съ обѣихъ сторонъ во время визитовъ.

Заикаясь отъ страха, Жужелъ перевелъ мое привѣтствіе нойону и я подалъ послѣднему свои подарки. Онъ принялъ ихъ, но руки его какъ то странно совались мимо вещей; черезъ нѣсколько минутъ я убѣдился, что нойонъ слѣпъ; ослѣпъ онъ, какъ я узналъ позже, отъ неимовѣрнаго пьянства.

На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ-пятьдесятъ пять; впечатлѣніе лицомъ онъ производилъ довольно суровое; чувствовался человѣкъ, привыкшій къ рабскому повиновенію себѣ, грубый и подозрительный.

Жена его—высокая, плотная женщина лѣтъ сорока пяти съ крупными чертами лица и съ черносливами вмѣсто глазъ, сразу воскресила передо мной образъ Тайдулы; красныя, воспаленныя вѣки ея еще болѣе дополняли сходство ея со знаменитой владычицей татаръ.

Жена передала ей свои подарки и она принялась рыться въ нихъ: лицо ея расплылось отъ довольной улыбки.

Чиновникъ усадилъ насъ на подушки; передъ нами поставили ножныя скамейки, служившія у сойотовъ вмѣсто столовъ и подали двѣ чашки бурды, имѣвшей видъ слабаго кофе, забѣленнаго молокомъ. Около чашекъ сейчасъ же появились на двухъ грязныхъ эмалированныхъ тарелкахъ груды своеобразныхъ печеній; одно имѣло болѣе привлекательный видъ и казалось чѣмъ то вродѣ блиновъ, но прямоугольной формы.

Я пригубилъ свою чашку; напитокъ нѣсколько напоминалъ ячменный кофе. Позже я узналъ, что это былъ любимый чай ихъ, варящійся съ солью, саломъ и молокомъ. Въ сущности это не чай, а супъ; варятъ его изъ особаго зеленаго чая, имѣющаго форму большихъ плитъ, спрессованныхъ изъ листьевъ, срѣзанныхъ съ сучками и вѣтками.

Жена съ опаскою послѣдовала моему примѣру.

Чтобы быть вѣжливымъ до конца, я отломилъ кусочекъ печенья и отправилъ его въ ротъ. Кусокъ моментально растаялъ и я, къ ужасу своему, почувствовалъ, что ко мнѣ въ

горло течетъ отвратительное баранье сало. Меня чуть не стошнило.

Я поспѣшилъ глотнуть чая и предостерегъ жену отъ покушенія на подобную прелесть.

Лама кончилъ свое чтеніе и убрался.

Нойонъ сталъ разспрашивать кто я и зачѣмъ пріѣхалъ въ Урянхай. Я отвѣтилъ, что я ученый, интересуюсь прошлымъ ихъ земли и для этой цѣли объѣзжаю ее съ вдвоемъ женой.

Жужелъ переводилъ, задыхаясь отъ страха, и такъ какъ и самъ то онъ былъ не Богъ вѣсть какой знатокъ русскаго языка, то, надо полагать, излагалъ нойону чепуху отборную!

На лицѣ послѣдняго, послѣ нѣсколькихъ минутъ напряженнаго вниманія, появилось выраженіе затаеннаго недовѣрія.

Пріѣздъ мой въ такой отдаленный край по такому пустому, съ его точки зрѣнія, дѣлу, казался невѣроятнымъ. Между сальджакскимъ владыкой и русскими властями, жившими на Усу, давно уже чувствовались тренія и хитрый азіатъ заподозрилъ, что я совсѣмъ не тотъ, за кого выдаю себя.

Сдѣлавъ нѣсколько тщетныхъ попытокъ заставить меня проговориться, нойонъ перешелъ къ разспросамъ о Россіи, Петербургѣ и тамошней жизни.

Я допытывался о курганахъ, о древнихъ крѣпостяхъ, о находкахъ.... На все это былъ одинъ отвѣтъ: ничего такого нѣтъ въ ихъ землѣ.

Нойонъ лгалъ: долина Малаго Енисея изобилуетъ рѣшительно всѣмъ: имѣется даже крѣпость; стоитъ она на островѣ среди озера Тери-норъ, но, судя по описаніямъ лицъ видавшихъ ее, она не изъ древнихъ; стѣны ея сбиты изъ глины и на половину разрушились.

Жужелу тоже поднесли угощеніе — кислое молоко въ большой деревянной чашкѣ; наши крестьяне хлебаютъ изъ нихъ обыкновенно щи. Онъ почтительно принялъ чашку и, держа ее обѣими руками и громко чмокая, выпилъ всю до дна.

Угощеніями распоряжался чиновникъ съ шарикомъ; приказы его исполняла довольно миловидная замарашка - дѣвушка.

Среди толпы сойотовъ, сидѣвшихъ у входа, виднѣлось двое безносыхъ; сойоты такими не брезгаютъ: Жужеловская чаша, наполненная вновь молокомъ, пошла въ круговую по рукамъ при-порожныхъ гостей и здоровые всласть прикладывались къ ней въ перемежку съ сифилитиками.

Слѣва отъ входа висѣла огромная кожаная сума, вонявшая какъ тысяча сразу разувшихся богомолокъ. Рядомъ съ нею стояло нѣсколько ведеръ съ молокомъ. Такія сумы служатъ мѣстомъ квашенія молока и никогда не моются и не ополаскиваются.

Во время бесѣды со мной нойонъ раза три нагибался, отворачивалъ край кошмы, на которой лежала его подушка, сморкался въ руку и вытиралъ затѣмъ пальцы о собственную утробу.

— Нойонъ спрашиваетъ, знаешь ли ты родственника царя?—обратился ко мнѣ Жужелъ.

— Какого?

— А вотъ, который недавно проѣхалъ по здѣшней землѣ!

Я удивился.

— Никакого царскаго родственника здѣсь не было! — отвѣтилъ я.

Жужелъ перевелъ мои слова и на лицѣ нойона появилось тонкое, насмѣшливое выраженіе.

— Нѣтъ былъ!—перевелъ опять Жужелъ.— Недавно проѣзжалъ, самъ говорилъ нойону, что онъ родственникъ царя!

Передо мной были въ тѣхъ мѣстахъ только Терентьевъ и графъ Беннингсенъ.

Наслышавшись о хлестаковствѣ перваго, я взвелъ на него мысленный поклепъ и въ новомъ самозванствѣ. Но, оказалось, что я ошибся: въ царскую родню полѣзъ графъ Беннингсенъ.

Когда эти графы породнились съ Романовыми—не знаю; развѣ въ ночь на 11-ое марта 1801 года?

По Малому Енисею графъ проѣхалъ съ великою помпой: въ сопровожденіи казаковъ, отпущенныхъ ему съ Уса и цѣлаго штата поваровъ и прислугъ.

— Ну, а съ кѣмъ ты знакомъ изъ большихъ чиновниковъ?—обратился ко мнѣ опять Жужелъ.

Нойонъ, очевидно, хотѣлъ узнать степень высоты моего общественнаго положенія.

Я назвалъ фамиліи Габаева, Церерина, Чакирова.

Нойонъ слушалъ, кивая склоненною на бокъ головой.

— А съ урядникомъ знакомъ?

Урядникъ, жившій въ деревнѣ Знаменкѣ на Маломъ Енисеѣ — огромнаго роста, энергичный дѣтина, пользовался среди сойотовъ большой популярностью. Чиновники ихъ и нойонъ бывали у него въ гостяхъ и почитали его за наиболѣе важную персону.

Я отвѣтилъ утвердительно и аудіенція наша кончилась.

Жена попросила разрѣшеніе снять на другой день фотографіи съ нойона и его семьи и

мы отправились во свояси, гдѣ насъ уже ждалъ шашлыкъ и макароны.

ГЛАВА XIV.

Вечеромъ около нашего костра собрались сойоты; среди нихъ возсѣдалъ одинъ безносый и трубка съ латунною чашечкой на концѣ ходила въ круговую изо рта въ ротъ.

Въ первый разъ Гаврило Васильевичъ и Жужелъ уснули спокойно около костра: въ районѣ ставки нойона ихъ кони, отпущенные пастись, находились въ полной безопасности.

Ночь выдалась свѣжая, а когда утромъ мы вышли изъ палатки—весь лугъ казался серебрянымъ отъ инея.

Климатъ Урянхая вообще неравномѣренъ; на Брени, напримѣръ, въ ту ночь ударилъ морозъ, а въ сосѣднихъ долинахъ его не было: все здѣсь зависитъ, какъ мнѣ кажется, отъ направленія долины и положенія ея относительно снѣгового Танну-Ольскаго хребта.

Гаврило Васильевичъ всталъ съ зорькою и теперь, одѣтый въ армякъ, сидѣлъ у костра и жарилъ только что наловленную имъ въ Брени крупную „пеструшку"—такъ именуется тамъ форель, въ изобиліи водящаяся въ рѣкахъ края.

Мы выкупались и чуть не рысью прибѣжали пить чай и закусывать.

Сойотскія юрты еще спали. Вскорѣ признаки жизни стали замѣчаться и около нихъ; струйками закурился дымокъ, показались женщины; изъ нойонской юрты вышелъ наслѣдникъ въ нелѣпой соломенной шляпѣ и, посмат-

ривая на нашу палатку, медленно пошелъ въ обходъ по юртамъ.

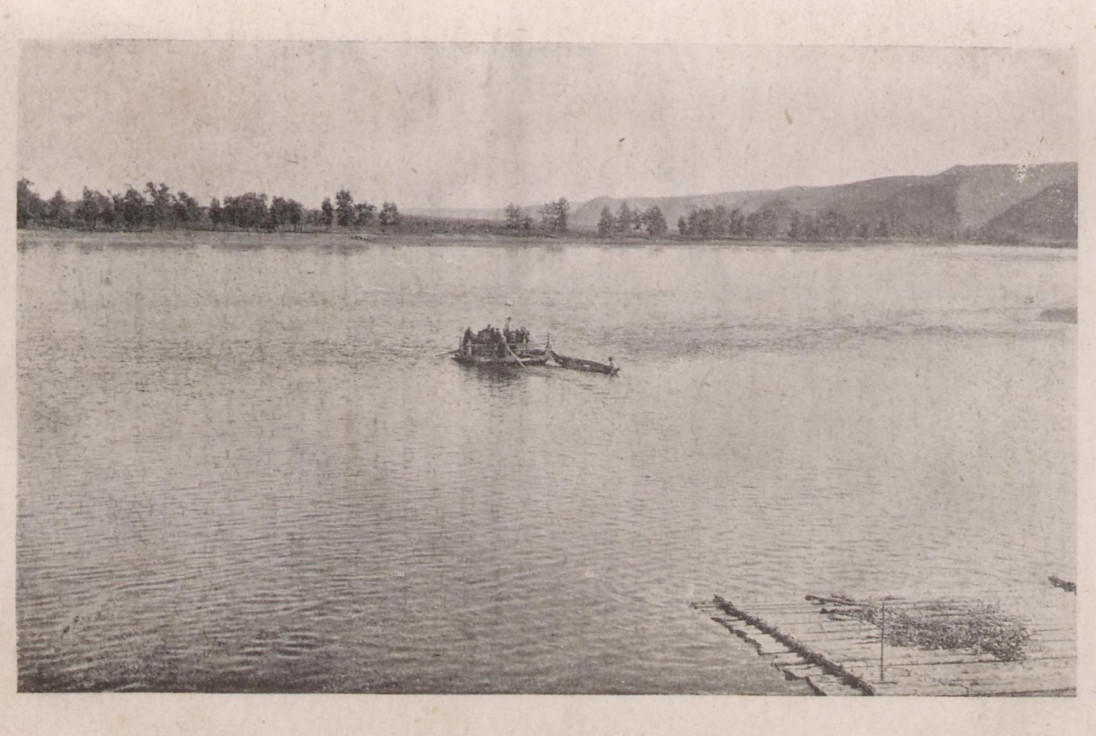
Нахожденіе при ставкѣ нойона, прислуживаніе ему, пастьба его скота, дойка и прочія работы на владыку — все это вродѣ отбыванія у нихъ воинской повинности. Отбывается она безплатно, по очередямъ и въ извѣстные сроки; отслужившіе возвращаются затѣмъ со своимъ скарбомъ и юртами во свояси.

Черезъ нѣкоторое время будущій властелинъ, очень напоминающій важничающаго сапожнаго подмастерья, подошелъ въ своемъ измазанномъ капотѣ къ намъ и я пригласилъ его выпить чаю. Будущій владыка, видимо, не умывался: на безусомъ лицѣ его проступали сальныя и грязныя пятна; про руки лучше умолчу.

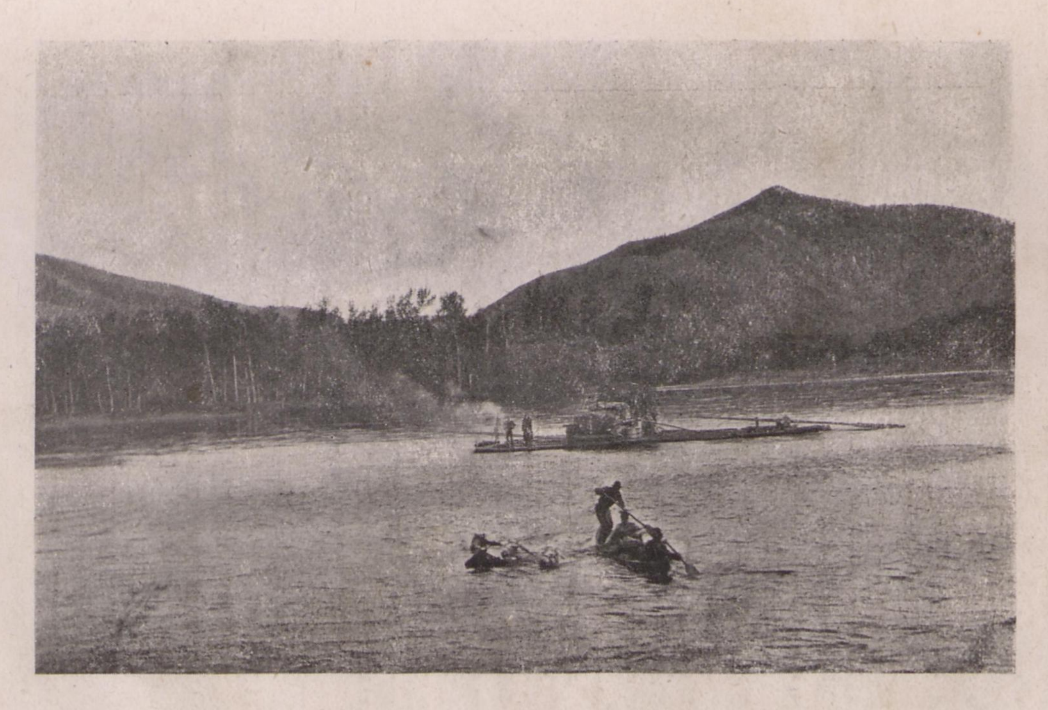
Онъ присѣлъ и опять сталъ осторожно выпытывать черезъ Жужела тайну нашего появленія въ ихъ краяхъ.

Жена принесла на эмалированной тарелкѣ конфектъ и стала угощать ими гостя. Въ эту минуту за спиной его выросла маленькая, голенькая фигурка его младшаго брата. Мальчики лѣтъ до семи-восьми бѣгаютъ у сойотовъ совершенно голыми и нойонышъ исключенія не составлялъ.

Жена протянула ему конфетку, онъ ухватилъ ее загорѣлымъ кулачкомъ и принялся грызть какъ бѣлка. За нойонышемъ виднѣлась свита изъ четырехъ такихъ же голышей. Жена угостила и ихъ и вся эта компанія захрускала и уничтожила свои получки въ одно мгновеніе. Жена надѣлила ихъ снова; первому она предложила конфету не нойонышу, а его сосѣду; тотъ взялъ и въ тотъ же мигъ нойонышъ развернулся, хлопнулъ его кулакомъ по зубамъ такъ, что показалось, будто онъ



Саликъ на Енисеѣ.



Переправа черезъ Малый Енисей.

громко чмокнулъ, вырвалъ конфетку и засунулъ ее въ собственный ротъ. Всѣ сидѣли какъ ни въ чемъ не бывало; получившій зуботычину только поморгалъ глазами . . . видимо такіе пассажи у нихъ обычны и числятся въ обиходѣ хорошимъ тономъ!

Видя, что леденцы убываютъ, нойонышъ пристально воззрился на нихъ, затѣмъ разомъ, словно налетѣвшій коршунъ, ухватилъ остатки въ горсть и кинулся стремглавъ въ поле. За нимъ, точно сдутые вѣтромъ, умчались и его товарищи.

Старшій братъ съ улыбкой слѣдилъ за продѣлками младшаго.

Выпивъ чашки три чаю и сгрызя кусковъ десять сахару, онъ всталъ и напомнилъ, что мы обѣщали снять фотографію съ нойона.

Мы живо собрались и всѣ вмѣстѣ направились къ ихъ юртѣ.

Насъ приняли прежнимъ порядкомъ и предложили угощеніе; нойонша вылизала языкомъ начисто одну изъ чашекъ, налила въ нее бурды и подала супругу; вслѣдъ за тѣмъ началось одѣваніе.

Прежде всего нойонша расплела мужу довольно толстую, изсиня черную косу, затѣмъ набрала въ ротъ воды и стала вспрыскивать ею волосы; расчесала ихъ большимъ гребнемъ съ крупными, рѣдкими зубцами и снова заплела ихъ; въ конецъ косы пропустила черные шелковые шнурки, благодаря которымъ она стала казаться еще длиннѣе.

Съ нойона стащили его синій халатъ и сапоги; на жирномъ и достаточно грязномъ тѣлѣ его никакого слѣда бѣлья и чулокъ не имѣлось; его облачили въ сапоги на толстѣйшей подошвѣ и съ загнутыми носками, въ малиновый халатъ и какую то безрукавку;

все это было толстое, шелковое и чисто китайское. На голову нойону водрузили круглую шляпу, державшуюся на самой серединѣ ея; сбоку, въ трубочку, вставили огромное павлинье перо; нойонъ поднялся на ноги и съ самодовольнымъ видомъ огладилъ собственное пузо.

Тутъ я убѣдился окончательно, что нойонъ слѣпъ: руки его то и дѣло протягивались не въ ту сторону, гдѣ находился подаваемый ему предметъ.

Покончивъ съ туалетомъ мужа, нойонша принялась за свой собственный. Присутствіе въ юртѣ добрыхъ двухъ десятковъ любопытствовавшихъ мужчинъ-сойотовъ и чужеземцевъ, видимо, совершенно не стѣсняло ее; она разоблачалась какъ въ банѣ и я поспѣшилъ сократить свое наслажденіе отъ ея лицезрѣнія и вышелъ наружу.

Туда же вынесли и подушки, предназначенныя для нойонской четы. Вскорѣ показалась и послѣдняя; для торжественнаго случая нарядили въ халатъ и сапоги даже маленькаго чертенка, своровавшаго конфекты; онъ капризничалъ и, видимо, чувствовалъ себя въ платьѣ прескверно.

Костюмъ нойонши былъ довольно оригиналенъ и сочетаніемъ цвѣтовъ очень напоминалъ финскій: на головѣ ея возвышался высокій уборъ изъ мѣха съ поднятыми, полукруглыми боками.

Переодѣлся въ малиновый халатъ и коротскую безрукавку потертаго вида и наслѣдникъ.

Жена сфотографировала ихъ въ нѣсколькихъ позахъ. Нойонъ со своимъ перомъ былъ воплощенный припадокъ гордости у индѣйскаго пѣтуха; жена его улыбалась, что дѣлало

ее еще отвратительнѣе и заставляло опасаться укуса зубами съ ея стороны; наслѣдникъ хранилъ сдержанный и скромный видъ.

Покончивъ со сниманьемъ, мы вернулись къ себѣ и черезъ полчаса нойнъ со всею семьей и свитой пожаловалъ къ намъ.

Я угостилъ нойона коньякомъ, къ чему нойонша отнеслась съ безпокойствомъ и знаками принялась показывать, чтобы я больше не наливалъ ему. Мы перешли на чай; нойонша горстями забирала сахаръ съ тарелки и грызла его совершенно собачьимъ маneромъ; наконецъ, когда соблазнительныхъ кусковъ осталось совсѣмъ немного, забрала ихъ въ горсть и вмѣстѣ съ хлѣбомъ сунула себѣ за пазуху.

Тѣмъ временемъ маленькій нойонышъ, успѣвшій опять превратиться въ совершеннаго голыша, хваталъ и истреблялъ леденцы.

Нойону я предложилъ нюхательнаго табаку: такового имѣлся у насъ значительный запасъ для роздачи сойотамъ. Восьмушка его стоила четыре копѣйки и владыка Урянхайскаго княжества съ наслажденіемъ принялся нюхать его и потомъ унесъ съ собою.

Нойоншѣ захотѣлось осмотрѣть нашу „юрту“ и жена отправилась показать ее; откуда то взявшіяся сойотки толпой окружили ихъ. Изъ палатки стали доноситься аханья и повизгиванья; боясь, что жена не управится одна съ назойливыми и безцеремонными гостьями, я кликнулъ Гаврилу Васильевича, неодобрительно поглядывавшаго на нашествіе всей этой братіи, и послалъ его на помощь.

Какъ оказалось послѣ, я поступилъ хорошо: нойонша и ея свита не только хватали и перещупывали всѣ наши вещи, начиная съ кроватей, но принялись было даже рыться въ

чемоданахъ, что и прекратилъ Гаврило Васильевичъ.

Нойонша пристала къ женѣ съ просьбой подарить, или продать, ей сперва туфли, потомъ кровать, но жена роздала всѣмъ зеркальца, ленты и англійскія булавки и выпроводила попрошаекъ изъ палатки.

Нойонъ бесѣдовалъ тѣмъ временемъ со мною, сморкался въ пальцы и вытиралъ свой толстый носъ полою моей бурки.

Съ большимъ облегченіемъ увидалъ я наконецъ вышедшихъ къ намъ женщинъ; нойонъ и его сынъ поднялись и стали прощаться. Нойонша обобрала рѣшительно все, что еще оставалось на столѣ—хлѣбъ, конфекты, кусокъ копченой колбасы и половецкая орда двинулась во свояси, поддерживая со всѣхъ сторонъ своего владыку.

Я велѣлъ запоягать; мы принялись за укладку вещей. Жена стояла вся раскраснѣвшаяся: визитъ княгини, отъ которой надо было оберегать все пуще, чѣмъ на большой дорогѣ, заставилъ ее упариться.

Только что Жужелъ началъ увязывать чемоданъ —явились посланцы отъ нойона: чиновникъ съ шарикомъ и какой то пожилой сойотъ.

Держа накинутые на вытянутыя руки мѣха, они низко поклонились и Жужелъ перевелъ ихъ слова: нойонъ прислалъ намъ отдарки; мнѣ шкуры лисицы, женѣ синихъ бѣлокъ.

Я далъ посланцамъ по перочинному ножичку и они, весьма довольные, удалились съ низкими поклонами.

Въ два часа мы тронулись въ путь; насъ сопровождалъ, чтобы указать ближайшую дорогу, верховой оборванецъ-сойотъ.

Юрты, мимо которыхъ проѣзжали мы, дымились; около нихъ стояло, провожая насъ глазами, все населенiе ихъ.

Мнѣ невольно вспоминалось Слово о полку Игоревѣ, древнiе половцы и печенѣги. Жизнь, что мы видѣли, была и тысячу лѣтъ назадъ тою же самой! Какъ понятны стали чувства плѣннаго князя, его тоска по родинѣ... И невольно искали глаза — нѣтъ ли, не стоитъ ли гдѣ между юртами одинокiй плѣнникъ изъ далекой Руси?

Жужелъ, казавшiйся во время нашего пребыванiя въ ставкѣ нойона растеряннымъ и пришибленнымъ, ѣхалъ теперь на своемъ сивкѣ съ видомъ человѣка только что освободившагося послѣ долгаго заключенiя.

Я поманилъ его пальцемъ и онъ подскакалъ къ коробку.

— Не стыдно тебѣ? — спросилъ я его, — чего ты такъ трусилъ тамъ?

— Какъ же! — убѣжденно возразилъ Жужелъ: — онъ вѣдь дурной!

Дурной въ Сибири значитъ — сумасшедшiй.

Гаврило Васильевичъ подтвердилъ слова Жужела.

— Пьетъ онъ шибко... — пояснилъ онъ. — А когда напьется и-и... бѣда что дѣлаетъ! Страхъ они боятся его!

— А русскихъ не трогаетъ онъ?

— Нѣтъ, гдѣ же!.. — съ чувствомъ спокойнаго, никогда не покидавшаго его достоинства, отвѣтилъ Гаврило Васильевичъ. — Большой онъ пакостникъ — это вѣрно!

Мы объѣхали кружнымъ ущельемъ пересѣкавшую намъ путь гору; далѣе дорога шла все прямо долиною рѣки Брени и я отпустилъ провожатаго, давъ ему за услугу восьмушку нюхательнаго табаку, чѣмъ дикiй наѣздникъ

остался весьма доволенъ. Деньги въ этихъ мѣстахъ вещь непригодная!

Долина Брени не широка; по сторонамъ ея встаютъ крутыя горы. Мы ѣхали почти у подножія ихъ по зеленому ковру травы; въ полуверстѣ справа, въ глубокомъ обрывѣ, наполненномъ густою чащею лиственницъ и тополей неслась Брень, открывавшая сверкавшія на солнцѣ излучины.

По пути намъ попадались курганы и отдѣльные камни — стояки; кое-гдѣ на степи виднѣлись молитвенные круги.

Древняя жизнь здѣсь, какъ и повсюду въ этомъ краѣ, была куда значительнѣй нынѣшней: жилищъ мертвыхъ мы видѣли много, юртъ живыхъ встрѣтили только двѣ. . .

Гаврило Васильевичъ нѣтъ-нѣтъ и вздыхалъ, поглядывая на просторъ своей обѣтованной земли.

Проѣхавъ верстъ двадцать пять, съ высокой горы мы завидѣли впереди синюю полосу Малаго Енисея; за нимъ въ голубой дымкѣ дали вставали кручи горъ, одѣтыя чернымъ платьемъ сплошной тайги. У ногъ нашихъ, за чащей березняка волнами сбѣгавшаго внизъ, стлались веселые, ровные луга, перерѣзанные серебрянымъ лучомъ Брени.

ГЛАВА XV.

Ближайшую окраину луга занимала заимка Пимена Евграфыча Спрыгина; тамъ мы предполагали и заночевать.

Кони быстро снесли насъ къ подножію горы. У низенькихъ воротецъ стоялъ высокій, косматый бородачъ безъ шапки и вглядывался въ нашъ экипажъ. То былъ самъ Спрыгинъ.

Нечего и говорить, что воротца были сейчасъ же радушно распахнуты; Гаврило Васильевичъ въѣхалъ во дворъ и сталъ распрягать коней, а мы съ женой и хозяиномъ вошли въ избу.

Она состояла изъ одной обширной комнаты съ русскою печью, лавками у стѣнъ и полатями. Въ красномъ углу, отмѣченномъ мѣднымъ крестомъ, стоялъ большой столъ съ самоваромъ на немъ. У печи хлопотала съ ухватомъ дородная баба — словомъ Урянхай остался за порогомъ и мы очутились въ Тульской, либо Орловской губерніи!

Сейчасъ же на столѣ появились шаньги, жареное маралье мясо и другая снѣдь.

Пименъ Евграфовичъ—лицо въ будущей исторіи Урянхая примѣчательное. Это одинъ изъ тѣхъ тарановъ, упорной и смѣлой работой которыхъ раздвигала свои предѣлы Русь.

Лѣтъ двадцать назадъ ему уже показалось „тѣсно" въ родной Томской губерніи; онъ забралъ жену и дѣтей и двинулся искать новыхъ мѣстъ и простора. Требуемое отыскалось на Брени.

Трудно и „опасно" жилось первое время, но умный мужикъ съумѣлъ не только поладить съ сойотами, но и заставилъ ихъ настолько уважать себя, что они являлись къ нему для разрѣшенія своихъ споровъ и ссоръ. Конечно, объ обидахъ ему не могло быть и рѣчи. Умѣть заставить уважать себя — одно изъ свойствъ русскаго крестьянина: на чужбинѣ, окруженный опасностями, онъ подтягивается, привыкаетъ держать себя въ рукахъ и вырабатывается въ стойкій и заслуживающій большого уваженія типъ. Говорю главнымъ образомъ про „одиночекъ", заимщиковъ, или хуторянъ, выдвинувшихъ свои аванпосты въ далекіе, дикіе края.

Въ деревнѣ, на многолюдствѣ, марка крестьянъ уже далеко не та!..

Семья у Пимена Евграфыча разрослась огромная; на полу ползало двое ребятишекъ, имѣвшихъ приблизительно по году. Одинъ изъ нихъ былъ внукъ его, другой—наименьшій сынъ.

Палатку намъ разбили во дворѣ. Пименъ Евграфовичъ влѣзъ на „потолокъ“ надъ сараемъ и принялся скидывать оттуда для насъ шкуры. Какихъ только тамъ не было: имѣлись медвѣжьи, кабаньи, лисьи, маральи, россомахъ и особенно много козьихъ. Тамъ же хранились груды всевозможныхъ роговъ—все трофеи охотъ хозяина и его сыновей. Заботливый Пименъ Евграфовичъ выстлалъ полъ въ палаткѣ пушистыми шкурами козъ; тѣмъ временемъ по приказу его приготовили лодку-долбленку и сѣти для рыбной ловли.

Мы съ женой отправились съ рыбаками.

Брень передъ впаденіемъ своимъ въ Енисей особенно бурна и стремительна. Бухта, гдѣ стояла долбленка, напомнила мнѣ Финляндію: ее окружали гранитныя скалы; рѣка съ ревомъ неслась на торчавшіе изъ подъ воды утесы, разбивалась о нихъ и дѣлилась каменистыми отмелями на рукава.

Двое изъ нашихъ спутниковъ вооружились шестами; двое другихъ „справили“ сѣть, мы стали въ лодку и насъ точно вихремъ подхватило и помчало внизъ между камней. Черезъ минуту лодка пошла тише: насъ вынесло къ отмелямъ и рыбаки наши принялись быстро выбрасывать сѣть. Мы съ женой выскочили на островокъ и стали ожидать возвращенія ихъ. Лодка обогнула мысокъ, прошла на шестахъ подъ самымъ берегомъ, гдѣ теченіе было сравнительно слабое и опять стремглавъ вле-

тѣла въ проливъ. Всѣ повыскакали на отмель и принялись тащить сѣть. Въ ней билась порядочная куча тайменей, харіусовъ и форели. Сѣть закинули вторично.

Было уже почти совсѣмъ темно, когда мы, достаточно промокшіе отъ волнъ, то и дѣло захлестывавшихъ нашу душегубку, вернулись на заимку.

На дворѣ свѣтились два костра; вокругъ одного сидѣли и лежали бородатыя фигуры— плотовщики, только что прибывшіе съ лѣсомъ съ „верха".

Всходилъ мѣсяцъ; громады горъ, тѣснымъ кольцомъ обступившія котловину съ таившеюся на днѣ ея заимкой, стояли залитыя синимъ свѣтомъ; четко обрисовывались скалы и лѣсъ. Міръ засыпалъ.

Скоро послѣ сытнаго ужина, подъ доносившуюся съ низины перекличку журавлей, заснули и мы въ своей палаткѣ.

Утромъ на зорькѣ я отправился съ хозяиномъ обозрѣвать его владѣнія; благодаря низкому мѣсту на лугахъ трава стояла почти по поясъ. Начиная отъ его заимки внизъ по Малому Енисею, до самыхъ Виланъ — царство пшеницы. Это самая плодородная и самая богатая въ почвенномъ отношеніи часть Урянхая. Но, къ сожалѣнію, долина самого Малаго Енисея весьма узка и пригодныя къ обработкѣ земли въ ней ни что иное какъ двѣ ленты, зажатыя между водой и суровыми горами и шириною отъ нѣсколькихъ десятковъ до двухъ-трехъ сотъ саженъ.

Вверхъ по теченію рѣки отъ заимки Пимена Евграфовича ленты эти съуживаются еще болѣе и Енисей то и дѣло идетъ въ „щекахъ", т. е. вплотную обмываетъ водами скалистые обрывы горъ. За ними—царство сумеречной,

едва проходимой, тайги, озеръ и всякаго лѣсного звѣря.

Два рослыхъ молодца—сыновья Пимена Евграфовича, быстро вскрыли для меня лопатами небольшой курганъ и затѣмъ мы вернулись обратно.

Послѣ чая, сопровождающагося здѣсь чуть не цѣлымъ обѣдомъ, вещи наши положили на хозяйскую телѣгу и мы съ толпою провожатыхъ двинулись къ Енисею. Мутныя отъ выпавшихъ недавно дождей, широкія воды его неслись, выписывая безчисленные круги и завитушки на своей поверхности.

Подъ берегомъ стояли двѣ долбленки, привязанныя къ деревьямъ.

Сыновья хозяина вмѣстѣ съ Гаврилой Васильевичемъ принялись распрягать лошадей и разбирать тарантасъ. На одну изъ долбленокъ погрузили колеса, оглобли и конскую сбрую; на другую сѣли мы съ нашими чемоданами. На носу и кормѣ каждой лодки стало по гребцу; они оттолкнулись отъ берега и теченіе понесло насъ внизъ. Гребцы работали во всю и черезъ нѣсколько минутъ мы приткнулись къ глинистому правому берегу и принялись вскарабкиваться на высокій обрывъ.

Лодки ушли обратно.

На одну изъ нихъ взгромоздили кузовъ нашего экипажа; другой предстояла болѣе трудная задача „переплавить“, какъ здѣсь говорятъ, лошадей. За это дѣло взялся самъ Пименъ Евграфовичъ.

Лошадей заставили войти въ холодную воду; длинные повода Пименъ Евграфовичъ взялъ въ руку и, стоя въ качавшейся, зыбкой лодкѣ, правилъ ими, стараясь, чтобы лошади не рвались и держались одной стороны.

Мы сидѣли на берегу и наблюдали за рискованной переправой: кони плыли, фыркая и стараясь держать головы выше захлестывавшей ихъ воды; Пименъ Евграфовичъ помогалъ имъ, подтягивая вверхъ повода.

Наконецъ ноги коней коснулись дна; надъ рѣкой показались ихъ спины, затѣмъ бока и, кони, тяжко дыша, выбрались къ намъ на кручу.

Запречь ихъ, собрать экипажъ и увязать нашу кладь—было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Прощаясь съ Пименомъ Евграфовичемъ я хотѣлъ вручить ему нѣсколько бумажекъ за ночлегъ и хлопоты, но ничего изъ моей попытки не вышло: онъ отказался наотрѣзъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Мы распростились съ гостепріимной семьей, Гаврило Васильевичъ подобралъ вожжи и тройка подхватила тарантасъ.

Долго мы видѣли позади фигуры русскихъ піонеровъ, стоявшихъ на бугрѣ и провожавшихъ насъ маханьемъ шапокъ.

Безпредѣльныя, пустынныя равнины исчезли; землю залили сплошные веселые потоки зеленой пшеницы, ржи, конопли и проса. Кое гдѣ попадались баштаны, устланные узорочными темными плетями арбузовъ и дынь; мѣстами шумѣли веселые перелѣски, небольшими полукружіями выбѣгавшіе изъ часто попадавшихся ущелій. Нѣсколько разъ встрѣчались поселки. И вездѣ, гдѣ была трава и зелень, пролегали мочаги, при томъ древніе, только расчищенные крестьянами; гдѣ не хватало орошенія, тамъ словно лысина бурѣла обнаженная мертвая земля.

Воды большинства встрѣчавшихся намъ рѣченокъ были разведены по мочагамъ и только бурный и широкій Терсикъ не замѣ-

чаетъ убыли своихъ водъ отъ канавъ; чуть выпадаетъ въ горахъ дождь — и онъ уже вздувается, рветъ съ корнями съ береговъ деревья и съ грохотомъ мчитъ ихъ и камни къ Енисею. Терсикъ „дурная рѣка"; за день до нашего проѣзда онъ опрокинулъ переѣзжавшую черезъ него телѣгу и сѣдокъ и лошадь при этомъ погибли.

Не безъ тревоги подъѣзжали мы къ заросли тополей и лозняка, скрывавшей отъ насъ Терсикъ: перспектива сидѣть на пустынномъ берегу и ждать спада воды была не изъ заманчивыхъ.

Жужелъ ударилъ нагайкой сивку и поѣхалъ впередъ искать бродъ; мы двинулись за Жужеломъ и очутились на берегу, заваленномъ обточенными голышами.

Дѣйствительно бѣшеная рѣка неслась нѣсколькими протоками: ширина каждаго была саженей до пятнадцати или двадцати: между ними выступали каменныя отмели. Шумъ воды былъ слышенъ еще издалека.

Первый протокъ оказался мелкимъ и Гаврило Васильевичъ направилъ тройку прямо въ воду и остановился на отмели.

Жужелъ тѣмъ временемъ исчезъ; стоять было жарко и скучно. Гаврило Васильевичъ соскочилъ съ козелъ, отпрягъ пристяжную, взобрался на нее и тоже пустился на поиски.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, припрягъ обратно верхового коня и смѣло двинулся въ главную, особенно головокружительно-быстро мчавшуюся стремнину.

Идти прямо наперерѣзъ было немыслимо: экипажъ опрокинуло бы въ одно мгновеніе и потому Гаврило Васильевичъ направилъ коней почти по теченію и сталъ забирать въ то же время къ противоположному берегу.

Кони храпѣли, но повиновались. Вода шипѣла и, казалось, невидимыя руки ухватили и потащили тарантасъ: глубина была свыше аршина и все увеличивалась; минутами тарантасъ какъ бы всплывалъ и вотъ-вотъ былъ готовъ опрокинуться; свѣтлыя струи разбивались за нашими спинами о привязанные брезентовые чемоданы и, крутясь, неслись мимо; видно было, какъ волочились по дну камни; сиплый щелкъ ихъ другъ о друга наполнялъ воздухъ. Вдругъ Гаврило Васильевичъ привсталъ и натянулъ вожжи: ѣхать дальше было нельзя—глубина сдѣлалась слишкомъ значительной. Поворачивать обратно нечего было и думать.

— Ну-ка, милые!—проговорилъ Гаврило Васильевичъ, наудачу заворачивая едва державшуюся на ногахъ тройку еще правѣе: — выносите!!

Онъ гикнулъ и задергалъ вожжами: кони дружно рванули тарантасъ. Онъ ухнулъ въ глубину; подъ ноги къ намъ ворвалась вода: мы накренились и уже опрокидывались, но Гаврило Васильевичъ не зѣвалъ, и мокрая тройка благополучно выхватила тарантасъ на крутой берегъ.

Только тутъ вынырнулъ изъ кустовъ и подъѣхалъ къ намъ Жужелъ, отыскавшій гдѣ то болѣе безопасное мѣсто для переправы. Освѣженные холоднымъ купаньемъ, кони бодро помчали насъ дальше и подъ вечеръ мы, звеня колокольцами, влетѣли въ большую деревню — Знаменку.

Земская квартира въ Знаменкѣ помѣщается въ новой, веселой избѣ, крытой, не въ примѣръ прочимъ, тесомъ.

Гаврило Васильевичъ въѣхалъ въ настежь распахнутыя ворота и остановился у крыльца.

На немъ въ холодкѣ чаевничала небольшая компанія изъ трехъ человѣкъ.

Увидавъ насъ, они поднялись и тотчасъ же двое изъ нихъ обняли столбъ, поддерживавшій навѣсъ, а одинъ навалился на перила, и всѣ молча уставились на насъ воспаленными, очумѣлыми глазами: компанія была пьяна вдребезги.

Одинъ изъ державшихся за столбъ, рыжій, со всклокоченными волосами, оказался хозяиномъ.

Гаврило Васильевичъ неодобрительно мотнулъ головой и, не говоря ни слова, понесъ мимо него наши чемоданы.

Мы послѣдовали за нимъ.

Оба гостя ретировались съ крыльца чуть не на четверенькахъ; едва державшійся на ногахъ хозяинъ вдругъ преисполнился усердіемъ и самымъ настойчивымъ образомъ принялся исполнять роль рыжаго въ циркѣ, мѣшая Гаврилѣ Васильевичу вносить вещи.

Раза два онъ вваливался къ намъ и лепеталъ извиненія; въ третій разъ дюжая бабья рука поймала его у порога за воротъ и извлекла въ чуланъ, гдѣ онъ скоро и успокоился.

Мы заказали хозяйкѣ обѣдъ и отправились пройтись по улицѣ.

Можно было подумать, что мы находились гдѣ нибудь на Руси въ день храмового праздника — до того много пьяныхъ попадалось на встрѣчу; день между тѣмъ былъ будній и по разспросамъ выяснилось, что „празднуетъ" такимъ образомъ Знаменка почти ежедневно; драки и скандалы въ ней процвѣтаютъ.

Габаевъ выискалъ гдѣ-то распорядительнаго кавалерійскаго унтеръ-офицера Солдатова, въ косую сажень ростомъ, отъ одного вида

котораго можетъ на всю жизнь сдѣлаться икота, и назначилъ его въ Знаменку.

Пьянство, конечно, не убавилось, но проявленія дикихъ чувствъ стали значительно умѣреннѣй. Именно этого урядника и разумѣлъ Сальджакскій нойонъ, спрашивая меня про урянхайскихъ вельможъ.

Уже по одной приверженности къ вину, можно судить, изъ кого состоитъ населеніе Знаменки и не добавлять, что старовѣровъ въ ней очень немного. Какъ водится, вражда между ними и православными весьма большая и говорятъ они другъ о другѣ съ ненавистью.

Жители Знаменки всѣ торгуютъ съ сойотами; многіе разводятъ мараловъ; земля родитъ хорошо — и, по общимъ отзывамъ, пьянствуютъ „отъ богатства".

Рѣзка роговъ, сборъ урожая, похмѣлье — все это прибавки къ „ангеламъ", церковнымъ праздникамъ и всѣ такіе дни поливаются водочкой. Цѣна ей здѣсь два рубля за бутылку и уже одно это указываетъ на размѣръ доходовъ крестьянъ, имѣющихъ возможность не только пьянствовать, но и жить въ полномъ довольствѣ: избы вездѣ чистыя, обставлены мебелью, занавѣсками и цвѣтами на окнахъ.

Долина Малаго Енисея весьма любопытна въ геологическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Изученіе ея даетъ ключъ къ пониманію далекаго прошлаго всего Урянхая, но такъ какъ тема эта составляетъ предметъ особой статьи, то только упомяну о томъ, что раскопки на первобытныхъ высотахъ въ окрестностяхъ деревни дали цѣнные результаты.

Древнѣйшее, длинноголовое культурное населеніе въ долинѣ Малаго Енисея было значительно гуще, чѣмъ въ другихъ частяхъ Урянхая: объ этомъ свидѣтельствуютъ

не только слѣды древнихъ мочаговъ, имѣющіеся въ ней повсюду, но и земляные курганы и многочисленныя находки разныхъ красно-мѣдныхъ предметовъ. Большая часть всѣхъ такихъ находокъ, по обычаю, или затеряна крестьянами, или передѣлывалась ими на предметы домашняго обихода.

Во всѣхъ окрестныхъ поселкахъ меня встрѣчали жалобами на уже начавшуюся „тѣсноту".

Особенно туго приходилось сравнительно недавно пришлому люду: старожилы выпирали ихъ всячески и, мало того, подговаривали сойотовъ вытаптывать у нихъ пашни, стравливать сѣнокосы и т. п. По всѣмъ этимъ причинамъ многіе собирались уходить дальше, вверхъ по Енисею; выселился уже кое кто и изъ старожиловъ и я видѣлъ нѣсколько опустѣлыхъ усадебъ, продававшихся желающимъ.

Фруктовыхъ садовъ нѣтъ нигдѣ и въ поминѣ, да врядь ли они и зацвѣтутъ когда нибудь въ тѣхъ краяхъ: ночные морозы случаются весной и лѣтомъ по всему Урянхаю и старожилы вездѣ считаютъ на пятилѣтіе два неурожайныхъ года, когда всѣ посѣвы убиваются „въ чистую."

И здѣсь самой животрепещущей темой моихъ разговоровъ съ крестьянами была земля.

— Чья она, наша или сойотская? — вотъ коренной Урянхайскій вопросъ, на который съ напряженнымъ вниманіемъ вездѣ ждали отвѣта отъ меня крестьяне, сбитые съ толку пограничнымъ начальствомъ. Что я могъ отвѣтить имъ, кромѣ — „держитесь!"

На третій день я покончилъ съ дѣлами, а такъ какъ съ верховьевъ подошелъ плотъ, то я и рѣшилъ сплыть на немъ въ Бѣлоцарскъ.

Гранитная статуя на Джеданѣ.

Гранитная статуя близъ факторіи Захара Ивановича.

Плоты здѣсь вяжутся изъ крупнаго сухостойнаго тополя; сырыя бревна и лиственница въ дѣло не идутъ: первыя слишкомъ глубоко погружаются въ воду и малоподъемны, а вторыя тонутъ совершенно.

На серединѣ плота во всю ширину его клѣткою складывается „балаганъ“ изъ бревенъ, высотою — аршина въ два; на немъ устраивается помостъ для пассажировъ. Туда же помѣщаются боящіеся подмочки товары, а на низкихъ частяхъ плота, на кормѣ и на носу, ставятся лошади, скотъ, грузятся кожи и т. п, Около кормового правила — длиннаго бревна, затесаннаго на одномъ изъ концовъ въ видѣ весла, насыпается „очагъ“ изъ земли и камней: надъ нимъ устанавливается треножникъ, запасаются дрова для костра.

Плотъ, пришедшій въ Знаменку, былъ изъ маленькихъ, почти „саликъ“. Солдатовъ устроилъ для насъ на балаганѣ шалашъ изъ зеленыхъ вѣтокъ, занявшій ровно половину всего помоста, на полъ насталъ свѣжескошенной травы; мы съ женой усѣлись у входа и наблюдали за суматохой, происходившей вокругъ.

Плотъ торопился отчалить и на него спѣшно грузили товары: кипы шерсти, кожи, разныя деревянныя издѣлія. Народа ѣхало довольно много; позади балагана находились привязанные кони, въ томъ числѣ сивка Жужела и бѣлая лошадь Солдатова, ѣхавшаго по дѣламъ въ Бѣлоцарскъ.

На высокомъ берегу толпились провожавшіе и просто любопытствующая публика.

Замахали платками и шапками, раздались пожеланія добраго пути, закричали погонщики лошадей, приводной канатъ натянулся и плотъ тихо двинулся съ мѣста: въ протокѣ, гдѣ онъ

стоялъ. теченія почти не было и насъ выводили изъ него конною тягой.

Минутъ черезъ двадцать впереди показался Енисей; теченіе замѣтно ускорилось.

Бородатый лоцманъ отвязалъ канатъ; кони остановились и люди принялись выбирать его изъ воды; быстро замелькали передъ глазами лѣсъ, густыми стѣнами чернѣвшій по сторонамъ; мы вынеслись на стрежень Енисея и помчались со скоростью хорошей курьерской тройки.

Грѐбли — и поносная и кормовая — работали отчаянно: все мужское населеніе плота „навалилось“ на нихъ и еле поспѣвало „отбивать“ плотъ, стремительно несшійся подъ самымъ берегомъ, отъ угрожающихъ выступовъ на поворотахъ рѣки.

Лоцманъ сидѣлъ на краешкѣ балагана у мачты съ флагомъ и то и дѣло командовалъ: „поносное влѣво“! „право корма“!

Струи воды, журча, обтекали берега; нѣтъ-нѣтъ и съ подмытой кручи шумно рухала внизъ глыба земли, или падало дерево; множество ихъ висѣло въ воздухѣ съ доброй половиной корней, совершенно обнажившихся отъ земли. Дулъ вѣтеръ; ясное небо стало понемногу хмуриться. Заморосилъ дождь.

Мы забрались съ женой въ свое убѣжище, завернулись въ бурки и молча провожали глазами встрѣчныя горы; онѣ вставали непрерывной, причудливой чередой, то залитыя тайгой, то суровыя, сплошь каменистыя. Узкія, въ нѣсколько саженъ шириной, полныя лиственницъ, ущелья, раздѣляли ихъ; изъ нихъ, пѣнясь, съ шумомъ выносились по камнямъ рѣченки: мѣстами онѣ превращались въ водопады и тогда казалось, что бѣлый дымъ клубится по отвѣснымъ, высокимъ скаламъ.

На Енисеѣ появились волны съ бѣлыми гребнями; вѣтеръ переходилъ въ бурю.

Лоцманъ съ тревогой посматривалъ по сторонамъ.

— Ну, видно, не идти нынче дальше! — проговорилъ онъ: на ночь надо становиться!

— Почему?—спросилъ я:—вѣдь полдень всего!

— Да шиверы много на рѣкѣ: вишь зыбь какая, не разберешь ничего. Плотъ разбить можно!

Шиверой называются въ Сибири отмели изъ гравія и довольно крупныхъ камней; въ тихую погоду надъ ними всегда стоитъ мелкая рябь, при волненіи онѣ, конечно, совершенно незамѣтны.

Но напрасно вглядывались всѣ въ мелькавшіе мимо берега: отлогихъ, удобныхъ для причала мѣстъ не было; плотъ несся подъ отвѣсами мрачныхъ скалъ; не видѣлось конца каменнымъ стѣнамъ.

Прошло еще съ часъ времени и дно плота обо что то чиркнуло.

— Навались корма! — заоралъ во все горло лоцманъ, но было уже поздно; плотъ полнымъ ходомъ налетѣлъ на шиверу и съ хрустомъ и трескомъ сѣлъ на нее. Все, что было на немъ, шатнулось впередъ, какъ отъ хорошаго тычка; берега вдругъ остановились.

— Шабашъ!—съ досадой проговорилъ лоцманъ.

Люди бросились осматривать положеніе „встрѣвшаго“ плота, но надежды сдвинуть его никакой не оказалось: слишкомъ далеко и плотно подвинулся онъ на предательскую шиверу.

Ни селенія, ни заимки нигдѣ по близости не имѣлось.

— Что же теперь будемъ дѣлать? — спросилъ я.

— Ждать... отвѣтилъ лоцманъ. — Чего жъ больше подѣлаешь?!

— Чего ждать?

— Воды. Дождь вотъ идетъ, прибудетъ вода въ верховьяхъ, тогда снимемся.

— Да когда же она прибудетъ?

— День, можетъ два, пройдутъ!...

Энергичный Солдатовъ тѣмъ временемъ уговаривалъ стоявшихъ на кормѣ парней переправиться на берегъ и дать знать въ ближайшую деревню о нашемъ бѣдствіи.

Одинъ изъ нихъ согласился; ему дали коня, свели его по скользкимъ и мокрымъ бревнамъ на отмель, парень скинулъ съ себя лишнюю одежду и въ однихъ портахъ и рубахѣ взобрался ему на спину. Конь осторожно сталъ углубляться въ воду и вдругъ ухнулъ какъ въ яму и теченіе быстро понесло его внизъ.

— Поплылъ, поплылъ! — раздались кругомъ голоса.

Всѣ, не отводя глазъ, слѣдили за борьбою человѣка и коня съ рѣкою. Морду коня, плывшаго наперерѣзъ волнѣ, стало захлестывать.

— Слѣзай долой! — закричали съ плота возбужденные голоса: — потопнешь!

Но парень уже и самъ сообразилъ опасность и какъ пластъ, бокомъ, свалился въ рѣку, ухватился за гриву и поплылъ рядомъ съ конемъ. Голова его опять поднялась надъ водой и черезъ нѣсколько минутъ и конь и человѣкъ въ облипшемъ платьѣ, стали выбираться на правый берегъ. На верхной площадкѣ его парень вскочилъ верхомъ, дернулъ повода и сразу пропалъ изъ вида.

Ближайшая деревня, Федоровка, — по разсчетамъ лоцмана должна была находиться

верстахъ въ пяти ниже. Доскакать до нея, собрать людей и вернуться обратно — все это требовало значительнаго времени.

Дѣлать было нечего. . . Мы вернулись съ женой въ свой шалашъ и залегли какъ сурки, поглядывая на пустынную гладь рѣки, на низко несшіяся сизыя тучи и на окутанныя туманомъ горы.

Шалашъ протекалъ: было сыро, холодно и неуютно.

Прошло часа два, а можетъ и три и на берегу показался народъ и привезенная на телѣгѣ небольшая долбленка.

Ее спустили на воду и нѣсколько человѣкъ переѣхало къ намъ на плотъ. Сдвинуть его оказалось невозможнымъ и съ ихъ помощью началось переселеніе всего живого на берегъ. Съѣхалъ даже лоцманъ и плотъ остался торчать сиротою среди рѣки.

Крестьяне посовѣтовали мнѣ ѣхать до Федоровки на лодкѣ. Мы послѣдовали доброму совѣту, перемѣстили въ челнокъ свои чемоданы и помчались по теченію.

Погода разгуливалась; вѣтеръ утихъ. То и дѣло виднѣлись у береговъ стада дикихъ гусей, утокъ и желтыхъ турпановъ, выбравшихся изъ своихъ убѣжищъ.

Открылась Федоровка—большая, невзрачная, обычнаго унылаго урянхайскаго типа, деревня.

Въ археологическомъ отношеніи она оказалась куда интереснѣе.

Позади избъ, на выгонѣ параллельно имъ, идетъ какъ бы другая улица — изъ монгольскихъ кургановъ.

Много ихъ находится и за пустынной степью у подножія горъ. Тамъ, между прочимъ, мнѣ удалось отыскать нѣсколько рѣдкихъ сидячихъ погребеній.

Работавшіе на раскопкахъ крестьяне разсказали, что и лѣвый берегъ Енисея, ниже деревни, изобилуетъ могилами.

Часамъ къ двумъ слѣдующаго дня къ рукаву Енисея, на которомъ стоитъ деревня, подошелъ нашъ плотъ, снятый съ мели водою.

Мы перебрались на него и скоро рѣка опять помчала насъ по своей глади.

Число пассажировъ прибавилось; я обратилъ вниманіе на длинноволосаго и бородатаго крестьянина въ черной широкополой и очень затасканной шляпѣ; говорилъ онъ сильно на „о"; „Питенбурхъ", „подходяшше" и т. п. словечки пестрили его рѣчь, плавную и спокойную. Оказался онъ старообрядческимъ священникомъ.

Лоцманъ обѣщалъ къ вечеру доплыть до Бѣлоцарска, но съ приближеніемъ сумерекъ мало по малу сталъ сомнѣваться въ этомъ.

Темнота наступала быстро и, къ нашей досадѣ, всего въ какихъ нибудь трехъ верстахъ отъ строящагося города намъ пришлось причалить къ берегу: плыть дальше было немыслимо.

На лужкѣ, подъ большимъ тополемъ, развели костеръ; съ плота свели и пустили пастись спутанныхъ коней и пассажиры принялись чаевничать и ужинать.

Только что Жужелъ принесъ намъ наше ведерко съ чаемъ, изъ темноты выѣхалъ всадникъ-сойотъ. Онъ привязалъ лошадь къ дереву, шатаясь подошелъ къ костру и сталъ совать свою руку сидѣвшимъ. Мы съ женой расположились нѣсколько въ сторонѣ на упавшемъ деревѣ и наблюдали происходившую характерную сценку.

Сойотъ усѣлся на корточки у костра и принялся, не спрашивая никого, наливать себѣ

чай, облился имъ, затѣмъ сталъ хватать лежавшій на землѣ хлѣбъ, оралъ, толкался, словомъ велъ себя самымъ наглымъ образомъ.

Кружокъ крестьянъ сидѣлъ молча; изрѣдка кто-нибудь произносилъ нѣсколько словъ по сойотски, видимо урезонивая его, но пьяное животное разнуздывалось все больше и больше.

Оно чувствовало себя всевластнымъ хозяиномъ земли и окружавшихъ его двухъ десятковъ русскихъ и именно потому кобенилось и кочевряжилось.

Я не выдержалъ.

— Гоните эту скотину въ шею! — крикнулъ я, вставъ съ мѣста: — вонъ его отсюда!

Сойоту торопливо перевели мой приказъ и я разслышалъ слова „нойонъ приказалъ"! Окрикъ и слово „нойонъ" возымѣли магическое дѣйствіе. Сойотъ вскочилъ и униженно кланяясь и присѣдая, подошелъ ко мнѣ, протянувъ обѣ руки.

Я крикнулъ на него снова и онъ, пятясь задомъ, поспѣшилъ ретироваться. Черезъ минуту онъ былъ уже на сѣдлѣ, взмахнулъ нагайкой и исчезъ во мракѣ; конь летѣлъ во всю прыть и долго до насъ доносился частый топотъ его и пьяная пѣсня.

— Такъ-то вотъ всегда они измываются надъ нашимъ братомъ! — проговорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ. — Въ домъ придутъ — такъ же вотъ всего требуютъ!

— Бѣда!.. — со вздохомъ подтвердилъ другой.

— А вы не будьте баранами, — сказалъ я: — иль у васъ кольевъ нѣтъ?

Ответа мнѣ, кромѣ новыхъ вздоховъ, не было: не имѣлось коренныхъ таежниковъ среди сидѣвшихъ.

Небо вызвѣздилось.

Время было ложиться спать. Часть ѣхавшихъ съ нами осталась на берегу, у костра, а мы съ женой разстелили въ шалашѣ медвѣжьи и козьи шкуры, укрылись бурками и крѣпко уснули подъ сонные всплески воды о бревна плота.

Утромъ на зорькѣ меня разбудилъ толчекъ плота, затѣмъ голоса и топотъ коней, сводимыхъ на берегъ. Я вылѣзъ изъ шалаша и узналъ знакомыя плоскія равнины: мы стояли у Бѣлоцарска.

ГЛАВА XVI.

Лагерь въ священной рощѣ еще безмятежно почивалъ, когда мы въ него прибыли.

На мой громкій окликъ изъ палатокъ раздались восклицанія и привѣтствія и женскихъ и мужскихъ голосовъ; лагерь ожилъ, зашевелился и едва мы успѣли съ женой привести себя въ надлежащій видъ, насъ окружило все наличное населеніе — Колесниковы, Габаевъ и другіе. И намъ радовались и мы радовались и чувствовали себя словно въ родной семьѣ.

Дамы немедленно оборудовали общій чай; немного погодя подошли приставъ и Михайловъ; начались разспросы и разговоры.

Въ населеніи лагеря произошло увеличеніе: у габаевской палатки лежала крошечная дикая козочка со смѣшными ноженками въ видѣ длинныхъ лапочекъ; у нашего, сколоченнаго изъ неструганныхъ досокъ, стола терся озорникъ — маленькій сойотскій козленокъ. Оба звѣрюшки отбились отъ своихъ и были пойманы въ степи.

Прирученныя дикія козы, гуси и даже турпаны въ дворахъ Урянхайскихъ поселковъ не рѣдкость; особенно много приходилось встрѣ-

чать козочекъ. На Енисеѣ я видѣлъ большого дикаго гуся, выведеннаго курами изъ найденнаго яйца; онъ былъ болѣе ручной, чѣмъ его пріемные родители и отличался тѣмъ, что ни за что не хотѣлъ идти въ воду и такъ ни разу и не побывалъ въ ней, несмотря на то, что жилъ и пасся на самомъ берегу рѣки.

Сейчасъ же намъ сообщили новость: изъ Усинскаго съ помпой, съ казаками прослѣдовалъ на Кемчикъ Цереринъ и... въ Бѣлоцарскъ не заѣхалъ! Онъ не воспользовался даже единственной прекрасною переправой черезъ Енисей — устроеннымъ Габаевымъ паромомъ и предпочелъ проѣхать девять верстъ внизъ по правому берегу и тамъ разобралъ экипажъ и на лодкахъ „переплавился" въ маленькій поселокъ Булукъ, гдѣ заночевалъ и прожилъ нѣсколько дней у купца Арзубая.

Въ эти же дни тамъ произошелъ съѣздъ мѣстныхъ купцовъ и совѣщаніе ихъ съ Церериным.

Что это былъ за съѣздъ, о чемъ на немъ говорилось — никто не зналъ, такъ какъ Габаевъ, лицо завѣдывающее устройствомъ русскаго населенія въ Урянхаѣ, приглашенъ въ Булукъ не былъ. Но слуховъ это таинственное совѣщаніе, и при томъ самаго нервировавшаго всѣхъ бѣлоцарцевъ свойства, породило много. Говорили, между прочимъ, что Цереринъ заявилъ, что Бѣлоцарскъ будетъ скоро уничтоженъ и всѣ начатыя постройки переправятъ въ Джакуль, такъ какъ, по его мнѣнію, тамъ настоящее мѣсто для города. Разумѣется, никакихъ разумныхъ основаній для такого переноса нѣтъ.

Слухи — слухами, но оказались и дѣйствія Церерина, непозволительныя ни съ какой точки зрѣнія.

Приблизительно мѣсяца за два до пріѣзда Церерина, бывшаго въ Иркутскѣ, Габаевъ смѣстилъ Арзубая изъ старшихъ выборныхъ поселка за упорное невыполненіе своихъ распоряженій, за враждебное отношеніе ко вновь прибывающимъ русскимъ и за полную неграмотность.

Церерииъ, не сказавъ ни слова Габаеву, отмѣнилъ его распоряженіе и возстановилъ Арзубая въ прежнемъ положеніи.

Результаты подобныхъ отношеній между администраціей сказались немедленно.

Бѣлоцарскъ опять сидѣлъ безъ мяса; среди рабочихъ прошла вѣсть будто ихъ скоро разсчитаютъ и начались разные толки и пересуды; призадумались и поопустили руки и интеллигентныя силы-межевые чины, агрономъ, строители и пр.

Чтобы разузнать, что дѣйствительно произошло въ Булукѣ, я въ тотъ же день подъ вечеръ рѣшилъ проѣхать туда на двухколесной „бѣдѣ" Колесникова. Кстати надо было раздобыть масла и кое какихъ другихъ продуктовъ.

Мы усѣлись съ Владиміромъ Ивановичемъ на плетеное днище „бѣды" и, подскакивая въ ней на добрый аршинъ, покатили въ Булукъ.

Булукъ грязнѣйшій и невзрачнѣйшій поселокъ, состоящій изъ четырехъ или пяти деревянныхъ избъ, раскиданныхъ безъ всякаго порядка; стоитъ онъ на самомъ берегу Енисея и населенъ исключительно татарами; самый вліятельный и богатый среди нихъ — Арзубай.

Начиная отсюда внизъ по теченію Енисея татары, выходцы изъ Казанской губерніи, начинаютъ попадаться все чаще и чаще; главная же торговая артерія края—долина рѣки Кемчика — чуть не сплошь въ ихъ рукахъ.

Исключительное ихъ занятіе въ краѣ—торговля; земли они, за рѣдкими исключеніями, не воздѣлываютъ совершенно и держатся отъ русскихъ обособленно.

Домъ Арзубая выдѣлялся своими болѣе обширными размѣрами; у крыльца его развѣвались на длинныхъ шестахъ два трехцвѣтныхъ флага; нѣсколько флажковъ меньшаго размѣра украшали террасу, выходившую прямо на улицу.

Мы остановились у воротъ во дворъ, окруженный со всѣхъ четырехъ сторонъ амбарами и кладовушками и кликнули работника.

Онъ взялъ лошадь, а тѣмъ временемъ вышелъ на террасу и владѣлецъ дома — невзрачный татаринъ въ тюбетейкѣ на головѣ и съ достаточно непріятными глазами.

Мы поздоровались и объяснили цѣль своего визита.

Пока приказчикъ отвѣшивалъ и отмѣривалъ то, что намъ было нужно, Арзубай пригласилъ насъ въ комнаты; въ нихъ было чисто, но убранства въ нихъ почти никакого не имѣлось, если не считать дорожекъ на полу, да кое какой мебели; надъ дверями въ столовой красовались флажки изъ коленкора и разноцвѣтной бумаги; надъ одной висѣлъ бѣлый плакатъ съ надписью „добро пожаловать".

— Почему у васъ флаги вывѣшены?—освѣдомился я, будто не понимая въ чемъ дѣло.

— Андрэй Пэтровичъ у насъ стоялъ... Андрэя Пэтровича принимали!—съ акцентомъ, самодовольно отвѣтилъ Арзубай.

Держалъ себя Арзубай съ достоинствомъ; разсужденія его всѣ были такъ благонамѣренны, что помѣщай ихъ хоть въ прописи; нѣсколько разъ я подмѣчалъ бросаемые на меня

внимательные взгляды: онъ, видимо, старался угадать--кто такой скрывается подъ простой рубахой и опредѣлить курсъ своего поведенія со мной.

Какъ ни наводили мы разговоръ на цѣли собранія купцовъ у него въ домѣ, хитрый татаринъ не проговорился.

Что съѣздъ былъ, онъ подтвердилъ.

— Андрэй Пэтровича рады были всѣ повидать; хорошій человѣкъ: давно не видали!— таково было его поясненіе.

— А почему же Габаева не пригласили?— не выдержалъ Колесниковъ.

— Его было дѣло: отчего самъ нэ пріэхалъ? Никого не звали, всякій самъ ѣхалъ!

— Съ чего это нелады въ Бѣлоцарскѣ среди рабочихъ пошли?—спросилъ, какъ бы невзначай, я.

Арзубай усмѣхнулся и показалъ гнилые зубы.

— Не умѣетъ ладить съ людьми Габаевъ! отвѣтилъ онъ. — Дэнги не платитъ, ѣда не даетъ — всѣ недовольны имъ!

— Такъ ли это? А я вотъ слышалъ, будто купцы подстрекаютъ сойотовъ и рабочихъ? Не вышло бы изъ этого большого худа для нихъ!

Послѣднюю фразу я подчеркнулъ.

— Не знаю... мое дѣло сторона!—отвѣтилъ Арзубай и принялся вмѣстѣ съ женой угощать насъ чаемъ.

Татары здѣсь опередили уфимскихъ и женъ и дочерей своихъ не прячутъ.

Мы посидѣли немного, поговорили о разныхъ пустякахъ и, расплатившись за покупки, вернулись во свояси.

Насъ въ рощѣ ожидало все Бѣлоцарское общество: провизія была встрѣчена востор-

женно и сейчасъ же мы всей компаніей приступили къ ужину.

Стряпали его при помощи вертеловъ изъ прутьевъ дамы и Жужелъ; въ ведрѣ кипятили чай.

За ужиномъ пошли разсказы о тайгѣ и о случаяхъ изъ таежной жизни; кто то сообщилъ, что неподалеку находятся пещеры и всѣ порѣшили ѣхать на другой день осматривать ихъ; время въ разговорахъ летѣло незамѣтно и, когда гости поднялись, чтобы уходить по „домамъ", была уже глубокая, непроглядная ночь.

Нашъ лагерь освѣщался огромнымъ костромъ; ярко бѣлѣли двѣ ближайшія палатки и стволы тополей вокругъ насъ; дальше все принимало неясныя, нелѣпыя очертанія и утопало словно въ чернилахъ.

Посидѣвъ еще немного, разошлись и мы, обитатели рощи.

Ночью я проснулся: казалось, совсѣмъ близко, прямо на насъ, мчался курьерскій поѣздъ; шумъ его смѣнился гуломъ разъяреннаго морского прибоя; ревъ все увеличивался — розыгралась жестокая буря.

Благодаря мѣстоположенію лѣса, она захватывала только верхнія половины тополей и съ яростью рвала, ломала и мотала ихъ. Наши палатки, укрытыя высокою кручею берега, вѣтра не чувствовали.

Долго съ холодкомъ въ душѣ прислушивался я къ грохоту и реву: бури въ Урянхаѣ, опрокидывающія деревья, не рѣдкость и ежеминутное ожиданіе, что вотъ - вотъ на палатку рухнетъ трехъохватный гигантъ — не изъ особо пріятныхъ!

Утро выдалось веселое, солнечное; только множество сломанныхъ вѣтокъ, валявшихся на землѣ, свидѣтельствовало о пронесшейся бурѣ.

Едва успѣли мы напиться чаю, на краю обрыва показались, погромыхивая бубенцами, двѣ пары. Колесниковъ поспѣшно сталъ запрягать свою „бѣду“.

Габаевъ ухитрился раздобыть гдѣ повозку, гдѣ коней; сбруя на нихъ была вся изъ веревочекъ.

Кое какъ размѣстились мы въ горе-экипажахъ и, тарахтя и звеня всякой желѣзкой и гайкой, пустились по ровной какъ ладонь степи вверхъ по лѣвому берегу Енисея. Тѣ изъ нашихъ, для которыхъ не хватило мѣста въ экипажахъ, остались ждать другихъ лошадей.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бѣлоцарска показалась потемнѣвшая отъ времени ограда какой то заимки; за оградой виднѣлся производившій впечатлѣніе простого сруба домишко безъ крыши и два-три покривившихся сарая. Вокругъ нихъ не росло ни кустика; видъ заимка имѣла необыкновенно унылый и непривлекательный.

Габаевъ, самоотверженно возсѣдавшій въ „бѣдѣ“, подъѣхалъ къ намъ и сообщилъ, что заимка эта — главная резиденція Черневича, о которой со словъ послѣдняго у меня составилось представленіе какъ о настоящей помѣщичьей усадьбѣ.

Такъ онъ даже и именовалъ этотъ зубъ съ дупломъ, торчащій среди степи!

Скоро тропа вошла въ густой лиственный лѣсъ, все время закрывавшій отъ насъ воды Енисея. Нѣсколько разъ мы переѣзжали въ бродъ мелкіе протоки, взбирались на кручи, рушились съ нихъ и наконецъ благополучно выбрались на берегъ рѣки почти напротивъ

Щербаковскаго поселка. Всѣ, кромѣ Габаева съ Колесниковымъ.

Послѣдній, какъ бы для подтвержденія своихъ увѣреній, что его „бѣда“ — наилучшій въ мірѣ экипажъ, совершенно неспособный перевернуться, наѣхалъ на пень и мгновенно переселился вмѣстѣ съ Габаевымъ въ заросль крапивы и какихъ-то колючекъ, а „бѣда“ живописно легла на бокъ въ видѣ памятника.

Никакихъ непріятностей приключеніе это не причинило.

Чтобы привлечь вниманіе обитателей поселка, Габаевъ нѣсколько разъ выстрѣлилъ изъ револьвера; сигналы услыхали; на противоположномъ берегу показались люди и къ намъ отплыли двѣ лодки.

Мы оставили экипажи на лѣвой сторонѣ, сами же переправились въ поселокъ и стали разспрашивать о мѣстонахожденіи пещеръ.

Свѣдѣнія наши о нихъ оказались ошибочными: добраться до нихъ пѣшкомъ и вернуться въ тотъ же день было нельзя, и пришлось послать за верховыми лошадьми къ сойотамъ.

Тѣмъ временемъ въ избѣ у Щербакова накрыли на столъ и устроилось чаепитіе.

Пещеръ въ горахъ противъ поселка нѣсколько. Изъ окна дома Щербакова, въ известковыхъ отвѣсахъ дальнихъ горъ, ясно видны были высоко надъ землей два черныхъ отверстія: на глазъ казалось, что до нихъ не болѣе двухъ-трехъ верстъ, но рабочіе Щербакова утверждали, что болѣе десяти.

Ни хозяинъ, ни его служащіе въ нихъ никогда не были; отыскать проводника среди сойотовъ нечего было и думать, такъ какъ пещеры у нихъ пользуются особымъ почитаніемъ, какъ мѣстопребываніе духовъ, и ни одинъ сой-

отъ не поведетъ къ нимъ чужихъ людей. Приходилось ѣхать наугадъ.

Отставшей части нашихъ Бѣлоцарцевъ все не было и мы, взявъ въ провожатые одного изъ мѣстныхъ русскихъ, усѣлись на приведенныхъ сойотскихъ коней и рысью пустились черезъ степь къ горамъ.

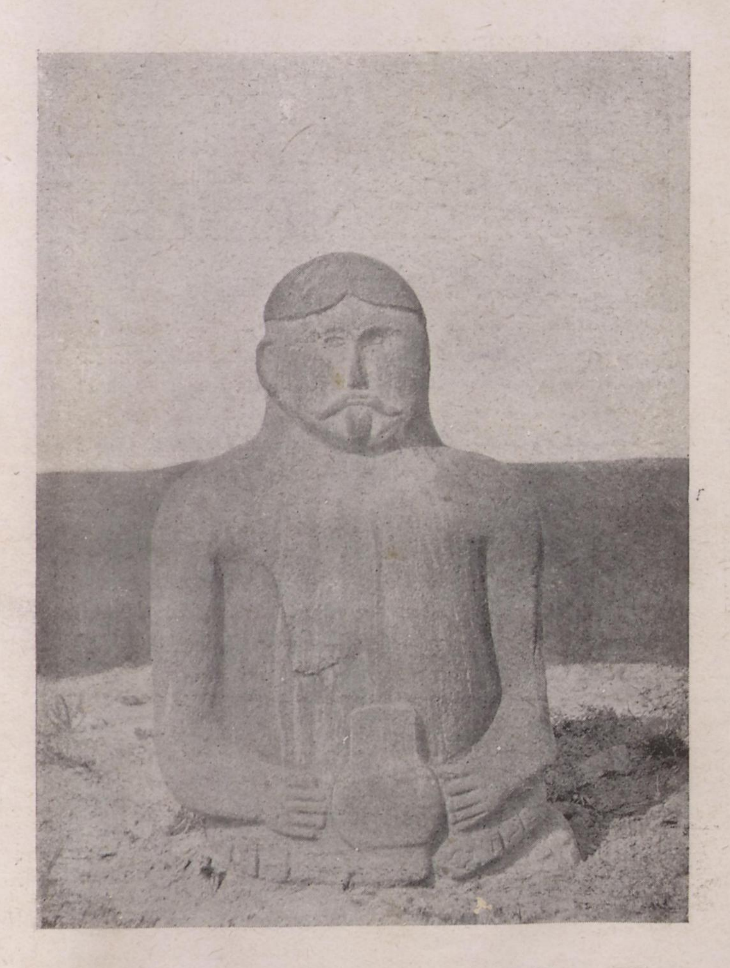
Каменныя, безлѣсныя гряды ихъ шли, все повышаясь, къ востоку. Пещеры видны были явственно и, казалось, такъ просто было попасть въ нихъ; дѣйствительность была другая.

Интереснѣйшею изъ пещеръ для меня была — самая страшная и самая священная въ глазахъ сойотовъ, существованіе которой они всячески скрываютъ отъ всѣхъ.

Одинъ изъ охотниковъ случайно набрелъ на это жилище духовъ, расположенное въ одной изъ горъ; къ ней ведетъ по отвѣсной скалѣ лѣстница. Пещера состоитъ изъ ряда подземныхъ комнатъ и галлерей, тянущихся неизвѣстно куда.

По смерти верховнаго первосвященника — хамбо-ламы, лицо, заслуживающее занятіе его должности, отводится въ эту пещеру и тамъ безотлучно должно пробыть цѣлый годъ въ полномъ уединеніи. Пищу и воду ему привозятъ сойоты и оставляютъ ее внизу, у скалъ. Если испытуемый выдерживаетъ искусъ — онъ признается достойнымъ и попадаетъ въ хамболамы. Но гораздо чаще случается, что кандидатъ въ первосвященники убѣгаетъ черезъ нѣсколько дней и даже, были случаи, сходитъ съ ума.

Вообразите себѣ одинокаго человѣка, полнаго вѣры во всякія сверхъестественности и находящагося въ вѣчной ночи подземныхъ ходовъ, какъ щупальцы спрута тянущихся изъ невѣдомыхъ глубинъ! Какъ должна отзываться



Гранитная статуя на такъ называемой могилѣ Чингизъ-Хана.

Хамбо-лама со своими приближенными.

душа его на каждый стукъ капли воды среди невыразимой словами тишины, на каждый обвалъ камня гдѣ-то во тьмѣ? А гроза въ горахъ, не рѣдкая въ этихъ краяхъ? Какимъ страшнымъ, мгновеннымъ свѣтомъ должна озарять она подземные, причудливые своды, какимъ гуломъ и хохотомъ должны отвѣчать на грохотъ грома пути изъ преисподней?!

Кавалькада наша длинною лентой втянулась въ каменистое ущелье.

Со всѣхъ сторонъ вставали обнаженныя скалы; только караганникъ нѣсколько оживлялъ унылый видъ заваленнаго камнями дна ущелья; особенно густо росъ онъ на попадавшихся чуть не на каждомъ шагу, круглыхъ монгольскихъ могилахъ.

Горныя куропатки, вспугиваемыя лошадьми, бѣжали изъ подъ самыхъ ногъ ихъ цѣлыми стаями. Дичи вообще въ Урянхаѣ изобиліе, куропатки же водятся въ баснословномъ количествѣ. Сойоты ловятъ ихъ петлями изъ волоса и истребляютъ сотнями тысячъ.

Черезъ небольшой перевалъ мы попали въ другое ущелье; по дну его, хоронясь подъ зелеными лиственницами, бѣжалъ „ключикъ“; мы попали на чудеснѣйшій лугъ съ густой травой, доходившей до ногъ всадниковъ.

Пещеры, глядѣвшія на поселокъ, исчезли; гребни другихъ горъ закрыли ихъ и, при полномъ отсутствіи слѣда какой либо тропки, только бывалый человѣкъ могъ не сбиться съ пути.

Солнце жгло крѣпко. Перевалы и спуски по едва проходимымъ кручамъ слѣдовали одинъ за другимъ.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ ущелье превратилось въ каменную гигантскую лѣстницу, шириною аршина въ два и стиснутую отвѣсными скалами, всѣ должны были спѣшиться и сперва

влѣзать вверхъ, а затѣмъ втаскивать за собою и коней.

Къ полудню мы очутились у подножія горы, имѣвшей видъ отколотаго куска чудовищнаго колокола; почти отвѣсный, нѣсколько выпуклый и обнаженный отъ растительности бокъ ея казался отлитымъ изъ одного камня; только на вершинѣ его, въ ложбинѣ сбоку, виднѣлись деревья.

Проводникъ далъ вздохнуть конямъ и потомъ зигзагами началъ взбираться вверхъ.

Цѣпляясь копытами за малѣйшія неровности, привычные сойотскіе кони направились за нимъ. Достаточно было поскользнуться коню — и онъ и всадникъ какъ съ ледяной горы скатились бы внизъ съ огромной высоты!

Но рискованный подъемъ кончился благополучно.

Почти у самой вершины проводникъ остановился и соскочилъ съ коня.

— Здѣсь! — крикнулъ онъ.

Мы окружили его и стали слѣзать съ сѣделъ; проводникъ отвелъ лошадей въ лѣсокъ и привязалъ ихъ къ лиственницамъ, а мы столпились на небольшой площадкѣ, среди которой чернѣло отверстіе аршина въ два въ поперечникѣ.

— Да это не то! — раздались восклицанія.

— Какая же это пещера?

Вернувшійся проводникъ нѣсколько сконфуженно заявилъ, что другой пещеры онъ не знаетъ и велъ насъ именно къ этой.

Дѣлать было нечего!

Глубина провала была сажени двѣ.

Я, какъ уже много разъ побывавшій на своемъ вѣку въ пещерахъ, рѣшилъ лѣзть первымъ. Меня обхватили по спинѣ и подъ

мышками запасенной веревкой, я повисъ надъ проваломъ и медленно сталъ опускаться внизъ.

На днѣ его было сыро и холодно.

Чтобы попасть въ пещеру, нужно было распластаться на землѣ и проползти подъ низкою известняковою аркою. Я зажегъ электрическій фонарикъ и, держа въ другой рукѣ револьверъ на случай встрѣчи съ какимъ нибудъ звѣремъ, осмотрѣлъ проходъ и не безъ труда протиснулся подъ каменнымъ пластомъ, аршина на два; затѣмъ я поднялся на ноги и зажегъ ленту магнія, всегда сопутствующаго мнѣ въ экскурсіяхъ.

Яркій синій свѣтъ озарилъ громадное подземелье съ причудливыми, высокими сводами. Полъ его былъ заваленъ камнями; на самой серединѣ, въ хаотическомъ безпорядкѣ, валялись почернѣлыя доски.

Одинъ за другимъ, словно изъ подъ земли появлялись мои спутники.

Мы обошли и осмотрѣли всю пещеру. Часть досокъ оказалась дверцами китайской работы; всѣ онѣ было остатками какой то постройки, словно наспѣхъ накиданными туда. Кромѣ нихъ мы отыскали нѣсколько костей животныхъ и одну человѣческую челюсть, отнюдь не древнюю. Самого черепа и никакихъ вообще другимъ предметовъ въ пещерѣ не оказалось.

Что означало присутствіе одной челюсти въ пещерѣ — не знаю, на двери же и доски, находившіяся въ ней, смотрю какъ на остатки добычи сойотовъ, запрятанной ими по укромнымъ мѣстамъ въ горахъ во время недавняго разгрома и изгнанія китайцевъ.

Прохладившись въ пещерѣ, мы не безъ труда вылѣзли на поверхность и принялись закусывать.

Сколько ни всматривались мы въ даль — отставшихъ товарищей видно не было.

Обратно мы вернулись другою дорогой — по самому гребню одного изъ горныхъ хребтовъ.

Солнце уже садилось, когда мы переправились на лѣвый берегъ Енисея къ нашимъ экипажамъ.

Кучеровъ при нихъ не оказалось. Мальчикъ, карауливщій лошадей, сообщилъ, что часъ спустя послѣ насъ, прибыла изъ Бѣлоцарска отставшая часть нашей партіи и наши возницы отправились съ ними въ пещеры.

Уже вечерѣло; ожидать, сидя въ бездѣйствіи около рѣки, намъ не улыбалось. Мы порѣшили оставить своихъ возницъ на попеченіе вновь прибывшихъ, размѣстились по повозкамъ и покатили.

Къ намъ съ женой усѣлся за кучера Колесниковъ: застоявшаяся пара бойко подхватила нашъ экипажъ; не прошло и четверти часа, правое колесо наше съ трескомъ ударилось обо что то, тяжъ лопнулъ и мы отъ толчка и внезапной остановки чуть не вылетѣли въ разныя стороны: Колесниковъ питалъ очевидную слабость къ пнямъ и опять наѣхалъ на одинъ изъ нихъ.

Поѣздъ нашъ остановился; всѣ поспѣшили на помощь и принялись приводить въ порядокъ порвавшуюся сбрую.

Габаевъ сердился; Колесниковъ сконфуженно оправдывался и винилъ пень, спрятавшійся въ кустахъ.

Подъ общій смѣхъ и остроты Колесниковъ былъ разжалованъ изъ кучеровъ и водворенъ въ собственную „бѣду" къ Габаеву.

Скоро сдѣлалось не видно ни зги. Кони бѣжали по степи наугадъ и, если не считать

за происшествіе, что Колесниковъ вывалилъ еще разъ на совершенно ровномъ мѣстѣ Габаева, то мы безъ всякихъ приключеній добрались наконецъ до священной рощи.

Тамъ пылалъ яркій костеръ: жена Колесникова ждала насъ съ чаемъ и ужиномъ.

Приблизительно черезъ полчаса подоспѣла и другая партія, привезшая и нашихъ кучеровъ. Она оказалась счастливѣе насъ: ей удалось отыскать священную пещеру.

Оживленные разговоры закипѣли за нашимъ столомъ.

Слухи про пещеру оказались вѣрными. Она расположена неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы были, въ совершенно отвѣсной стѣнѣ изъ скалъ, саженяхъ въ семи надъ подножіемъ ихъ. Попасть въ нее можно лишь по разсѣлинѣ, гдѣ стволъ лиственницы замѣнялъ лѣстницу.

Первая пещера имѣетъ видъ большой сводчатой комнаты; изъ нея въ глубь земли ведутъ нѣсколько низкихъ и узкихъ ходовъ, превращающихся мѣстами въ гроты разныхъ размѣровъ. И гроты и большіе корридоры остались необслѣдованными изъ за отсутствія времени и достаточнаго запаса свѣчей. Въ пещерахъ и корридорахъ висѣло множество обычныхъ жертвоприношеній сойотовъ — длинныхъ разноцвѣтныхъ ленточекъ; вездѣ стояли фигурки божковъ; въ одномъ изъ гротовъ находилось нѣсколько ящиковъ съ какими то рукописями.

Ни одной живой души въ пещерахъ не было: ихъ охраняли страхъ и благоговѣніе.

ГЛАВА XVII

Еще нѣсколько дней мы посвятили — жена отдыху въ Бѣлоцарскѣ, а я далекимъ охотничьимъ экскурсіямъ и развѣдкамъ въ области Большого Енисея, собиранію отъ старожиловъ и охотниковъ разныхъ свѣдѣній и археологическимъ работамъ.

Долина Большого Енисея и долина Малаго — два различныхъ міра.

Климатъ перваго суровѣе; снѣгу въ немъ выпадаетъ значительно больше и потому скотоводство тамъ до озеръ менѣе развито, чѣмъ на Маломъ Енисеѣ и обставлено болѣе трудными условіями.

Горы Большого Енисея въ общемъ менѣе каменисты, болѣе отлоги и почти сплошь покрыты вѣковыми лѣсами, дающими пріютъ всякому звѣрю. Эта суровая и пустынная область — Эльдорадо для охотниковъ, а въ будущемъ, по дружнымъ отзывамъ сибиряковъ-охотниковъ, станетъ тѣмъ же и для земледѣльцевъ, такъ какъ многія изъ долинъ ея, вродѣ Й, Таракема и другихъ сплошной черноземъ и, что особенно важно, въ искусственной поливкѣ не нуждаются.

Туземное населеніе весьма рѣдко: по отзывамъ тѣхъ же лицъ можно считать не свыше двухъ-трехъ юртъ на пятьдесятъ и даже болѣе квадратныхъ верстъ. Не много въ немъ и русскихъ поселковъ. Всѣ они жмутся по берегу Енисея, въ глубинѣ же впадающихъ въ него долинъ ихъ нѣтъ почти ни одного; сообщеніе между ними на телѣгахъ.

Большой Енисей и озера, расположенныя въ его верховьяхъ, изобилуютъ рыбой: сойоты не ѣдятъ ее и размножалась она здѣсь вѣками.

О туземцахъ-сойотахъ Большого Енисея отдѣльно говорить не стану.

Главныя монетныя единицы у нихъ — „головной" быкъ т. е. имѣющій свыше четырехъ лѣтъ; „торбакъ" — годовалый бычекъ и наконецъ — овца. Вѣсъ чистаго мяса головного быка до тридцати пудовъ; съ откормленнаго животнаго сала снимаютъ до девяти пудовъ.

16 го іюля раннимъ солнечнымъ утромъ мы отплыли въ дальнѣйшій путь, на Кемчикъ — важный притокъ Енисея.

Провожало насъ все Бѣлоцарское общество.

На балаганѣ плота была разбита наша палатка; надъ нею, на высокой мачтѣ, лѣниво колыхалъ тяжелыя черно-желто-бѣлыя складки громадный флагъ Габаева: послѣдній ѣхалъ съ нами до Джакуля.

Енисей казался расплавленнымъ серебромъ.

Скоро и кучка людей на берегу и строенія будущаго города скрылись за поворотомъ. Начались лѣсистые острова, безъ числа покрывающіе Енисей до самаго входа его въ Саяны.

Берега его словно кѣмъ то обсажены тополями. Они ютятся у самой воды и странно видѣть ихъ, подымающимися изъ разсѣлинъ и у подножія иззубренныхъ каменныхъ утесовъ, тамъ, гдѣ не растетъ даже трава и нѣтъ ни пяди земли!

Куда ни оглянись — на синемъ небѣ вѣнцы изъ обнаженныхъ горъ. То онѣ темно-красныя, то зеленоватыя, то желтыя. Выше ихъ, въ бездонной синевѣ плаваютъ кругами орлы.

То и дѣло изъ подъ берега шарахались, шлепая линяющими крыльями и пѣня воду, стада гусей и утокъ; старыя не летѣли, а бѣжали по водѣ съ поразительной скоростью; за ними стремглавъ слѣдовала молодежь.

На плоту ничто не зашелохнуло. Казалось, мы стояли неподвижно и только, быстро уходившiе назадъ берега и развертывавшiеся все новые и новые виды свидѣтельствовали о нашемъ ходѣ.

— Поддерживай корму!

— Бей вправо!

— Шабашь!—изрѣдка звучала команда лоцмана, сидѣвшаго на краю балагана и опять великая тишина зачаровывала насъ.

Вотъ гдѣ отдыхать, вотъ гдѣ лѣчиться усталымъ нервамъ!

— Далеко ли до Баянгола?—спросилъ я бородача лоцмана.

Онъ повелъ на меня взгядомъ и мотнулъ головой.

— А кто жъ его знаетъ?—отвѣтилъ онъ — утромъ будемъ!

На ночь мы причалили къ острову.

Кромѣ насъ на плоту ѣхало человѣкъ десять крестьянъ; сейчасъ же они, конечно, развели на низкомъ, песчаномъ берегу огонь и принялись за чаепитiе и ужинъ.

И опять темой для ихъ разговоровъ служили Вавилины, Медвѣдевы и Сафьяновы; опять со сдержанной злобой, прикрытой иронiей, отзывались они объ этихъ „благодѣтеляхъ“, позахватившихъ всѣ лучшiя мѣста, „которыхъ и сами не пашутъ и намъ не даютъ“.

Скоро всѣ угомонились.

Я долго сидѣлъ на стволѣ опрокинутаго дерева и слушалъ ночь.

Ровно шумѣла гдѣ то вдали вода; изрѣдка глухо перекликались въ черной тьмѣ голоса совъ. Миллiоны звѣздъ разгорались въ вышинѣ. Словно тающiй дымъ отъ гигантскаго костра, осыпавшаго все небо яркими искрами,

разстилался отъ края до края земли — великій млечный путь.

Основательно отсырѣвъ, вернулся я въ палатку и уснулъ такъ, какъ спятъ только за тысячу верстъ отъ городовъ.

Меня разбудилъ гомонъ и крики многихъ голосовъ: было уже позднее утро и плотъ нашъ стоялъ подъ высокимъ плоскимъ берегомъ у Баянгола.

Противъ него подымались изрытыя разсѣлинами и утесами, крутыя, обнаженныя, иззелено-черныя, словно бархатныя горы.

И Баянголъ и мѣсто слѣдующей нашей остановки — Шагонаръ — довольно большія, широко раскидавшіяся селенія. И въ нихъ прежде всего бросались въ глаза неряшливость, неустройство и отсутствіе крышъ.

Опять услыхали мы повальныя жалобы на воровство скота и лошадей сойотами — и это уже въ послѣдній разъ: дальше, съ Джакуля, начинается другой Урянхай — исключительно купеческій, съ одинокими большими и малыми факторіями вмѣсто селеній. За Джакулемъ кражи неизвѣстны.

Тамъ произнесено нойонами грозное veto и тамъ царятъ миръ и полная власть купцовъ.

И въ Баянголѣ и въ Шагонарѣ имѣются слѣды древнихъ „чудскихъ“ канавъ; вокругъ перваго не мало кургановъ. Среди пустынной степи стоятъ другъ противъ друга двѣ каменныя статуи, изображающія китайцевъ; близъ нихъ небольшія фигуры львовъ.

Среди мѣстныхъ сойотовъ живетъ глухое преданіе, что статуи охраняютъ мѣсто покоя какого то знаменитаго человѣка. Но какого, когда онѣ поставлены, кѣмъ — этого туземцы, даже старожилы, не помнятъ!

Баянголъ и Шагонаръ — мѣсто разведенія

самыхъ лучшихъ въ краѣ дынь и арбузовъ; хорошо тамъ родится и хлѣбъ, но опять таки при условіи искусственнаго орошенія.

Только переселенцы съ Кавказа, прекрасно умѣющіе подымать воду даже на высокія горы, могли бы какъ слѣдуетъ оживить Урянхай. Вотъ куда слѣдуетъ во всѣхъ смыслахъ направлять избытокъ населенія изъ Закавказья!

Въ Джакуль, или какъ произносятъ сойоты, въ Чакуль мы пріѣхали подъ вечеръ на другой день.

Селеніе это растянулось версты на двѣ вдоль лѣваго берега Енисея.

Наряду съ непокрытыми избами въ немъ имѣются и двухъэтажные дома на каменныхъ фундаментахъ, городского типа.

Мы остановились въ одномъ, принадлежавшемъ мѣстному торговцу, или какъ они сами называютъ себя — торгашу.

Почти сейчасъ же къ Габаеву явился мѣстный старшій выборный, владѣлецъ кожевеннаго завода и, поздоровавшись, сразу же заявилъ, что онъ совершенно не знаетъ, что ему дѣлать и кого слушать.

Дѣло оказалось въ слѣдующемъ.

До возникновенія Бѣлоцарска Джакуль былъ единственнымъ и самымъ важнымъ торговымъ пунктомъ Урянхая. Весь поселокъ сплошь состоитъ изъ купцовъ и занимается скупкою рѣшительно всего, что возможно достать въ краѣ и переправленіемъ купленнаго дальше, „въ міръ“.

Въ Джакулѣ сосредоточены главнѣйшіе склады и русскихъ товаровъ, привозимыхъ въ него зимой по единственному пути—по замерзшему Енисею. Въ крѣпко огороженныхъ высокими заборами дворахъ при каждомъ домѣ имѣются темные, освѣщаемые только откры-

тою дверью, склады и лавки; у воротъ и у крылецъ сидятъ злющія цѣпныя собаки.

Всѣ плоты, спускающіеся съ Большого и Малаго Енисеевъ, обязательно останавливаются въ Джакулѣ: сейчасъ же за нимъ Енисей входитъ, какъ въ ворота, въ дикія Саяны и до выхода изъ нихъ, т. е. на разстояніи четырехъ-пяти дней, нѣтъ по пути ни одного поселка, кромѣ нѣсколькихъ домишекъ, затерявшихся у подножія горъ противъ впаденія бѣшенаго Уса.

Въ Джакулѣ запасаются провизіей, а главное водкой; пьянство въ немъ шло невыразимое, вродѣ Знаменскаго; проѣзжіе буянили, учиняли драки, случалась и поножевщина.

Церенинъ, какъ онъ самъ сказалъ мнѣ, думая выбить клинъ клиномъ, собралъ Джакульцевъ и приказалъ имъ открыть общественную винную лавку. Наивный приказъ выполнили, лавку открыли и съ появленіемъ болѣе дешеваго вина пьянство и скандалы пошли сугубые.

Жители, наконецъ, взвыли и тогда Габаевъ приказалъ лавку закрыть.

Ее закрыли и стало потише.

Но вотъ за нѣсколько дней до нашего пріѣзда въ Чакуль пожаловалъ Церенинъ, вызвалъ старшаго выборнаго, накричалъ на него, обѣщалъ отдать подъ судъ и приказалъ лавку открыть опять немедленно.

— Вотъ слышите? — обратился ко мнѣ, крутя усы, Габаевъ. — Видите каково служить здѣсь?

— Не смѣть открывать лавку! — заявилъ онъ, обращаясь къ выборному: — я запрещаю!

Тотъ развелъ руками.

— А г. Церенинъ велѣлъ открыть ее:

черезъ недѣлю они назадъ съ Кемчика будутъ, такъ требуютъ, чтобы къ прiѣзду ихъ открыта была... Кого же слушать? Съ толку сбиты мы всѣ!... Что же это такое?

Я вмѣшался въ разговоръ.

— А г. Цер承инъ говорилъ вамъ, на чьей землѣ вы живете здѣсь?

— Говорили: на сойотской!

— Такъ какое же вамъ до него дѣло тогда? Онъ завѣдываетъ пограничными дѣлами на русской землѣ, а не на чужой. А титулъ г. Габаева — завѣдывающiй устройствомъ русскаго населенiя въ Урянхайскомъ краѣ: стало быть кромѣ него вамъ некого и слушать!

Наутомъ и порѣшили.

На другой день мы поднялись довольно рано.

Толстая, красивая хозяйка уже ожидала насъ на застекленной галлереѣ съ самоваромъ; столъ былъ покрытъ всякою горячею и холодною снѣдью и только что вынутыми изъ печи пирожками.

На просторномъ дворѣ слышались многочисленные голоса; у столба и забора стояли осѣдланные сойотскiе кони; снизу, въ дверь то и дѣло заглядывали плоскiя физiономiи ихъ владѣльцевъ.

Только что мы усѣлись за столъ, по деревянной лѣстницѣ, шатаясь изъ стороны въ сторону, поднялся какой то голодранецъ, босой, безъ шапки и въ разодранномъ грязнѣйшемъ халатѣ. Онъ сѣлъ среди пола и громко обратился съ какими то словами къ хозяину. Тотъ отвѣтилъ ему и продолжалъ бесѣду со мной.

Сойотъ вмѣшался опять; на нижнихъ ступенькахъ показалось еще нѣсколько чумазыхъ

сойотовъ и съ любопытствомъ уставились на насъ.

Пьяный сталъ вести себя все наглѣе: кричалъ, размахивалъ руками, вмѣшивался въ разговоръ и чесался самымъ отвратительнымъ образомъ,

Хозяинъ по сойотски урезонивалъ его.

— Да выгоните это животное! — не выдержалъ, наконецъ, я.

Хозяинъ осторожно поднялъ его и повелъ внизъ; сойотъ вырвался, опять влѣзъ наверхъ и брякнулся въ сидячей позѣ на полъ.

Его потащили снова, но черезъ минуту пьяная скопческая рожа опять сидѣла и орала среди пола.

Пришлось и здѣсь крикнуть и встать самому; рожу мигомъ подхватили ея сородичи, торчавшіе уже на верхнихъ ступеняхъ и сволокли на дворъ, откуда и продолжали доноситься пьяныя разглагольствованія.

— Отчего вы сразу не турнули его? — спросилъ я хозяина.

Тотъ улыбнулся, какъ бы извиняясь.

— Богатый онъ человѣкъ... уважаемый у сойотовъ... — пояснилъ онъ. — Лошадей у него для васъ я нанялъ: больше не у кого, а у него ихъ сколько хотите!

— Чего же онъ требовалъ отъ васъ?

— Да спирту: мало все имъ!

Мы закусили и пошли садиться; вещи, кромѣ бурокъ, оставили у хозяина, такъ какъ намъ предстояло вернуться дня черезъ три въ Джакуль для продолженія пути на Кемчикъ.

Цѣлью нашей краткой экскурсіи былъ осмотръ долинъ рѣкъ Куликэма, и Серлиха и Куртюшибинскаго хребта, достигающаго высотою до 1460 метровъ.

Въ долинѣ Серлиха расположены золотые пріиски Иваницкаго и мы рѣшили заѣхать и повидаться съ Порватовыми, жившими въ тѣхъ мѣстахъ.

Габаевъ собирался тѣмъ же путемъ пробраться дальше, къ себѣ въ Усинское.

Съ нимъ шли двѣ лошади съ вьюками; ихъ сопровождали казакъ и два сойота, въ томъ числѣ и нашъ Жужелъ.

Переправа на правый берегъ Енисея заняла порядочно времени.

Перевозчикомъ былъ полуголый, словно вылитый изъ бронзы, сойотъ; долбленый челнокъ подымалъ не болѣе двухъ людей. Пришлось разсѣдлывать и развьючивать коней, отдѣльно „переплавлять" сѣдла и вьюки и затѣмъ уже и четвероногую братію.

Наконецъ все было сдѣлано и устроено и мы, переѣхавъ въ бродъ еще два широкихъ, но мелкихъ, протока, вскарабкались на кручу и очутились на равнинѣ, усѣянной камнями и заросшей караганникомъ.

Насколько можно было охватить глазомъ — со всѣхъ сторонъ бѣлѣли безчисленныя насыпи изъ камней разныхъ размѣровъ. То и дѣло выбѣгали коричневые гуськи куропатокъ и прятались въ сосѣднихъ кустахъ.

Ширина равнины, вѣрнѣе вторичной террасы, достигала верстъ двухъ. За нею тяжкою, зелено-черною тучей закрывала полъ-неба цѣпь горъ.

Солнце пекло неистово. Съ наслажденіемъ въѣхали, наконецъ, мы въ неширокое ущелье, полное густого лѣса. Среди него шумѣлъ и пѣнился на камняхъ „ключъ" Куликэмъ.

Узкая тропа зигзагами и волнами вилась по скаламъ и каменнымъ осыпямъ, то спу-

скаясь къ шумѣвшей водѣ, то подымаясь на кручи. Рѣчку приходилось пересѣкать десятки разъ. То и дѣло, словно черные окаменѣлые потоки, попадались осыпи змѣевиковъ съ золотистыми лишаями на нихъ.

Кони осторожно ставили ноги на груды шатавшихся и гремѣвшихъ плоскихъ камней.

Весь массивъ хребта — древніе, до-кембрійскіе, зеленые сланцы, кое гдѣ прорванные зелено-каменными породами.

Мы ѣхали въ старое золотопромышленное гнѣздо и не лишнее будетъ заглянуть въ его исторію, разсказанную мнѣ старожилами.

Нѣкій Фунтиковъ, тотъ, что выведенъ В. Крестовскимъ въ „Петербургскихъ Трущобахъ" въ 1879 г. открылъ здѣсь золото.

Страна въ тѣ времена была еще китайскою и сдѣлать въ ней что либо Фунтикову было не подъ силу. Онъ подѣлился своей тайной съ минусинцемъ Гусевымъ, имѣвшимъ связи съ Петербургомъ. Въ дѣло вступилъ Денисовъ и въ качествѣ негласныхъ пайщиковъ привлекъ нѣсколько видныхъ Петербургскихъ сановниковъ.

Благодаря „сильнымъ рукамъ" компанія получила всякія дозволенія и приступила къ работамъ.

Въ накладѣ остался одинъ Фунтиковъ: на всемъ пространствѣ рѣкъ Серлиха, Золотой, Куртучикэма, Хайлыки, Юргуны, Куликэма, Серты, Чингекэма, Уюка, Темирсука и др. ему былъ удѣленъ только одинъ рудничекъ.

Работы велись ручнымъ способомъ — и сводились не къ выработкѣ пластовъ, а къ сниманію сливокъ съ нихъ: необъятность захваченныхъ мѣстъ дозволяла подобную роскошь.

За десять лѣтъ работы компанія получила 137 пудовъ золота; количество украденнаго

„подъемнаго“ т. е. самородковъ, по слухамъ было велико тоже.

Любопытная особенность этихъ мѣстъ та, что спутниками золота въ нихъ являлись серебро, платина и иридій. Послѣдній весьма рѣдокъ и рыночная стоимость его раза въ два превосходитъ стоимость платины. На кубъ (1.200 пудовъ) породы иридія приходилось до 25 долей.

Въ 1889 году работы компаніи остановились и съ тѣхъ поръ не возобновлялись, тѣмъ не менѣе какими то непостижимыми путями вся названная золотоносная площадь, а, главное, и вся вода, безъ которой немыслимо что либо дѣлать, продолжаютъ оставаться въ рукахъ компаніи и промывки золота никому не разрѣшаются.

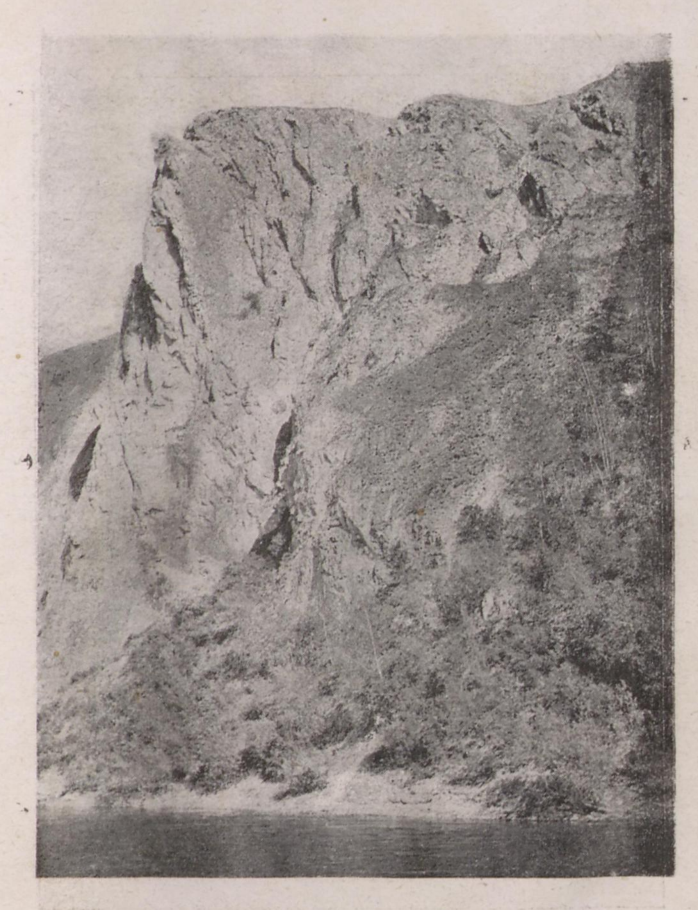
Какъ примирить хотя бы съ этимъ фактомъ слова Усинской администраціи, что Урянхай — не русская земля?

Свѣжо преданіе про дѣла, творившіяся на пріискахъ, а вѣрится съ трудомъ — до того кошмарна эта вчерашняя дѣйствительность.

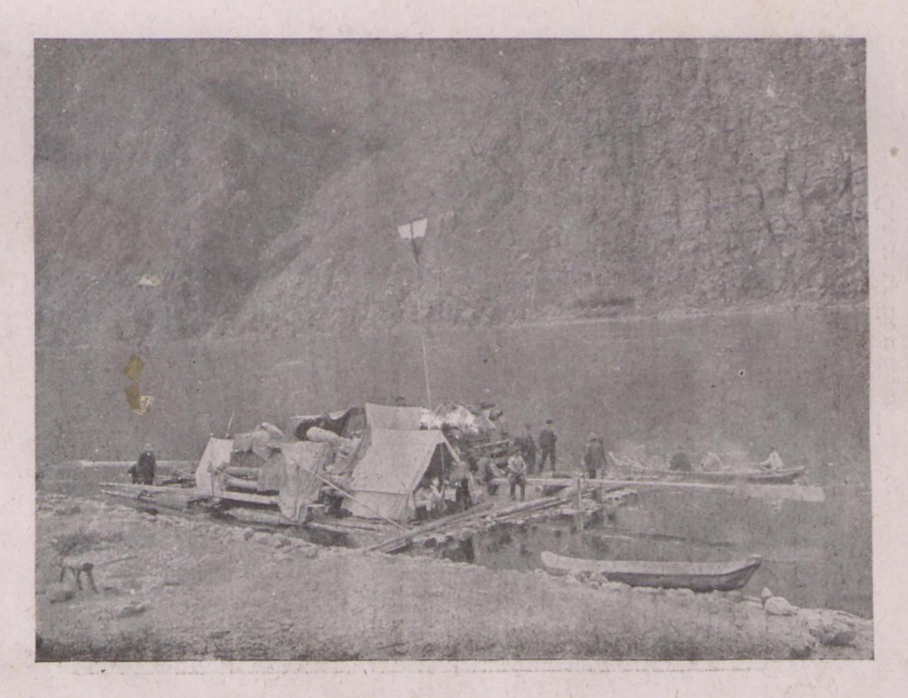
Рабочихъ кормили и одѣвали куда хуже арестантовъ. Подымали ихъ звонкомъ колокола еще затемно, въ 3 часа ночи; заканчивали работы при свѣтѣ зажженной бересты. На каждый день задавались уроки; двое человѣкъ съ одной хозяйской лошадью должны были выбросить изъ земли и вывезти зимой полтора, а лѣтомъ два куба, т. .е иными словами — до 2000 пудовъ земли.

Кто не успѣвалъ кончить — того пороли. Кромѣ порки виновныхъ привязывали на ночь къ деревьямъ.

За такую каторгу платили отъ 10 до 18 рублей въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ.



Скалы на Большомъ Енисеѣ



Плотъ С. Р. Минцлова въ пути изъ Бѣлоцарска въ Минусинскъ.

Чай и сахаръ рабочіе должны были пріобрѣтать изъ собственныхъ средствъ. Крупчатка выдавалась какъ бы въ видѣ награды — и то лишь однимъ служащимъ — по 20 фунтовъ къ Пасхѣ и Рождеству.

Каша людямъ варилась два раза въ недѣлю — по четвергамъ и воскресеньямъ; квасъ одинъ разъ въ годъ — въ маѣ мѣсяцѣ.

Полное безправіе и рабство — вотъ характерная особенность нашихъ южно-сибирскихъ пріисковъ. Исторія ихъ — сплошное черное пятно на имени человѣка. Особенно знамениты были своими звѣрствами управляющіе Братиловъ, Всеволодскій и Копыринъ, отличавшіеся на пріискахъ Подсосова въ Амыльской тайгѣ. Самымъ страшнымъ изъ всѣхъ пріисковыхъ Аракчеевыхъ былъ Копыринъ.

Если на глаза ему попадался рабочій въ веселомъ настроеніи, хотя бы уже окончившій свой урокъ — его немедленно отправляли на конюшню: по мнѣнію Копырина хорошій работникъ всегда долженъ былъ возвращаться измученнымъ.

Когда онъ показывался на дворѣ — все живое исчезало и пряталось; при рѣдкихъ посѣщеніяхъ имъ больницы — вѣрнѣе, жалкаго грязнаго подобія ея — больные выскакивали въ окна и, случалось, нерѣдко умирали тутъ же.

Ходилъ Копыринъ всегда съ толстою палкой и, если крѣпко стучалъ ею, значитъ, былъ не въ духѣ и особенно золъ.

Отъ Подсосова онъ перешелъ впослѣдствіи къ Кузнецову на Кызасъ.

Тамъ въ одно лѣто изъ 120 человѣкъ рабочихъ 40 умерло отъ цынги и 40 бѣжало, несмотря на привязыванье и строгіе караулы.

Цынга была постоянною гостьей на пріискахъ и по веснамъ рабочихъ какъ скотъ вы-

гоняли пастись въ тайгу: собирать и ѣсть черемшу.

И если таково было отношеніе къ русскому рабочему, то жизнь сойота считалась окончательно въ нѣчто такое, о чемъ говорить не приходится.

9 февраля, въ годъ посѣщенія мною Урянхая, на пріискѣ на Серликѣ на смерть задавило бревномъ сойота. Никакимъ властямъ, конечно, о происшествіи не заявили, трупъ вывезли въ пустынное мѣсто и выбросили.

Между сойотами начался ропотъ на опасность работъ. Чтобы успокоить ихъ, администрація пригласила ламу. Угощенный водкой лама спросилъ, въ какой день убило его сородича. Ему сообщили. Лама прочелъ молитву и объявилъ, что все обстоитъ какъ слѣдуетъ: погибъ умершій въ благополучный день и на томъ свѣтѣ будетъ ему хорошо. Взрослые дѣти — сойоты успокоились и все пошло по старому.

ГЛАВА XVIII.

Верстахъ въ 12—15 отъ Енисея, съ одной изъ горъ съ лѣвой стороны ущелья на насъ глянула пещера.

Толки о ней, вѣрнѣе о мертвецѣ, находящемся въ ней, я слышалъ еще въ Минусинскѣ.

Разсказывали, что въ горахъ противъ Джакуля лежитъ совершенно сохранившійся мертвецъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ „въ міру" выискался какой-то предпріимчивый странникъ, объявившій, что это мощи угодника и рѣшившійся проникнуть въ дикія горы и розыскать ихъ.

Замыселъ свой онъ привелъ въ исполненіе и поселился въ той же пещерѣ, наставилъ

въ ней иконъ и свѣчей и сталъ ожидать благодати въ видѣ даяній довѣрчивыхъ простаковъ.

Но, на бѣду о новоявленномъ чудотворцѣ узнали на Усу и, такъ какъ мертвецъ давно уже извѣстенъ въ Урянхаѣ подъ ироническимъ именемъ „сойотскихъ мощей“ и считается послѣдними за своего сородича, то пограничный начальникъ, исправникъ Чакировъ, командировалъ казаковъ и отшельника арестовали и выслали въ Красноярскъ.

Пещера находится довольно высоко въ горѣ. Мы привязали своихъ лошадей у ключа подъ деревьями и стали взбираться вверхъ.

Тропка едва замѣтною ниточкой бѣжала по каменнымъ осыпямъ; вглядѣвшись, можно было замѣтить, что она вилась по подобію дороги, сложенной кое-какъ изъ камней; въ особенно крутыхъ мѣстахъ были устроены ступени.

Отверстіе пещеры задѣлано сплошой деревянной перегородкой; казалось, что подъ нависшій тяжкою аркою массивъ горы спряталась фанза и выглядываетъ оттуда двумя оконцами.

Дверь въ пещеру была притворена.

Все, начиная съ тонкихъ досокъ стѣны, носило ни себѣ характерные слѣды работы китайскихъ рукъ.

Я открылъ дверь, вошелъ въ темную пещеру и зажегъ магній. Она не велика и имѣетъ видъ раковины со скошеннымъ, понижающимся, неровнымъ сводомъ. Справа на выступѣ скалы, какъ на естественномъ конакѣ, лежало что то безформенное, покрытое бурымъ тряпьемъ.

Я снялъ покрывало; открылась полусидѣвшая, полулежавшая человѣческая фигура. Большая типично-китайская, рыжая, голова ея съ рѣдкою, рыжею же бороденкой, была силь-

но запрокинута назадъ; на горлѣ зіяла широко разошедшаяся краями рана, обнажавшая позвонки. Трупъ сохранился хорошо: онъ весь высохъ, какъ это происходитъ всегда съ тѣлами лежащими въ пещерахъ и подземельяхъ.

Характеръ разрѣза на шеѣ и искаженное лицо не оставляли сомнѣній въ томъ, что смерть неизвѣстнаго была насильственная.

Какъ она произошла гдѣ — сойоты не знаютъ, но судя по начавшему расползаться на трупѣ платью — она не могла быть недавней.

Жужелъ съ почтеніемъ и страхомъ, косясь на посаженнаго мной мертвеца, вошелъ въ пещеру и сейчасъ же выюркнулъ обратно.

Мы послѣдовали за нимъ. Съ узенькой площадки у двери видъ на ущелье и горы открывался превосходный, но Габаевъ долго любоваться имъ не далъ.

— Надо спѣшить! — заявилъ онъ: не поспѣемъ иначе до ночи къ Порватовымъ!

Мы спустились къ конямъ, напоили ихъ и, оставивъ Жужела поджидать далеко отставшій караванъ, зарысили дальше.

Въ воздухѣ было тихо, но появились уже признаки, предвѣщавшіе скорую грозу или дождь: по поваленнымъ стволамъ деревьевъ усиленно забѣгали пестрые бурундуки, „Пить... Пить!..“ стали раздаваться въ безмолвной тайгѣ жалобные крики другого барометра лѣсовъ—желны—чернаго дятла съ краснымъ воротникомъ вокругъ шеи.

До Порватовыхъ было еще далеко: предстояло перевалить черезъ два хребта — весьма крутыхъ—и темнота могла заставить насъ ночевать въ лѣсу подъ дождемъ.

Былъ еще яркій, солнечный день, когда мы добрались до перваго перевала; тропа шириною въ

ладонь извивалась по почти отвѣсному откосу горы; саженяхъ въ двухстахъ ниже насъ, словно травка, зеленѣли лиственницы. Мѣстами тропку прерывали промоины; сойоты заложили ихъ небольшими стѣнками изъ камней и кони, чувствуя опасность, осторожно ступали на эти шевелившіеся мостики. Путешествующій по Урянхаю долженъ забыть о головокруженіи!

Къ солнечному закату мы поспѣли ко второму хребту. Подъемъ былъ невѣроятный по крутизнѣ и кони, тяжко храпя, останавливались отдохнуть послѣ каждаго десятка саженей. Тропы замѣтно уже не было; мы по козьему лѣзли вверхъ по выступамъ скалъ черезъ сосновый лѣсъ.

Позади насъ изъ за горъ выдвигалась задымленная черная туча; изрѣдка стали доноситься глухія, далекія погрохатыванья. Темнѣло съ каждой минутой.

На вершину хребта мы выбрались уже въ сумеркахъ и погнали усталыхъ коней рысью. Начался спускъ по широкой, размытой полосѣ водоспада.

Гроза настигала насъ и разбирать дорогу не приходилось; кони то и дѣло съѣзжали внизъ сидя на хвостѣ и тѣмъ не менѣе крупъ ихъ былъ настолько выше головы, что каждый мигъ они могли кувырнуться и совершить дальнѣйшее странствованіе колесомъ. Править ими уже не приходилось.

Наступила черная ночь.

Молніи яркимъ зигзагомъ вспыхивали то позади, то слѣва отъ насъ; на мигъ освѣщались противоположныя горы и лѣсистое ущелье, въ которое мы спускались. Земля сотрясалась отъ ударовъ и гула грома; казалось, что всѣ вершины проснулись и яростно отвѣчали грохотомъ и синимъ огнемъ.

Продираясь сквозь чащи кустовъ я услыхалъ голосъ нашего передового — Габаева, кричавшаго „сюда, сюда, ближе ко мнѣ, здѣсь провалъ. . . рѣка!"

Я свернулъ по направленію голоса и при свѣтѣ молніи различилъ ожидавшихъ меня жену и Габаева. Они стояли на краю отвѣснаго обрыва, на днѣ котораго при новой вспышкѣ я увидалъ рѣчку, усѣянную камнями: шума ея слышно не было — до того силенъ былъ ревъ тайги и начавшейся бури.

Около полуверсты мы проѣхали по краю обрыва, присматриваясь, не мелькнетъ ли гдѣ хоть намекъ на обвалъ для спуска; наконецъ Габаевъ нырнулъ внизъ, а за нимъ и наши кони. Черезъ нѣсколько минутъ подъ ногами ихъ забрызгала вода, загремѣли каменья, начался короткій подъемъ и мы выбрались на обнаженную совершенно гладкую равнину.

И только что кони ступили на нее, словно стрѣлы бичи засѣкли первыя еще рѣдкія крупныя капли дождя.

— Теперь гоните!—крикнулъ Габаевъ: — вонъ огонь видно, это у Порватовыхъ!

Началась бѣшеная скачка впотьмахъ.

Трудно передать какъ неотразимо влечетъ къ себѣ человѣка, затерявшагося въ такую ночь въ горахъ и въ тайгѣ, привѣтливое миганье огонька!

Карьеромъ мчавшіеся кони вдругъ остановились: при свѣтѣ молній можно было различить изгородь. Искать воротъ не приходилось; мы съ Габаевымъ выломали пару верхнихъ жердей, перевели коней черезъ нижнюю и поскакали дальше.

Черезъ минуту - другую мы уже стояли у темнаго крыльца; на топотъ коней, яростный собачій лай и нашъ зовъ выскочили какіе то

люди и едва мы успѣли взойти на ступени, словно градъ защелкалъ ливень.

Мы попали въ кухню. На встрѣчу намъ выбѣжала въ видѣ кудряваго румянаго мальчугана Марья Ивановна, обстриженная, въ бархатной курточкѣ и штанишкахъ. За нею показалось смуглое лицо Порватова.

Нечего и говорить, какъ взаимно пріятна была всѣмъ эта встрѣча и какъ радушно и хлѣбосольно приняли насъ милые хозяева!

Двое сутокъ мы провели у Порватовыхъ.

За это время мы ѣздили всѣмъ обществомъ въ горы, гдѣ Порватовымъ открыто жильное золото.

Названіе это чрезвычайно вѣрное: золото именно жилами тянется въ разныя стороны въ массивномъ, каменномъ тѣлѣ горъ. Задача инженеровъ—опредѣлить направленіе ихъ и вычислить приблизительный запасъ драгоцѣннаго металла. Для этой цѣли золотоносная площадь изрѣзывается канавами и такимъ путемъ прослѣживается направленіе и мощность жилъ, залегающихъ словно въ сахарныхъ бѣлыхъ, или желтоватыхъ кварцевыхъ пластахъ.

Рудное, или жильное золото требуетъ совсѣмъ иной разработки своихъ залежей. Чтобы извлечь его изъ кварцевъ, необходимы дорогія дробильныя машины, одна доставка которыхъ въ горы стоитъ безумныхъ денегъ; руда, превращенная при помощи машинъ въ мельчайшій песокъ, поступаетъ въ промывку и золото отдѣляется обычнымъ путемъ.

Запасы его въ Урянхаѣ громадны—пробы Порватова дали ему по 48 зол. на 100 пудовъ руды; другой рудникъ—Иваницкаго, уже разрабатываемый полнымъ ходомъ, даетъ до фунта.

Порватовъ показывалъ мнѣ документы съ

собственноручными помѣтками Церерина, свидѣтельствующими о невѣроятномъ непониманіи имъ своихъ задачъ и предѣловъ своей власти.

Порватовъ, восемь лѣтъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова лазившій по горамъ западнаго Урянхая въ поискахъ ископаемыхъ богатствъ, заключилъ съ мѣстнымъ нойономъ договоръ на право разработки найденныхъ имъ залежей. Сдѣлано это было въ силу того, что несмотря на взиманіе русской казной налоговъ, Церменъ нашелъ нужнымъ заявить, что земля принадлежитъ нойону и онъ воленъ разрѣшить или не разрѣшить работать на ней Порватову.

Когда договоръ былъ заключенъ, Церменъ, несмотря на то, что никто не жаловался и обѣ стороны были довольны, потребовалъ его къ себѣ и исчеркалъ и переправилъ нѣкоторые пункты въ пользу нойона.

Такъ напр. Порватовъ обязывался уплачивать ежегодно по 1.000 р. сверхъ договорной платы въ случаѣ, если кромѣ золота на отведенномъ для него участкѣ окажутся другіе драгоцѣнные металлы, или камни.

Церменъ опротестовалъ этотъ пунктъ и, когда Порватовъ поѣхалъ къ нему объясняться, заявилъ ему: — „помилуйте, а если вы платину найдете, тоже только по 1.000 р. добавлять нойону станете? Такъ нельзя, этого слишкомъ мало!“

Жаловался Порватовъ и на полное отсутствіе какой либо защиты русскихъ людей и русскихъ интересовъ. Въ самыхъ вопіющихъ случаяхъ дѣло начиналось и кончалось бумажною перепиской.

Къ счастью, судьба послала Порватову величайшую рѣдкость въ своемъ родѣ: справед-

ливаго сойотскаго чиновника, мѣстнаго районнаго начальника.

Имя этого уникума — Баразантай Кундю.

— Мы живемъ вмѣстѣ, — сказалъ Кундю, явившись къ Порватову по его вызову, — все у насъ должно быть по хорошему.

У Порватова была совершена сойотами кража мяса, и такъ какъ кражи и буйства ихъ начались безпрерывныя, то онъ принялъ энергичныя мѣры.

Кундю разобралъ дѣло и тутъ же на дворѣ приказалъ выпороть виновныхъ. По окончанiи экзекуцiи ихъ подвели къ крыльцу, на которомъ въ видѣ Будды возсѣдалъ Кундю; наказанные поклонились въ землю.

— А теперь, — важно изрекъ нелицепрiятный судья, — чтобъ больше не крали вы, налагаю на васъ штрафъ въ мою пользу — по одному быку!

Порватовъ насилу упросилъ Кундю уменьшить размѣры штрафа и тотъ „скинулъ" — ограничился пятью рублями.

Вѣсть о происшедшемъ быстро разнеслась по окрестностямъ и исчезло не только воровство, но даже слухи о немъ.

Такъ легко и быстро ликвидировалъ маленькiй сойотскiй чиновникъ то, съ чѣмъ не могъ справиться большой русскiй синьоръ!

Упомянувъ о сойотскомъ судѣ, скажу нѣсколько словъ и о другихъ порядкахъ и обычаяхъ туземцевъ.

Интересенъ у нихъ разводъ.

Если мужъ и жена задумаютъ разойтись, это дѣлается сейчасъ же извѣстнымъ цѣлому округу и къ юртѣ такой пары съѣзжаются старики.

Старикъ — у сойотовъ имя почетное. Привѣтствуя даже молодого человѣка, сойотъ, если

хочетъ высказать свое уваженіе ему, обязательно скажетъ — „здравствуй, старикъ“.

Пріѣзжіе усаживаются вокругъ огонька, пьютъ, ѣдятъ и все время уговариваютъ хозяевъ жить по хорошему. Бесѣда длится нѣсколько дней и затѣмъ гости разъѣзжаются.

Если пребываніе ихъ не подѣйствовало, черезъ нѣкоторое время старики собираются снова.

Помимо уговоровъ, длящихся опять нѣсколько дней, во второй разъ прибѣгаютъ къ легкому наказанію: старики между угощеніями слегка бьютъ по щекамъ виноватую сторону шагайтаромъ, — полоскою ремня, пальца въ два ширины и толщиною въ палецъ.

Короткій двухслойный ремень этотъ—вещь грозная. Чиновники наказываютъ имъ виновныхъ исключительно по щекамъ и отъ первыхъ же ударовъ лицо вздувается, кожа лопается и начинаетъ лить кровь.

Случается, что уговоры дѣлу не помогаютъ. Тогда въ третій разъ виновнаго порятъ „няшами“, т.-е. розгами.

Если, несмотря на это, и въ четвертый пріѣздъ стариковъ стороны продолжаютъ настаивать на разводѣ — ихъ обоихъ жестоко порятъ „хамчиляромъ“, т.-е. плетью и разводъ считается совершившимся.

Женщина, уходя отъ мужа, беретъ съ собой рѣшительно все, что принадлежало ей и надзоръ надъ тѣмъ, чтобы бывшій супругъ не обидѣлъ чѣмъ либо ее, у сойотовъ весьма строгій.

Судъ и расправа чинятся у нихъ слѣдующимъ порядкомъ.

Подозрѣваемаго въ преступленіи сойота призываютъ въ юрту и пришедшій садится

на корточки противъ чиновника. Сначала мирно бесѣдуютъ, подчуютъ другъ друга табачкомъ, затѣмъ начинается допросъ.

Какъ только заговариваютъ о дѣлѣ — хотя бы о самомъ маловажномъ, — сейчасъ же допрашиваемому связываютъ за спину руки.

Чиновникъ читаетъ ему нравоученіе и приказываетъ сознаться. Если подозрѣваемый отпирается, чиновникъ беретъ его за косу, притягиваетъ его голову къ себѣ на колѣни и начинаетъ дуть по щекѣ шагайтаромъ. На количество ударовъ не скупятся и упрямцамъ, бываетъ, выпадаетъ на долю съ сотню звѣрскихъ пощечинъ.

Если все же шагайтаръ оказывается безсильнымъ — примѣняется вторая часть „тосыра", т.-е девяти казней.

2) Манзаляръ—порка выстроганными, вродѣ сабель, прутьями.

3) Хамчиляръ — порка плетями.

4) Порка колючимъ караганникомъ, разрывающимъ тѣло какъ гвоздями.

5) Зажимъ и переломъ пальцевъ руки между палочками, въ просверленныхъ концахъ которыхъ продернуты ремни. Ремни стягиваются, боль усиливается и наконецъ пальцы оказываются сломанными.

6) Закручиванье черезъ лобъ вокругъ головы наказываемаго волосяного аркана.

7) Ставятъ наказуемаго голыми колѣнями на галькѣ; на ноги у колѣнъ кладутъ древесный стволъ и двое сойотовъ садятся на концахъ его.

8) Забивка подъ ногти заостренныхъ палочекъ изъ камыша.

9) Пытка дымомъ. Связываютъ виновнаго, между ногъ его пропускаютъ жердь и

подвѣшиваютъ его въ юртѣ надъ очагомъ внизъ головою. На очагѣ жгутъ пуки перекати - поля, дающіе ѣдкій и густой дымъ. Когда пытаемый впадаетъ въ безчувствіе, его снимаютъ и затѣмъ душатъ дымомъ снова.

Если сознанія въ важномъ преступленіи не послѣдовало и послѣ то-сыра, обвиняемый подвергается послѣднему, самому страшному, по сойотскимъ понятіямъ, хотя и безболѣзненному испытанію.

Это нѣчто вродѣ присяги.

Вбиваются два кола и между ними, низко надъ землей, протягивается веревка. На ней подвѣшиваются семь предметовъ, изъ которыхъ помню только голову собаки. Обвиняемый долженъ ползкомъ пролѣзть подъ ними и призвать ихъ во свидѣтели, что приписываемаго ему дѣла онъ не совершалъ.

Послѣ такой клятвы онъ освобождается, но бывали случаи, что рѣшившійся ложно присягнуть платился впослѣдствіи сумасшествіемъ.

Другая, — почти одинаково страшная для сойотовъ присяга — на ноздряхъ медвѣдя.

Клянущійся въ своей правотѣ обязанъ понюхать ихъ и если солжетъ—считаетъ себя обреченнымъ: медвѣдь долженъ растерзать его.

Если обвиняемый сознается — пытка останавливается; его нещадно порятъ и возмѣщаютъ убытки по невѣроятной таксѣ; такъ напр. за украденную овцу взыскиваютъ двадцать овецъ, при чемъ львиная доля отчисляется въ пользу судьи.

Споры гражданскаго характера сопровождаются у сойотовъ денежными штрафами, которые чуть не цѣликомъ поступаютъ въ пользу рѣшающаго дѣло чиновника; въ случаѣ несостоятельности отвѣтчика за него пла-

титъ все общество. Даже въ этого рода дѣлахъ употребляются пытки; имъ же подвергаются и запирающіеся, или подозрѣваемые въ этомъ свидѣтели.

Дѣла уголовныя—кражи и разбой влекутъ за собой — если виновный не можетъ откупиться — лишеніе руки или ноги. Этого рода дѣла рѣшаются при участіи всего общества, на мѣстѣ совершенія преступленія. Смертной казни нѣтъ—она совершалась только въ Улясутаѣ и только по приказанію дзянь-дзюня. Лишеніе рукъ производится главнымъ образомъ зимою: руку виновнаго туго перетягиваютъ узкимъ ремнемъ у кисти и привязываютъ ее обнаженной въ морозъ снаружи юрты; наказываемый стоитъ въ самой юртѣ. Пара часовъ—и дѣло кончено: омертвѣлая кисть отламывается. Ноги лишаются другимъ путемъ: ниже колѣна подъ нее покладывается толстая чурка и палачъ ударомъ дубины перешибаетъ кость; ногу не перевязываютъ и, если наказанный выживаетъ, то остается калѣкой.

На мой взглядъ главнѣйшая причина частаго воровства въ краѣ бѣдность. Она здѣсь невѣроятная и эксплоатація этой нищеты такая же.

Дисциплинированность сойотовъ вообще замѣчательная и нѣтъ и не было случая, чтобы какое либо распоряженіе сойотскаго чиновника, хотя бы самаго маленькаго, осталось не выполненнымъ.

ГЛАВА XIX.

Еще десятый - двѣнадцатый вѣкъ царитъ среди сойотовъ.

Бѣденъ и дикъ бытъ ихъ, но, какъ вообще всѣмъ кочевникамъ, близко стоящимъ къ при-

родѣ, имъ свойственны большая созерцательность и склонность къ поэзіи.

У нихъ множество легендъ и фантастическихъ сказокъ. Каждый перевалъ, каждая примѣчательная чѣмъ либо гора имѣютъ своихъ духовъ, свои исторіи.

Сойоты числятся ламаитами, но они совсѣмъ не религіозны.

Они боятся страшныхъ рожъ, наполняющихъ хуррэ, еще больше боятся ламъ — и только.

Вся сила вѣры ихъ сосредоточена на шаманствѣ. Шаманъ — первый человѣкъ среди нихъ; шаманъ знаетъ прошлое и будущее, онъ бесѣдуетъ съ духами и зло и добро въ его рукахъ.

Не рѣдки между сойотскими шаманами и женщины.

Въ шамановъ вѣрятъ не только сойоты, но и мѣстные русскіе и татары.

Старожилы и знатоки сойотскаго языка, много разъ имѣвшіе случаи наблюдать шамановъ, говорили мнѣ, что среди послѣднихъ имѣются замѣчательные ясновидящіе.

Прежде всего шаманъ — импровизаторъ; вдохновеніе доводится имъ искусственными мѣрами — обстановкой, звуками бубна, погремушекъ и т. д. до экстаза. И есть такіе импровизаторы, которые поражаютъ необыкновенной силой подъема въ высь, иначе говоря пробужденіемъ непознанныхъ еще человѣкомъ силъ, таящихся гдѣ то въ нѣдрахъ души его.

Есть, конечно, между ними и шарлатаны— люди бездарные.

Жизнь шамана течетъ особнякомъ и самыя похороны его отличны отъ обыкновенныхъ.

Мертвый шаманъ не долженъ касаться земли. Его завозятъ подальше въ степь или

горы отъ мѣстъ кочевій, на возвышеніи устраивается нѣчто вродѣ сруба съ помостомъ и на него кладется тѣло.

Къ срубу прислоняютъ бубенъ шамана, тутъ же кладутъ ножъ, употреблявшійся имъ и др. вещи. Въ особый туесокъ изъ бересты складываютъ побрякушки и предметы, служившіе ему въ цѣляхъ колдовства.

Курганъ шамана съ суевѣрнымъ страхомъ далеко объѣзжаютъ и сойоты и русскіе; никто не осмѣлится прикоснуться къ туеску и присвоить его имущество.

Мнѣ случайно удалось повидать такой курганъ: о немъ сообщили мнѣ русскіе рабочіе, случайно наткнувшіеся на него въ степи.

Вмѣсто тѣла, въ давно сгнившемъ и осѣвшемъ срубѣ, бѣлѣли кости; отъ бубна уцѣлѣлъ только огромный, какъ колесо, ободъ съ висѣвшими на немъ лохмотьями кожи; почернѣвшій туесокъ наполняли обрывки какой то сгнившей ткани, желѣзные подвѣски, раковины и штукъ десять русскихъ двугривенныхъ и мѣдяковъ.

Черепъ шамана свидѣтельствовалъ, что онъ принадлежалъ существу, несомнѣнно стоявшему выше средняго уровня его соплеменниковъ. Разумѣется, онъ попалъ ко мнѣ въ мѣшокъ вмѣстѣ съ туескомъ и потомъ, лежа съ другими черепами у моей палатки въ священной рощѣ Бѣлоцарска, пугалъ забредавшихъ иногда къ намъ сойотовъ.

Курганъ, на которомъ лежали кости шамана, былъ насыпанъ руками людей далекаго мѣднаго вѣка.

Отлично отъ обыкновенныхъ погребеніе, весьма рѣдкихъ въ краѣ, самоубійцъ.

Ихъ кладутъ на землю и надъ ними, ряда въ 4—5 устраиваютъ подобіе сруба изъ дере-

вьевъ, сложенныхъ въ клѣтку. Сверху срубъ прикрывается наглухо и священная птица сойотовъ—коршунъ—не прикасается къ тѣлу: оно предоставляется гніенію.

Для вывоза мертвыхъ къ мѣсту успокоенія, — по просту говоря въ степь, къ сѣдлу по бокамъ коня привязываютъ двѣ длинныя жерди; на другомъ концѣ ихъ, волочащемся по землѣ, укрѣпляютъ двѣ или три поперечины; на нихъ кладутъ мертваго, въ сѣдло садится сойотъ и покойникъ совершаетъ такимъ образомъ свое послѣднее путешествіе.

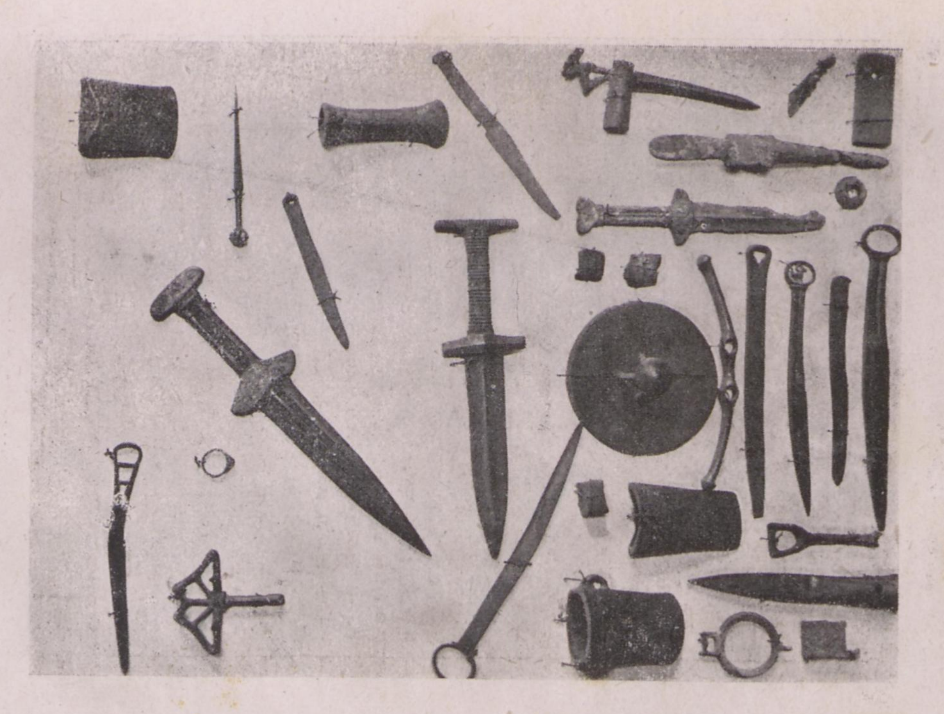
Бываютъ случаи, что вѣчно голодныя собаки черезъ день - другой послѣ похоронъ— притаскиваютъ въ юрту руку, или другую часть тѣла покойника.

Сойоты не отнимаютъ у нихъ добычи и спокойно смотрятъ на пиршество собакъ и коршуновъ.

Замѣчательно то, что когда смертельно заболѣваетъ сойотъ — надъ юртой его начинаютъ плавать въ небѣ предвѣстники смерти, коршуны, почитаемые здѣсь священными. И какъ только трупъ отвязывается отъ перекладины и остается на землѣ — на него бросаются сотни этихъ громадныхъ птицъ и въ нѣсколько часовъ отъ мертваго остаются только бѣлѣющія среди степи кости.

Съ тяжело больными и дряхлыми близкими сойоты поступаютъ почти такимъ же способомъ: юрты снимаются и уходятъ, а больные и старые остаются на произволъ судьбы. Помимо полнѣйшаго равнодушія сойота къ смерти здѣсь близкими движетъ боязнь разоренія: бичъ Божій для края—это ламы. Какъ только они узнаютъ, что имѣется въ юртѣ умирающій—сейчасъ же они являются цѣлыми стаями для совершенія молитвъ и въ продол-

Ваза бронзоваго вѣка изъ Бай-тайги



Предметы бронзоваго вѣка изъ Урянхайскаго края.

женіе многихъ дней буквально обжираютъ и обдираютъ хозяевъ: такія молитвы и похороны зачастую даже богатыхъ людей превращаютъ въ нищихъ.

Ламы, водка и сифилисъ — вотъ три бича, губящихъ несчастныхъ сойотовъ.

Выше я упоминалъ о клятвѣ сойотовъ на ноздряхъ медвѣдя.

Медвѣди въ лѣсистыхъ частяхъ края многочисленны. Это самый страшный обитатель, вѣрнѣе хозяинъ тайги и горъ, часто достигающій громадныхъ размѣровъ.

Сойоты вѣрятъ въ безсмертіе духа животныхъ и потому, убивъ медвѣдя, охотникъ падаетъ передъ нимъ ницъ, затѣмъ стоя на колѣняхъ протягиваетъ къ нему просительно сложенныя руки.

— „Уще каярканъ!“ (пощади, медвѣдь), говоритъ сойотъ: — „не я тебя убилъ, а тотъ, кто послалъ меня!“

У мертваго медвѣдя немедленно отрѣзываются когти и носъ и выламываются клыки: такимъ путемъ охотникъ думаетъ обезвредить духъ медвѣдя, лишивъ его обонянія и орудій нападенія.

Сойоты—недавніе гости въ краѣ; это подтвердили археологическія изслѣдованія, производившіяся мною во время поѣздки. Нѣтъ сомнѣнія, что они откочевали за Саяны подъ напоромъ казаковъ и тамъ подпали подъ вліяніе монголовъ.

Народъ сойоты мелкій; объѣхавъ весь край и, побывавъ на разныхъ многолюдныхъ сборищахъ ихъ, я ни разу не встрѣтилъ сойота хотя бы одинаковаго роста со мною (2 арш. 8 в.); огромное большинство ихъ приходилось мнѣ по плечо и ниже.

Насколько низко стоитъ по своему раз-

витію этотъ народъ, показываетъ отсутствіе въ его лексиконѣ слова „спасибо“ и вообще всякой благодарности. Если вы кинете кость собакѣ — она вильнетъ хвостомъ; если дадите что либо сойоту, онъ, въ лучшемъ случаѣ, довольно улыбнется, и скажетъ — „а-а...“

Племя это вымирающее. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною отъ фельдшеровъ и доктора, практиковавшихъ среди сойотовъ, послѣдніе чуть не сплошь сифилитики; безносыхъ среди нихъ множество. 80 процентовъ всѣхъ заболѣваній приходится на названную болѣзнь и, если прибавить къ этому ихъ страсть къ водкѣ, которую они гонятъ изъ молока (арака), распространяться о причинахъ вымиранія не приходится. Второе мѣсто по количеству заболѣваній занимаютъ желудочныя.

Сойоты ѣдятъ что попало: падаль, валявшаяся нѣсколько дней въ степи и провонявшая до нестерпимости, пожирается ими съ небрезгливостью голодной собаки; разлагающіеся трупы утонувшихъ козловъ, барановъ и т. п. — все поступаетъ въ ихъ желудки.

— Богъ скотинку послалъ!—весело заявляютъ они въ такихъ случаяхъ.

Богатство сойота — его скотъ; во всемъ остальномъ онъ нищій. Значительное количество народа бѣдно и скотомъ и въ этомъ виновны главнымъ образомъ, недоброй памяти въ краѣ, китайскіе, а затѣмъ и русскіе купцы. Китайцевъ изгнали во время китайской революціи, а русскіе остались и благоденствуютъ, хотя уже теперь времена и для нихъ измѣнились къ худшему.

То, что я слышалъ, объѣзжая край, отъ многихъ и многихъ людей невѣроятно, но... было! И было, такъ сказать, вчера, творилось руками здравствующихъ по сей день людей.

Сойоты совершеннѣйшія дѣти. Всякая нужная и ненужная, но блестящая дрянь соблазняетъ ихъ. Торговля почти цѣликомъ до сихъ поръ ведется у нихъ мѣновая, а каковы были расцѣнки русскихъ товаровъ, приведу примѣры.

Коробка спичекъ вымѣнивалась на овцу; пачка въ десять коробокъ — на „торбака“ — годовалаго бычка, являющагося въ Урянхаѣ главною монетною единицей: счетъ тамъ идетъ на овецъ, торбаковъ и затѣмъ на “головныхъ“ быковъ (четырехлѣтокъ)

Отличительная черта сойотовъ — большое миролюбіе и еще большая трусость. Убійство у нихъ явленіе неслыханное и даже такой переворотъ, какъ повсемѣстное изгнаніе кровопійцъ—китайскихъ купцовъ и чиновниковъ, пользовавшихся самою широкою ненавистью, обошелся безъ пролитія крови: факторіи китайцевъ пожгли, товары ограбили, а владѣльцевъ только выставили „честью“ во свояси.

Особенно охотно сойоты набираютъ товары въ долгъ; берутъ при этомъ все, что видятъ глаза. Купцы нарочно стараются всучить имъ всего въ кредитъ какъ можно болѣе: дѣло въ томъ, что у сойотовъ у каждаго „сумо“ (волость) существуетъ круговая порука и купецъ съ лихвой взыскивалъ потомъ всѣ долги съ сумо черезъ чиновниковъ и нойоновъ, а у неисправныхъ должниковъ отбирался послѣдній баранъ и они „доплачивали“ общинѣ своими спинами.

О фортеляхъ г. г. купцовъ можно бы было написать цѣлые томы. Приведу одинъ, имѣвшій мѣсто въ самое недавнее время.

Лѣтъ семь тому назадъ, нѣкто роздалъ сойотамъ въ кредитъ четыреста пачекъ спичекъ и условился получить за нихъ весной такое же количество торбаковъ.

Пріѣхалъ этотъ купецъ весною, опять роздалъ въ долгъ товары, а о торбакахъ — ни слова; сойоты, конечно, сами не стали напоминать про свой долгъ и купецъ уѣхалъ.

Пріѣхалъ онъ еще черезъ годъ — опять о торбакахъ ни слова. Является онъ, наконецъ, на четвертый годъ и говоритъ — а ну-ка, братцы, гоните-ка мнѣ моихъ быковъ!

— Какихъ быковъ?—спрашиваютъ сойоты. — Мы же вѣдь тебѣ торбаковъ должны.

— Э! — заявилъ купецъ: — торбаками то они три года тому назадъ были, когда я покупалъ ихъ, а теперь они выросли! гоните-ка сюда четырехлѣтокъ!

Сойоты запротестовали. Тогда купецъ обратился къ старшинамъ. Тѣ думали, рядили и рѣшили, что онъ правъ.

Надо замѣтить, что покорность малѣйшему слову старшихъ, т. е. чиновниковъ, у сойотовъ изумительная. Четыреста великолѣпнѣйшихъ быковъ были пригнаны и талантливый россіянинъ послалъ ихъ въ Иркутскъ черезъ Монголію. Эго обычный путь стадъ, проходимый ими по безплатнымъ, привольнымъ пастбищамъ въ три мѣсяца; въ Иркутскъ быки прибываютъ въ такомъ упитанномъ видѣ, что поступаютъ прямо на бойню.

Каковы въ Урянхаѣ цѣны на разные продукты русскаго производства, ясно изъ слѣдующаго: въ Россіи коробка въ двѣсти пятьдесятъ пистоновъ стоитъ отъ двадцати до сорока копѣекъ. Въ Урянхаѣ купцы продаютъ ихъ сойотамъ поштучно и за десять штукъ берутъ по бѣлкѣ — т. е. по тридцать пять—сорокъ копѣекъ.

Такимъ путемъ богатѣли и составили себѣ состоянія всѣ мѣстные купцы.

Всѣ они изъ Минусинскихъ крестьянъ. Нынѣ они владѣльцы такихъ пространствъ земли, услыхавъ о которыхъ половина германскихъ герцоговъ посѣдѣла бы отъ зависти. Пріобрѣтены эти баснословныя пространства были за дешево: за водку и разнаго рода подарки нойонамъ.

Въ чемъ сойоты великіе мастера — это верховая ѣзда. По головоломнымъ кручамъ, по узенькимъ тропкамъ надъ пропастями, гдѣ страшно ѣхать и шагомъ, онъ, горланя пѣсню, дуетъ себѣ во весь конскій духъ; сидитъ на конѣ какъ приросшій и отмахать такимъ образомъ въ день восемьдесятъ верстъ для него сущіе пустяки.

Не разъ приходилось мнѣ видѣть вдребезги пьяныхъ сойотовъ; — валится съ ногъ поминутно, а добрался до коня, попалъ на сѣдло — и чертъ ему не братъ! Гонитъ коня во всю прыть, оретъ, машетъ руками, шатается изъ стороны въ сторону, но падаетъ только вмѣстѣ съ лошадью. Видѣлъ я такія пьяныя скачки по горамъ и въ ночную пору и какому шайтану они молятся о сохраненіи ихъ шеи — не знаю!

На второй день нашего пребыванія Порватовъ послалъ гонца за шаманомъ и хемилярами и подъ вечеръ подъѣхалъ худощавый старикъ въ кирпичнаго цвѣта халатѣ: съ нимъ прибылъ помощникъ его съ огромнымъ бубномъ и какимъ то одѣяніемъ, перекинутымъ черезъ переднюю луку сѣдла.

Пока шамана угощали на кухнѣ чаемъ и водкой, у крыльца собралась толпа сойотовъ человѣкъ въ пятьдесятъ: вѣсть о томъ, что у насъ будутъ шаманить, разнеслась по окрестностямъ какъ по телеграфу и, конечно, номады не могли упустить такого зрѣлища.

Почти половина собравшихся были женщины, преимущественно молодыя; между ними виднѣлись довольно смазливыя, смугло румяныя лица съ задорно искрящимися черными глазами.

Когда шаманъ былъ ублаготворенъ какъ слѣдуетъ, на дворѣ передъ крыльцомъ стали раскладывать большой костеръ. Мужчины тѣсной стѣной усѣлись по одну сторону его, женщины помѣстились особо, подъ угломъ къ нимъ.

Шаманъ сошелъ съ крыльца и сталъ облачаться. На немъ очутилось длинное темное платье, съ безчисленными хвостами внизу, все увѣшанное полосками тканей и погремушками, звякавшими при каждомъ его движенiи. На голову шаманъ надѣлъ высокую корону изъ перьевъ совы и другихъ ночныхъ птицъ.

Помощникъ, облачивъ его, сталъ грѣть надъ огнемъ бубенъ, пробуя въ то же время звукъ его: кожа сырѣетъ, ослабѣваетъ и инструментъ требуетъ настройки.

— Что хочетъ узнать господинъ?—задалъ шаманъ вопросъ, переведенный мнѣ Жужеломъ.

Шаманить по пустому, т. е. предстать передъ нами въ качествѣ простого актера шаманъ никогда не согласился бы и потому, вызывая его, Порватовъ велѣлъ передать, что къ нему прибыли гости, желающiе узнать будущее.

— Господинъ ѣдетъ въ далекiй путь, на Кемчикъ,—отвѣтилъ за меня Порватовъ: — благополученъ ли будетъ путь его?

Шаманъ важно кивнулъ головою, принялъ отъ помощника бубенъ, попробовалъ его, погрѣлъ опять надъ костромъ и съ силой ударилъ по немъ свободной рукою.

Гулкіе, глухіе удары, словно звуки сполоха, посыпались одинъ за другимъ. Сойоты притихли. Шаманъ творилъ заклинанія и вызывалъ духа.

Всходилъ полный яркій мѣсяцъ. Четко рисовались на синеватомъ небѣ вершины и скаты горъ; правая сторона вытянутаго кольца ихъ стояла черная и взъерошенная. Костеръ освѣщалъ внимательныя напряженныя лица номадовъ, сидѣвшихъ, подогнувъ подъ себя ноги, и царившую надъ ними фантастическую фигуру шамана.

Онъ началъ мѣрно вращать верхнюю часть своего тѣла; платье его съ укрѣпленными на подолѣ желѣзными завитушками стало описывать полукруги, зазвенѣло и залязгало; къ грохоту бубна прибавился свистъ вѣтра.

Шаманъ звуками изображалъ приближеніе духа, сопровождаемое грозой и бурей. И вдругъ непогода разомъ стихла.

Шаманъ, вперивъ глаза во мракъ, забормоталъ какія то слова и опять, но уже легонько, ударилъ въ бубенъ: явственно послышался топотъ скачущей лошади, онъ все усиливался, перешелъ въ карьеръ и наконецъ затихъ въ отдаленіи. Сходство было поразительное.

— Послалъ! — кратко, но многозначительно сообщилъ мнѣ Жужелъ.

— Кого послалъ? Куда?

— Чертей! — наивно пояснилъ мнѣ Жужелъ — на Кемчикъ. Теперь ждать надо, пока вернутся!

Черти не возвращались долго. Шаманъ выкликалъ свои заклинанія, билъ въ бубенъ — ихъ все не было. Чтобы вернуть ихъ поскорѣе, онъ приказалъ женщинамъ тянуть себя въ разныя стороны за платье; онѣ окружили его и, пересмѣиваясь и поглядывая на насъ, исполнили приказаніе.

Бубенъ гудѣлъ монотонно. И вдругъ вдали чуть простучали копыта коня; онъ все приближался, можно было поклясться, что кто то мчится къ намъ въ темнотѣ во весь опоръ.

Грохнулъ сильный ударъ; все стихло, шаманъ опять заговорилъ съ невѣдомымъ.

— Будетъ хорошо...—перевелъ намъ Жужелъ: — поѣдешь благополучно. И увидишь тамъ большого человѣка и большой человѣкъ тебѣ хорошее слово скажетъ!

Шаманъ былъ блѣденъ и выглядѣлъ очень усталымъ; на лбу его, словно роса, выступилъ потъ.

Онъ отдалъ помощнику бубенъ и потребовалъ ножъ. Ему подали перочинный, онъ раскрылъ свой ротъ, высунулъ языкъ и дважды глубоко прорѣзалъ его по всей длинѣ; кровь наполнила ротъ. Я отвернулся.

Фокусъ этотъ продѣлывается шаманами весьма часто: употребляю слово фокусъ — но не ручаюсь за его вѣрность, такъ какъ отвращеніе не позволило мнѣ прослѣдить какъ слѣдуетъ всю операцію.

Шаманъ разоблачился и его повели угощать водкою; сойоты шумно бесѣдовали между собою, затѣмъ изъ толпы ихъ вышли три хемиляра и сѣли на корточкахъ около ступеней крыльца, гдѣ размѣщались мы.

Хемиляры — это пѣвцы, но пѣвцы совершенно особенные.

Они перекинулись нѣсколькими словами; всѣ затихли.

Словно гобой не громко взялъ ровную, длительную ноту; на фонѣ ея повели дикую оригинальную мелодію дисканты—концертино...

Пѣвцы сидѣли побагровѣвъ: хемиляръ не

поетъ, а пользуется горломъ какъ духовымъ инструментомъ и дыханія не переводитъ.

— Хо! - разомъ оборвалось пѣніе и хемиляры тяжко задышали.

Черезъ минуту они начали снова.

Кто слышалъ жалѣйку ночью въ степи, тотъ слышалъ и прообразъ ея, хемиляра, и пойметъ чувство, охватившее меня.

Я замечтался; сѣдая древность въявь окружила меня.

Пѣніе смѣнилось разсказами.... На сцену выступилъ Орюзолъ—сирота и злой Караханъ и его сынъ и ихъ приключенія, потомъ легенда о Бай-тайгѣ, горѣ, находящейся на Кемчикѣ и т. д.

Поздно ночью мы ушли въ домъ ужинать и затѣмъ спать.

А подъ окнами на дворѣ продолжалось угощеніе сойотовъ и долго, чуть не до свѣта, слышались пѣсни и взрывы то смѣха, то криковъ и ржанье коней, ожидавшихъ хозяевъ у приколовъ.

ГЛАВА XX.

Утромъ на другой день мы пустились въ обратный путь.

Габаевъ еще наканунѣ выѣхалъ въ противоположную сторону, на Усъ, со своимъ человѣкомъ, взявъ съ меня слово, что я вернусь съ Кемчика въ Бѣлоцарскъ ко дню задуманнаго имъ торжественнаго освященія и закладки города.

Хозяева верхомъ проводили насъ за первую гору и мы разстались, добавлю, не безъ сожалѣнія.

Въ далекихъ краяхъ люди сходятся быстро и одиночество выучиваетъ дорожить рѣдкими встрѣчами съ соотечественниками.

По дорогѣ, на одномъ изъ ручьевъ, мы встрѣтили русскаго „хищника" вмѣстѣ съ женой и сыномъ лѣтъ 10, промывавшихъ самымъ первобытнымъ путемъ золотоносный песокъ.

Завидѣвъ насъ, хищники было спрятались, но, убѣдившись, что мы не „начальство" вышли изъ кустовъ и стали заниматься своимъ прибыльнымъ дѣломъ.

Съ закатомъ солнца мы стояли на берегу Енисея.

Если бы пожаръ охватилъ весь земной шаръ — небо не могло бы быть залито болѣе яркимъ заревомъ. Красныя и малиновыя пятна разныхъ оттѣнковъ сплошь покрывали его. Ширь Енисея отсвѣчивала багрецомъ. Стояла тишина, особая тишина передъ ночью, изрѣдка нарушавшаяся соннымъ ворошеньемъ утокъ въ камышахъ и, еще рѣже, ихъ говоромъ.

Краски неба тускнѣли быстро.

Переправившись черезъ рѣку, мы сѣли опять на мокрыхъ, точно атласомъ обтянутыхъ, коней своихъ; все потухло. Наступила ночь, Джакуль уже свѣтился огоньками, когда мы подъѣхали къ воротамъ дома торговца, у котораго оставались наши вещи.

На зорькѣ Жужелъ разбудилъ насъ.

На дворѣ уже позванивала колокольцами тройка сѣрыхъ коней, запряженная въ плетеный коробокъ. Отъ Джакуля до Кемчика считаютъ 80 верстъ. Перегонъ предстоялъ трудный по дикой, совершенно пустынной и безводной степи.

Подкрѣпившись по-сибирски, т.-е. чуть не цѣлымъ обѣдомъ, мы распрощались съ хозяевами и стали усаживаться въ экипажъ; коней

держали подъ уздцы, ворота были распахнуты настежь.

Тройка ринулась по буеракамъ и рытвинамъ и понеслась по степи. Насъ подшвыривало какъ мячики; нѣсколько вещей вылетѣло за бортъ плетушки. Ямщикъ, отвалясь на насъ, изо всей силы тянулъ возжи, но это не помогало: коренникъ его имѣлъ обычай сумасшествовать по крайней мѣрѣ полчаса послѣ выѣзда. Мы описали нѣсколько круговъ — коренникъ все не успокаивался.

Пришлось остановиться; ямщикъ выпрягъ „дурного" коня, сѣлъ на него верхомъ и поскакалъ за другой лошадью.

Не раньше какъ черезъ часъ удалось намъ двинуться дальше.

Верстахъ въ 4-5 отъ Джакуля дорога поднимается на возвышенную, пустынную степь. По обѣ стороны ея непрерывными иззубренными стѣнами встаютъ обнаженныя каменныя горы. Словно безконечный корридоръ буро-желтаго цвѣта, тянулась раскаленная, лишенная даже признаковъ зелени, степь.

По всей долинѣ ея, мѣстами проходя по высокой искусственной насыпи, вьется гладкая какъ паркетъ, словно зацементованная дорога, извѣстная въ краѣ подъ именемъ дороги Чингизъ - хана.

Устроена она изъ мелкой рѣчной гальки, которой посыпана вся степь. Дорогу сопровождаютъ каменные монгольскiе курганы; особенно много ихъ верстахъ въ семи-десяти отъ Джакуля. Нѣсколько могилъ устроено на самомъ полотнѣ дороги.

Остатки этой дороги я видѣлъ подъ Бѣлоцарскомъ и близъ Элегеста; другая развилина ея, сѣверная, ведшая въ Минусинскiя степи черезъ недоступное нынѣ даже для пѣшеходовъ

ущелье, которымъ прорывается Енисей сквозь Саяны, теперь почти не существуетъ; уцѣлѣли лишь клочки ея, ясно различимые съ плота.

Подробныя свѣдѣнія объ этой таинственной дорогѣ-загадкѣ я привожу въ особой статьѣ, посвященной моимъ археологическимъ розысканiямъ въ краѣ. Здѣсь же упомяну лишь, что имя Чингиза — этого полубога Азiи — приписано ей напрасно: въ его время долина была уже давно сухая и никакой надобности въ насыпи на ней не имѣлось; дорога эта куда болѣе древняго происхожденiя и отцами ея я считаю то племя, что оставило послѣ себя мѣдные рудники и инструменты и вывозило послѣднiе черезъ Туркестанъ и Сибирь въ нынѣшнiе предѣлы Россiи. И, думаю, что и само оно, именуемое китайскими лѣтописями „рыжеволосыми и голубоглазыми дьяволами“ ушло впослѣдствiи туда же, этими путями, подъ напоромъ дикихъ монгольскихъ ордъ. Эта дорога должна быть той самой, о которой говоритъ Геродотъ, называя ее великимъ скифскимъ путемъ, начинающимся отъ Ольвiи и ведущимъ къ подножiю снѣговыхъ горъ (Алтай).

Дрофы попадались цѣлыми стаями. Огромныя птицы эти, любящiя такiя пустыни, важно шествовали, совсѣмъ не пугаясь лошадей.

Къ полудню мы добрались до единственнаго ключа, встрѣчающагося по пути и остановились среди кустовъ караганника напиться чаю и дать передохнуть конямъ.

Ключъ разведенъ на нѣсколько мочаговъ, орошающихъ небольшое сойотское просяное поле. Тамъ я впервые познакомился съ земледѣлiемъ сойотовъ и ничего хорошаго про него сказать не могу: передо мною былъ кое какъ расковырянный кусокъ земли; просо зеленѣло на немъ вперемежку съ бурыми плѣ-

шинами. Неподалеку торчала одинокая, грязная юрта.

Съ наслажденіемъ мы умылись, освѣжили себѣ головы и повалялись затѣмъ въ слабой тѣни подъ кустами.

Коней, какъ водится, не кормили и они „выстаивались“. Черезъ часъ, выпугивая потоки куропатокъ, мы выѣхали изъ зарослей на прежній путь.

Дорога пошла на подъемъ; миновавъ перевалъ, мы очутились въ новой болѣе узкой долинѣ, замкнутой цѣпью островерхихъ горъ; на крутыхъ скатахъ ихъ зеленѣли пихтовые лѣса.

Дорога Чингиза исчезла: она осталась правѣе нашего пути.

Начались пески; вдали, гдѣ намѣчалась невидимая еще долина Кемчика, бѣлѣли и желтѣли цѣлыя дюны.

Лошади съ трудомъ, шагомъ, втащили нашъ тарантасъ на пологую гору и съ вершины ея, радуя утомленные пустыней глаза, открылась зеленая веселая долина Кемчика; бульваръ тополей сопровождалъ довольно широкую извилистую рѣку; за ней, подпирая небо серебряной гривой, вздымался Алтай; каменныя стѣны его, изорванныя ущельями, подходятъ почти къ самой рѣкѣ.

Наша дорога спускалась внизъ по уступамъ и изгибалась такъ, что проѣздъ по ней возможенъ только днемъ: иначе на каждомъ шагу можно слетѣть въ обрывъ. Видъ гряды, съ которой съѣзжали мы, былъ чрезвычайно оригинальный: — казалось, тамъ, на вѣчныхъ льдахъ Алтая – престолъ Божій и нѣкто, молясь, разставилъ у подножія его для освященія безчисленныя зеленыя пасхи; спадая внизъ, онѣ все уменьшались въ размѣрахъ; самыя нижнія

были совсѣмъ крошки — меньше роста человѣка.

— Теперь близко! - заявилъ, оборачиваясь къ намъ, ямщикъ:—вонъ за той скалой поворотъ, тамъ и факторія Бякова, гдѣ докторъ живетъ!

Стемнѣло.

По рытвинамъ и пескамъ мы добрались до болотъ, покрытыхъ высокими зарослями очерета и очутились словно между глухими стѣнами. Факторія все не появлялась.

Изрѣдка пролетали какія то большія ночныя птицы; началъ выползать и разстилаться туманъ. Мы пытливо вглядывались въ темноту, но ничего ни впереди, ни по бокамъ видно не было. За нами началъ глухо поварчивать громъ; нѣтъ-нѣтъ и вспыхивали далекія, неясныя молніи.

Наконецъ впереди блеснулъ огонекъ.

Усталые кони вытянули тарантасъ на бугоръ и мы очутились передъ подобіемъ крѣпости.

Если читатель помнитъ разсказы Майнъ-Рида о сѣверо-американскихъ блокгаузахъ — описывать факторію Бякова да и вообще всѣ факторіи на Кемчикѣ излишне: послѣднія только больше размѣрами.

Около темной стѣны яркой точкой вспыхнулъ огонекъ: кто то, невидимый намъ, курилъ.

— Эй, кто здѣсь есть?—крикнулъ я.

— Что надо? — отозвался голосъ.

— Здѣсь докторъ Платоновъ живетъ?

— Жилъ здѣсь, да вотъ ужъ недѣли двѣ какъ уѣхалъ!

— Куда?

— А на Джеданъ...—отвѣтилъ тотъ же голосъ.

— Вотъ такъ исторія!—произнесъ я. — А мы у него ночевать собирались. Какъ же быть теперь? Далеко до Джедана?

— Верстъ съ десять будетъ.

На дворѣ залились злобнымъ лаемъ собаки; отворилась калитка и вышло нѣсколько человѣкъ. Между нами начались переговоры.

— Заночевать и у насъ можно!—заявилъ другой, болѣе грубый голосъ. — Заѣзжайте!

Послышался скрипъ воротъ; на дворѣ замелькалъ свѣтъ фонаря. Мы подъѣхали къ навѣсу надъ большой террасой и стали вылѣзать изъ тарантаса.

Небольшой квадратъ двора сплошь обступали всякія службы, сараи и скотные дворы. Все было подъ рукой, подъ надзоромъ и все, въ случаѣ бѣды, можно было оборонить небольшимъ числомъ людей.

Насъ ввели въ комнаты съ окнами, наглухо закрытыми ставнями; обстановка въ нихъ была самая необходимая и простая. Хозяина на лицо не имѣлось: онъ былъ гдѣ то въ отъѣздѣ и насъ принималъ вмѣсто него высокій молодой парень — приказчикъ, его племянникъ.

Миловидная сойотка въ русскомъ платьѣ накрыла на столъ, подала самоваръ, шаньги, жареное мясо и мы, вмѣстѣ съ угощавшимъ насъ полухозяиномъ, принялись ужинать. Къ намъ присоединился огромный и черный какъ цыганъ, косматый инородецъ, служащій у Бякова.

Чѣмъ то холоднымъ и непривѣтливымъ дышало отъ пустынныхъ комнатъ. Разговоры шли главнымъ образомъ о тайгѣ, медвѣдяхъ и охотѣ.

Для ночлега намъ отвели смежную, длинную комнату съ двумя подобіями дивановъ. Мы умылись и жена съ озабоченнымъ видомъ стала загораживать стуломъ дверь.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ я.—Зачѣмъ?

— Такъ безопаснѣе!—шепнула она мнѣ:—ключа нѣтъ, а очень ужъ не нравится мнѣ здѣсь; и типы такіе подозрительные... этотъ черный — совсѣмъ съ большой дороги!

Я улыбнулся и предоставилъ ей доканчивать баррикаду.

Ночью прошла гроза. Я нѣсколько разъ просыпался отъ грохота грома; молніи посвѣчивали въ щели ставень и при вспышкахъ ихъ я различалъ жену, помѣщавшуюся у другой стѣны; она сладко спала послѣ долгой дороги и даже небесная пальба не разбудила ее.

Баррикада мирно простояла до утра и когда, проснувшись, мы разобрали ее и вышли — насъ уже ожидалъ чай, закуска и оба вчерашніе хозяина.

При свѣтѣ дня инородецъ уже не показался женѣ такимъ страшнымъ и мы, осмотрѣвъ находящіеся поблизости отъ дома древніе рисунки и надписи на скалахъ, распростились съ факторіей и покатили на Джеданъ.

ГЛАВА XX.

За болотами начались поля сойотовъ.

О дорогахъ здѣсь не безпокоятся и потому намъ то и дѣло приходилось переѣзжать черезъ мочаги, каждый разъ рискуя сломать колеса.

На Кемчикѣ сойоты немного занимаются земледѣліемъ: сѣютъ свое излюбленное просо; сѣютъ плохо, землю же обрабатываютъ и того хуже.

Джеданъ — маленькій, чрезвычайно разбросанный русскій поселокъ, имѣющій весьма разоренный видъ. Крышъ на крохотныхъ избенкахъ нѣтъ, сараи и хаты сложены кое какъ и не изъ бревенъ, а изъ кривыхъ и косыхъ корягъ.

А между тѣмъ, рядомъ съ этими хатенками, пасся на степи большой табунъ двугорбыхъ верблюдовъ, только что привезшій для нихъ изъ Монголіи всевозможные шелка и другіе товары; въ каждой избѣ можно было найти скупленные еще зимой цѣнные мѣха и не мало монгольскаго кускового серебра.

Ямщикъ ввезъ насъ на довольно просторный дворъ и остановился у длинной, двойной избы.

На крыльцѣ стоялъ безъ шапки высокій и грузный, еще молодой, человѣкъ неуклюжаго вида, съ сѣрыми свѣтлыми глазами. Изъ за его спины выглядывали сойоты и двѣ русскія женщины.

— Не вы докторъ Платоновъ? — спросилъ я, выбравшись иаъ экипажа.

— Я самый! — отвѣтилъ стоявшій.

Мы познакомились и онъ пригласилъ насъ въ свое помѣщеніе.

Оно состояло изъ сѣней, общихъ съ хозяйской избой и двухъ комнатокъ; первую занимали аптека и пріемная, во второй жилъ онъ самъ.

Побесѣдовавъ съ нами нѣсколько минутъ, Платоновъ извинился и пошелъ заканчивать свой пріемъ.

Мы съ женой остались одни и шепотомъ обмѣнялись впечатлѣніями.

Убого все было до чрезвычайности.

Обстановку пріемной составлялъ растрескавшійся табуретъ и два простыхъ, наскоро

сколоченныхъ стола; на послѣднихъ размѣщались банки и пузырьки съ лекарствами.

Въ комнатѣ Платонова стояла пара ящиковъ, поверхъ нихъ лежалъ сѣнникъ, прикрытый одѣяломъ и подушкою. На небольшомъ столѣ бѣлѣлъ черепъ и былъ невѣроятный кавардакъ изъ бумагъ, книгъ, папиросъ и табака. Въ ногахъ постели помѣщался небольшой деревянный сундукъ.

Я развернулъ книги — всѣ оказались медицинскаго содержанія.

Ни газеты, ни журналовъ Платоновъ не выписывалъ.

Скоро появился и самъ хозяинъ.

Онъ практиковалъ среди сойотовъ уже годъ и свѣдѣнія, полученныя мною отъ него, совпадали со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ сообщили фельдшера — на Маломъ Енисеѣ, въ Туранѣ и въ Бѣлоцарскѣ. И на Кемчикѣ главный бичъ сойотовъ — сифилисъ.

Первое время туземцы за медицинской помощью къ Платонову почти не обращались, затѣмъ, приглядѣвшись къ результатамъ его дѣятельности, повалили толпами. Стали являться даже женщины, что, говоря вообще, на востокѣ дѣло самое трудно-достижимое.

Практиковалъ онъ безплатно, лекарства раздавалъ тоже даромъ и сойоты, сразу разгадавъ въ немъ добродушнаго и безхарактернаго человѣка, эксплоатировали его самымъ безцеремоннымъ образомъ: больные пріѣзжали къ нему ночью, будили его, являлись вечеромъ, днемъ, словомъ, когда желали и требовали немедленной помощи отъ застарѣлыхъ катарровъ желудка и сифилиса.

Русскаго населенія на Кемчикѣ, если не считать четырехъ факторій — двухъ Бяковскихъ, Леонова и Иваницкаго — нѣтъ, и пото-

му смѣло можно сказать, что врачебная помощь устроена Переселенческимъ вѣдомствомъ исключительно для сойотовъ.

Платоновъ, не имѣя приличнаго помѣщенія и зная, что таковое имѣется при ставкѣ нойона, обратился къ нему съ просьбою отвести ему квартиру. Нойонъ, не разъ пользовавшійся его даровыми услугами, согласился, но... потребовалъ съ него по 5 р. ежемѣсячно.

Лицо Платонова, небрежность въ костюмѣ и спутанные, мягкіе, начинающіе рѣдѣть волосы, свидѣтельствовали, что онъ пьетъ и начинаетъ опускаться.

Собесѣдникъ онъ оказался интересный.

Вмѣстѣ съ нимъ мы пѣшкомъ отправились на рѣку Дженгашъ и осмотрѣли двѣ замѣчательныя небольшія статуи, врытыя на едва замѣтномъ уже курганѣ среди сойотскаго просяного поля. Около нихъ найденъ былъ въ землѣ мѣдный ножъ, поступившій къ шаману, въ число украшеній на одеждѣ. Статуи весьма древнія и, конечно, не монгольскаго происхожденія.

Платоновъ сообщилъ, что на другой день въ хуррэ, близъ ставки нойона, ожидается большое празднество, скачки, борьба и т. п. Чтобы успѣть увидать ихъ, мы рѣшили пуститься въ путь немедленно.

Послѣ обѣда Платоновскій сойотъ-переводчикъ раздобылъ намъ тройку и тарантасъ и мы покатили въ горы.

Дорога шла долиной рѣки Джедана.

Казалось, что мы ѣхали тѣнистой, безконечной рощей. То и дѣло открывались обширныя поляны, на нихъ бѣлѣли юрты; между деревьями паслись стада и табуны козъ, рогатаго скота и лошадей. Все свидѣтельствовало о зажиточности туземцевъ.

Объѣхавъ долину Кемчика, я убѣдился, что впечатлѣніе, вынесенное мною съ его притока Джедана, относится и ко всему Кемчику: это самая богатая и самая населенная часть западнаго Урянхая. Не такъ обижаютъ тамъ жителей и несвоевременные морозы.

Но, какъ ни благопріятенъ Кемчикъ для земледѣлія, и на немъ необходимы мочаги.

Сойоты обрабатываютъ только орошенныя природой, наиболѣе низкія, мѣста; въ общемъ громадныя привольья земли лежатъ по всей площади Кемчика въ видѣ пустынь и ожидаютъ рукъ человѣка.

Обработка земли производится самымъ первобытнымъ способомъ. Осѣдлывается быкъ--всадникъ на быкѣ здѣсь явленіе постоянное,—къ лукѣ прикрѣпляется веревка, другой конецъ которой привязанъ къ кривому суку съ желѣзкой — вотъ и весь сойотскій плугъ; всѣ поля требуютъ орошенія и сойоты кое гдѣ отводятъ воду канавками изъ горныхъ рѣчекъ. Канавки эти, тянущіяся иногда на десятокъ верстъ, часто происхожденія весьма древняго и только расчищены сойотами. Серповъ они не знаютъ и хлѣбъ ими не жнется, а вырывается съ корнемъ. Сѣютъ почти исключительно неприхотливые ячмень и просо. Зерна ихъ поджариваютъ, затѣмъ толкутъ, отвѣиваютъ шкурки и мѣшаютъ съ молокомъ, или чаемъ.

Такого „хлѣба“ хватаетъ до половины зимы, а къ веснѣ начинается голодовка и бѣднота питается корой лиственницы и кореньями.

Въ дорогѣ насъ захватила гроза и яростный ливень. Время шло уже къ вечеру. Къ счастью, неподалеку оказалась факторія другого Бякова, родственника того, у котораго мы провели минувшую ночь и кони прытко

понесли насъ по буеракамъ и рытвинамъ луга къ довольно обширному, еще новому, дому.

Встрѣтила насъ только хозяйка — молодая пріятной наружности женщина и тотчасъ же принялась хлопотать объ угощеніи. Самого Бякова дома не было — онъ уѣхалъ по какимъ то коммерческимъ дѣламъ.

Скоро въ теплой комнаткѣ съ цвѣтами на окнахъ зашумѣлъ, пуская пары, самоваръ, появилась всякая снѣдь — неизбѣжное жаркое изъ дикой козы, шаньги и прочее.

Отсырѣли мы и продрогли во время пути порядочно и, чтобы согрѣться какъ слѣдуетъ, я досталъ изъ чемодана еще нетронутую бутылку рома и подлилъ всѣмъ въ чай.

Въ числѣ новостей я узналъ между прочимъ одну, чрезвычайно поразившую меня.

На Кемчикѣ живетъ два сойотскихъ хошуна*), при чемъ одинъ изъ нихъ — Бейсехошунъ очень уже много лѣтъ не имѣлъ нойона и управлялся своими знатными людьми.

Патриціи эти, конечно, тайно и явно враждовали другъ съ другомъ и въ политическомъ смыслѣ хошунъ ничего не заставлялъ желать лучшаго.

Между тѣмъ, Церерииъ, только что побывавшій передо мной на Кемчикѣ, созвалъ представителей хошуна и настоялъ на выборѣ ими нойона. Выборы состоялись и теперь въ лицѣ Бейсевскаго нойона русскіе имѣютъ новаго, если не открытаго врага, то во всякомъ случаѣ большого недоброжелателя.

Невѣроятное, казалось бы, сообщеніе Бяковой, къ сожалѣнію оказалось истиной...

Платоновъ оживлялся за чаемъ все болѣе и болѣе; не то вялость, не то утомленіе написанное на лицѣ его, исчезло; вперемежку съ

*) Княжества.

разговорами нашъ докторъ все подбавлялъ и подбавлялъ себѣ въ стаканъ „жизненной влаги“.

— Люблю! — откровенно пояснилъ онъ, указывая на бутылку.

Какъ всегда бываетъ съ подвыпившими, онъ, что называется, распоясался и пустился откровенничать.

Сынъ бѣдняго священника, онъ кончилъ семинарію и пошелъ въ университетъ, гдѣ и прослушалъ четыре курса. Затѣмъ дѣла сложились такъ, что надо было уѣхать и зарабатывать деньги на окончаніе ученья.

Лицо его, по мѣрѣ опустошенія бутылки, все блѣднѣло и принимало нездоровый мертвенный видъ. Когда онъ вышелъ, чтобы устраиваться на ночь, я приподнялъ бутылку: она была осушена начисто.

Раннимъ утромъ тройка ходко несла насъ дальше, къ ставкѣ нойона, до которой оставалось восемь верстъ. Бяковой мы дали обѣщаніе заѣхать къ нимъ на обратномъ пути и отобѣдать.

На синемъ небѣ не было ни облачка. Конныя тропы широкой дорогой вились по лиственному лѣсу, походившему на паркъ, съ рѣдко-разставленными вѣковыми деревьями, то выбѣгали на зеленыя поляны. Ближе къ водѣ бѣлѣли юрты, съ курившимися надъ ними дымками. Нѣсколько разъ навстрѣчу попадались группы конныхъ сойотовъ, ѣхавшихъ на праздникъ. Принаряженные, въ новыхъ яркихъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, съ развѣвающимися лентами на остроконечныхъ шапкахъ они останавливали коней и подолгу провожали насъ взглядами.

Скоро открылась огромная круглая поляна, отороченная лѣсомъ; изъ-за него глядѣли горы.

На дальней окраинѣ виднѣлись три юрты, довольно близко стоявшія другъ къ другу; двѣ изъ нихъ — нойонскія — были украшены красными узорами.

Вправо отъ нихъ, на другой сторонѣ, высилась надъ частоколами и деревянными хибарками каменная пагода.

Возница, знавшій мѣстные порядки, провезъ насъ стороной въ рощу и тамъ мы увидали среди лиственницъ юрту, довольно грязнаго вида.

То была нойонская канцелярія.

Насъ встрѣтилъ какой-то чиновникъ; возница бойко перевелъ ему наше желаніе видѣть нойона; сойотъ задумался, потомъ пригласилъ насъ въ юрту.

Мы вошли и стали осматривать ея убранство, состоявшее изъ нѣсколькихъ подушекъ и низенькой широкой скамьи для писанія. У стѣны висѣли особаго вида нагайки, съ толстою рукояткой и толстою же, въ палецъ толщиной, ударною частью, сплетенною изъ ремня. Рядомъ съ ними помѣщались нанизанныя на два ремня черныя палочки, около четверти аршина въ длину каждая, и почернѣвшая, небольшая полоска изъ сшитыхъ ремней, расширявшаяся и закругленная на одномъ концѣ.

— Тутъ у нихъ судъ и расправа происходятъ! — пояснилъ нашъ возница — русскій полукрестьянинъ-полукупецъ, давно уже жившій на Кемчикѣ. — Этой нагайкой порятъ у нихъ, палочками — пальцы ломаютъ, а ремешкомъ — шагайтаръ по ихнему, — по щекамъ бьютъ!

Мы съ любопытствомъ разсматривали орудія пытки и принадлежности для письма: бумага, тушь и все прочее было китайскаго происхожденія.

Въ юрту вошелъ какой-то другой чиновникъ-сойотъ крупнаго роста съ угрюмымъ лицомъ; его сопровождалъ уже видѣнный нами.

Мы поздоровались и переводчикъ повторилъ наше заявленіе о желаніи видѣть нойона.

— Его нѣтъ дома, онъ уѣхалъ! — сказалъ первый, видимо, старшій изъ чиновниковъ.

— Куда? Когда?

— Сегодня уѣхалъ, на праздникъ.

— Какъ же мы его не встрѣтили?

Оказалось, что нойонъ отправился по верхней, кратчайшей тропѣ, мы же ѣхали нижней, болѣе удобной для телѣги.

Исторія эта раздосадовала меня.

— А нойонша дома? — спросила жена:— ее можно видѣть?

Чиновники закивали головами. — Она дома! Можно!

Сейчасъ же одинъ изъ нихъ, младшій, бросился бѣжать къ юртѣ нойона. Тамъ немедленно поднялась суета, стали выскакивать женщины, начали вытаскивать и вытряхивать ковры и подушки и носить изъ сосѣдней юрты какую-то посуду.

Насъ, какъ мужчинъ, кромѣ переводчика, къ нойоншѣ не пустили и женѣ пришлось забрать съ собою подарки и идти безъ меня.

Мы усѣлись тѣмъ временемъ съ Платоновымъ въ экипажъ, подъѣхали къ коновязи, торчавшей близъ нойонскихъ юртъ, привязали тройку и стали ожидать жену.

Прошло съ полчаса и она появилась, сопровождаемая кучкой десятка въ полтора женщинъ и дѣвочекъ-подростковъ и направилась къ намъ; высыпавшія за ней женщины остановились у юртъ.

Нойонша, по разсказу жены, была еще очень юное и застѣнчивое существо; жену

угощали чаемъ, разсматривали и ощупывали всякую мелочь ея костюма. За нойономъ, пока мы сидѣли въ канцеляріи, былъ посланъ въ догонку всадникъ и возвращенія его ждали съ минуты на минуту.

Чтобы не терять даромъ времени, мы отправились осматривать хурро.

Въ проулкѣ у частокола насъ встрѣтила толпа ламятъ въ красныхъ халатахъ и съ коротко остриженными, походившими на черные шары, головами. У воротъ каменной пагоды виднѣлось множество взрослыхъ ламъ всякихъ возрастовъ. Пока мы добрались до нихъ, они всѣ исчезли.

Прямоугольный дворъ пагоды былъ пустъ и мы направились въ самый храмъ.

Осмотрѣть его какъ слѣдуетъ не удалось: по серединѣ его двумя длинными шпалерами сидѣли на низенькихъ столикахъ, поджавъ подъ себя ноги ламы. Въ дальнемъ концѣ, у жертвенниковъ, помѣщался, возвышаясь надъ всѣми, главный изъ нихъ и чему то поучалъ внимательно слушавшія бритыя головы.

При нашемъ входѣ онъ умолкъ и всѣ онѣ повернулись въ нашу сторону. Пріятныхъ и доброжелательныхъ лицъ между ними не было.

Переводчикъ вполголоса пояснилъ, что мы хотимъ осмотрѣть храмъ.

Главный Будда изрекъ, что теперь они молятся и намъ въ храмѣ оставаться нельзя. Мы удалились при всеобщемъ молчаніи, но, уходя, жена отъ дверей успѣла снять фотографію съ этой аллеи изъ ламъ.

Когда мы вышли наружу, увидали пронесшагося по луговинѣ на великолѣпномъ иноходцѣ всадника со свитой изъ нѣсколькихъ человѣкъ; они остановились около лучшей

изъ юртъ и одинъ изъ нихъ спрыгнулъ съ коня и бѣгомъ пустился въ нашу сторону.

— Нойонъ пріѣхалъ! — сказалъ переводчикъ: — человѣка послалъ за вами!

Дѣйствительно, посланный сойотъ, присѣдая, передалъ намъ приглашеніе пожаловать къ нойону.

Мы вернулись къ нашему тарантасу, достали изъ него пару серебряныхъ стакановъ и столько же бутылокъ рому и направились къ юртѣ.

Нойонъ, молодой человѣкъ съ чрезвычайно пріятнымъ, круглымъ лицомъ, весьма чистенькій и опрятный, встрѣтилъ насъ у порога и радушно пожалъ намъ руки. Тотчасъ же насъ усадили на стулья, передъ которыми уже стоялъ маленькій столикъ и стаканы съ чаемъ; нойонъ помѣстился противъ насъ тоже на стулѣ и, улыбаясь, глядѣлъ на насъ. Насъ раздѣляло только мѣсто для очага.

Я передалъ переводчику наши подарки и онъ поднесъ ихъ нойону. Тотъ закивалъ головой, осмотрѣлъ ихъ и чиновникъ почтительно поставилъ все на китайскій коммодъ.

Убранство юрты было куда богаче и лучше чѣмъ у Сальджакскаго нойона. Коммодовъ и шкафчиковъ было больше, на нихъ виднѣлось серебро и кое какая русская посуда; юрта производила пріятное, какъ самъ хозяинъ, и такое же чистое, впечатлѣніе. На сойота нойонъ не походилъ нисколько.

Насъ угостили конфектами Жоржа Бормана, правда застарѣлыми до нельзя, но иныхъ въ глубинѣ Азіи отыскать и немыслимо.

Послѣ обмѣна привѣтствіями и обычныхъ разспросовъ о цѣли поѣздки, нойонъ сообщилъ, что Цереринъ, только наканунѣ нашего пріѣзда уѣхавшій отъ него, передалъ ему о моемъ

пріѣздѣ и насъ они уже ждали и даже поставили для насъ юрту.

Я поблагодарилъ за гостепріимство и отвѣтилъ, что къ сожалѣнію остаться не могу, т. к. уже августъ мѣсяцъ, а мнѣ еще надо объѣхать Кемчикъ, затѣмъ вернуться въ Бѣлоцарскъ и потомъ долго ѣхать на плоту и я боюсь быть застигнутымъ на рѣкѣ холодами.

Нойонъ сообщилъ мнѣ, что въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ его ставки, имѣются развалины древней крѣпости и что предметы изъ мѣди, которые я розыскиваю, онъ нѣсколько разъ видалъ у шамановъ.

Я поручилъ переводчику передать нойону, что хочу, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ.

Нойонъ выслушалъ и съ любезной улыбкой наклонилъ въ ожиданіи поясненій голову.

— Что же именно?—спросилъ возница.

— А вотъ то, что мы видѣли въ канцеляріи: плеть и прочее!

Нойону перевели. Онъ удивился, расхохотался и приказалъ принести требовавшееся.

Шагайтаръ, хемчиляръ и приборъ для ломки пальцевъ немедленно перешли въ мое обладаніе. Нойонъ смѣялся, глядя какъ мы разсматривали эти предметы его домашняго обихода.

Глядя на почти дѣтское, добродушное лицо его, нельзя было и предположить, что онъ могъ отдавать приказанія объ истязаніи людей. А между тѣмъ, поношенность вещей свидѣтельствовала о частомъ ихъ употребленіи.

Жена предложила снять съ нойона фотографію; онъ согласился очень охотно, но потребовалъ, чтобы мы съ Платоновымъ сѣли рядомъ съ нимъ. Желаніе любезнаго Кемчикскаго владыки было исполнено, затѣмъ мы простились съ нимъ и кони понесли насъ въ

обратную сторону, къ другому хуррэ, около котораго должны были произойти игрища.

По пути мы вслухъ обмѣнивались впечатлѣніями, вынесенными отъ нашего визита къ нойону.

— Онъ совсѣмъ мальчикъ!—сказала между прочимъ жена: — удивительно симпатичный мальчикъ!

Возница, прислушивавшійся къ разговору, повернулся въ нашу сторону.

— Это онъ только съ виду такой! — сказалъ онъ: — а до дѣла дойдетъ, у, хитрый... азіатъ, однако!

— Жила! Я два раза его и его жену лечилъ, а онъ съ меня пять рублей за хибарку жметъ! — добавилъ Платоновъ.

— Наобѣщаетъ что хочешь! — продолжалъ возница: — а сдѣлать ничего не сдѣлаетъ! Боится онъ, а то показалъ бы зубы!

Такого же мнѣнія о немъ и все несойотское населеніе Кемчика.

Лѣсъ скоро кончился; мы выѣхали на степное, ровное предгорье и впереди зачернѣли частоколы, окружавшіе домики и хуррэ.

И здѣсь, и на Брени, и видѣнныя нами позже на Барлыкѣ ламаитскія постройки производили самое унылое впечатлѣніе. Крыши на нихъ прогнили, стѣны и частоколы пошатнулись, все глядѣло вкривь и вкось, запущеннымъ и заброшеннымъ. Неумѣнье ли чинить и строить что либо, небреженіе ли ламъ здѣсь виною — не знаю.

Пустынные обычно проулки между строеніями пестрѣли кучками сойотовъ, мужчинъ, дѣтей и женщинъ.

Тарантасъ нашъ остановился у распахнутыхъ воротецъ, ведшихъ на маленькій, огороженный дворикъ. На немъ стояла юрта вер-

ховнаго сойотскаго первосвященника — Хамбо-ламы, или какъ чаще его называютъ въ краѣ, хамбо-башки.

Торчавшіе у воротъ бритые ламы тотчасъ обступили насъ и, выслушавъ заявленіе возницы, что мы пріѣхали въ гости къ хамбо-ламѣ, стремглавъ бросились во дворикъ.

Зная уже сойотскіе порядки, мы нарочно замѣшкались у тарантаса, чтобы дать возможность произвести въ юртѣ требующуюся этикетомъ уборку.

Съ серебряными стаканами въ рукахъ и парой бутылокъ рома мы вступили во дворъ и въ ту же минуту на встрѣчу намъ изъ юрты показался привѣтливо улыбающійся, высокій человѣкъ въ чемъ то похожемъ на красную тогу; изъ подъ нея виднѣлась совершенно голая часть груди и вся правая рука отъ плеча. То былъ самъ первосвященникъ.

Мы обмѣнялись рукопожатіями и привѣтствіями и, приглашаемые хозяиномъ, вошли въ его жилище.

Юрта эта была временная, вѣрнѣе походная, но тѣмъ не менѣе и въ ней находились два китайскихъ коммода, уставленные фигурками Будды и чашечками съ жертвами. Полъ устилала обычная толстая кошма; справа возвышалось нѣчто вродѣ низенькаго дивана.

Ламы подали намъ вѣнскіе стулья и легкій бамбуковый столикъ.

Хамбо, поддерживаемый подъ руки двумя здоровенными мордастыми дѣтинами, опустился на подушку, скрестивъ ноги.

Начавшая сѣдѣть и достаточно уже лысая голова его казалась пѣгой отъ большихъ пятенъ грязи; полосы ея же тянулись и на обнаженныхъ рукахъ его и только однѣ ладони его были чисты совершенно. Лѣтъ хамбо-ламѣ

можно было предположить отъ 50 до 55; держался онъ нѣсколько сутуло, но внимательные, блестѣвшіе каріе глаза, свѣжій цвѣтъ лица безъ морщинъ и еще упругіе мускулы рукъ свидѣтельствовали, что онъ далекъ отъ дряхлости. Некрасивое, съ крупными чертами и большимъ ртомъ лицо его часто освѣщалось улыбкой, при чемъ открывались два ряда великолѣпныхъ зубовъ.

Человѣкъ этотъ настолько большая величина въ краѣ, что долженъ остановиться на немъ.

Хамбо-лама состоитъ въ близкомъ родствѣ съ юнымъ нойономъ и имѣетъ и по происхожденію и по положенію огромное вліяніе и власть среди сойотовъ; слово хамбы для чиновниковъ и простыхъ людей — законъ, а для нойоновъ нѣчто такое, съ чѣмъ имъ приходится очень и очень считаться.

Хамбо-лама пользуется большой популярностью и среди русскаго населенія Урянхая; въ разныхъ концахъ его мнѣ приходилось слышать отзывы, что онъ самый умный человѣкъ изъ сойотовъ.

И этотъ вліятельный и популярный человѣкъ — большой, и, добавлю, пока единственный сторонникъ русскихъ, твердо и опредѣленно, безъ восточныхъ козней и хитростей, ведущій свою политику.

Къ сожалѣнію, Усинскія русскія власти далеко не на высотѣ своего положенія и такой могучій столпъ, какъ хамбо-лама, ими не использованъ совершенно. Да что говорить объ усинцахъ, когда Петербургъ, къ которому подъ вліяніемъ хамбо-ламы обратились сойоты съ просьбой о принятіи ихъ въ русское подданство, два года ничего не отвѣчалъ на эту просьбу, депутатовъ къ себѣ не допустилъ и

въ концѣ концовъ объявилъ имъ о принятіи ихъ . . . подъ свое „покровительство“, разочаровавшее весь край.

Образовательная поѣздка сойотскихъ главъ въ столицу необходима. Она воочію показала бы имъ, какія жалкія песчинки ихъ хошуны и сразу поставила бы русское дѣло въ надлежащее русло.

Особенно мечталъ о такой поѣздкѣ и хамбо-лама. Онъ ясно видитъ, что сила горсти русскихъ, держащихся въ краѣ — въ ихъ знаніяхъ. И завѣтнѣйшее желаніе его — просвѣщеніе сойотовъ по русскому образцу.

Бесѣдуя съ нойонами, я бесѣдовалъ съ подобіями людей, интересовавшимися пустяками. Въ полуумытомъ хамбо-ламѣ я сразу почувствовалъ человѣка — неразвитого, младенчествующаго, но пытливаго, думающаго, ищущаго путей къ лучшему.

Онъ разспрашивалъ меня о школахъ, о путяхъ сообщенія, о заводахъ, изготовляющихъ разные предметы. Особенно много толковали мы о школахъ: онѣ его больное мѣсто.

— Учиться, учиться намъ надо, вотъ главное!—нѣсколько разъ повторилъ онъ во время разговора, покачивая головою. — Съѣзжу въ Петербургъ, заведу здѣсь, у себя, школы! ..— И лицо его озарялось веселой улыбкой.

Какъ знать, можетъ быть сойотскій Петръ Великій, но со связанными крыльями, сидѣлъ передо мною въ юртѣ?

Пока мы бесѣдовали, [намъ приготовляли чай.

Къ ужасу своему я увидѣлъ, что безносый сойотъ облизалъ языкомъ чашку, налилъ въ нее чай и подалъ ее Платонову.

— Что вы дѣлаете? Не пейте! — сказалъ я, видя, что онъ берется за ручку и хочетъ отхлебнуть напитокъ.

— Облизалъ ее? Ничего, я уже привыкъ! — спокойно отвѣтилъ Платоновъ.

— Да вѣдь онъ же безносый!

Платоновъ усмѣхнулся.

— Я не брезгливъ! Желудокъ все переваритъ: да эта стадія уже опасности никакой не представляетъ!

И онъ съ равнодушно-скучающимъ видомъ принялся пить чай и жевать сойотскія сальныя печенья.

Жена, видѣвшая омовеніе нашихъ чашекъ при помощи языковъ, не выдержала, встала, отобрала у сойотовъ посуду, сама вымыла ее въ горячей водѣ и только послѣ этого позволила налить въ нихъ чай.

Хамбо, улыбаясь, слѣдилъ за ея дѣйствіями.

Мы выпили по двѣ чашки и временно простились съ первосвященникомъ.

Народа набралось уже множество: пространство около пагоды пестрѣло отъ него.

Передъ входомъ въ пагоду натягивали рваный тентъ; ламы, одѣтые въ самые причудливые костюмы и головные уборы, изъ которыхъ иные походили на древнеримскіе шлемы со стоячими на гребняхъ ихъ, короткими бѣлыми гривами, выносили барабаны и громаднѣйшія, сажени въ двѣ, трубы; въ рукахъ у подростковъ бѣлѣли большія, просверленныя раковины.

Казалось, мы присутствовали за кулисами, среди переряженной толпы, подготовлявшей какую то грандіозную феерію.

Вниманіе мое привлекло множество коршуновъ, кругами плававшихъ надъ нами высоко въ небѣ.

Я указалъ на нихъ переводчику.

— А это всегда такъ!—отвѣтилъ онъ, глянувъ вверхъ. — Какъ у сойотовъ праздникъ—коршуны сейчасъ собираются: чуютъ!

— Что?

— Вотъ увидите.

Изъ временныхъ юртъ, разбитыхъ внутри двориковъ, стали выходить нойоны и чиновники, разодѣтые въ шелковыя китайскія одежды и шапки съ шариками разныхъ цвѣтовъ. Показалась процессія съ хамбо-ламой. На головѣ его красовалась круглая золоченая шляпа изъ лакированнаго дерева. Видъ этотъ шлемъ Мамбрена придавалъ хамбо-ламѣ невозможнѣйшій.

Первосвященника посадили въ узенькую колесницу съ тремя высокими, размалеванными стѣнками. Въ ней уже стояла деревянная, выкрашенная въ зеленую краску голова, коня довольно яростнаго вида.

Хамбо усѣлся бокомъ, противъ нея и скрестилъ ноги. Въ рукѣ онъ держалъ палочку съ висящимъ на концѣ ея боченочкомъ изъ цвѣтныхъ тряпокъ. За дышло ухватилось десятка два сойотовъ; впереди выстроились ламы съ книгами и музыканты.

Взвыли дикими, утробными голосами трубы и раковины, загремѣли барабаны и процессія тронулась; путь ея лежалъ вокругъ хурре.

У каждаго изъ четырехъ „винтовъ“ стоявшихъ въ полѣ по сторонамъ хурре, процессія останавливалась. Грохотъ и вой прекращались и ламы, усѣвшись въ рядъ, читали молитвы. Простые сойоты тѣснились въ это время подъ благословеніе хамбо-ламы, стукавшаго ихъ по обнаженнымъ головамъ боченочкомъ. Видъ у него при этомъ былъ совершенно безжизненный.

Нойоны, — ихъ было три человѣка — и все старшее чиновничество усаживалось на коврикахъ отдѣльнымъ порядкомъ. Имъ, ламамъ и всѣмъ участникамъ шествія разносили чай. Порядокъ въ шествіи соблюдался образцовый.

Жена сдѣлала нѣсколько снимковъ, причемъ Кемчикскій нойончикъ нѣсколько разъ любезно предлагалъ намъ съ ней мѣсто около себя, но мы, желая видѣть всѣ подробности, поблагодарили и отказались.

Обходъ, наконецъ, кончился. Подъ завыванье трубъ — мастодонтовъ, втащенныхъ на вышку противъ навѣса и уставившихся въ небо словно телескопы, подъѣхала колесница съ хамбо-ламой. Онъ вышелъ изъ нея и направился въ пагоду. За нимъ понесли зеленаго коня. Навстрѣчу коню устремилась толпа сойотовъ. Каждый норовилъ стукнуться лбомъ о коня, словно бодалъ его, затѣмъ склонялся и конь проплывалъ надъ нимъ.

Мы вошли въ полусумракъ пагоды вслѣдъ за первосвященникомъ и онъ провелъ насъ по ней, показывая и поясняя значеніе всякой чертовщины. Я дѣлалъ видъ, что весьма интересуюсь всѣмъ, но въ дѣйствительности не слушалъ его: интереса ко всей этой дребедени у меня нѣтъ ни малѣйшаго.

Я видѣлъ другое — полное запустѣніе кругомъ. Вмѣсто знаменъ и картинъ висѣли какія-то грязныя, рваныя тряпки; полы начали проваливаться; зеленаго коня, отслужившаго очередное мороченье народа, сунули на облупленный треснувшій шкафчикъ и онъ глядѣлъ оттуда кровавыми глазами; пахло затхлостью и сыростью.

Когда мы выбрались опять на свѣтъ Божій, на узкомъ помостѣ подъ навѣсомъ съ лѣвой стороны уже сидѣли на коврахъ нойоны;

подъ угломъ къ нимъ помѣщались знатнѣйшіе чиновники. Справа, на подобіи стола, значительно возвышавшемся надъ мѣстами нойоновъ и покрытомъ краснымъ сукномъ, было устроено почетное сѣдалище для хамбо-ламы. Ниже его, прямо на землѣ и частью на коврикахъ, размѣстилась цѣлая рать ламъ и ламятъ.

Одинъ изъ первыхъ, здоровенный бычище съ черною, словно обсмоленною головою, стоя зычно читалъ какія-то молитвы. Дьячки всѣхъ вѣръ должно быть одинаковы: и у сойотскаго чтеца слова сыпались чаще чѣмъ яблоки съ отрясаемаго дерева и онъ, видимо, щеголялъ и сіялъ отъ довольства своей трескотней и легкими.

Я слѣдилъ за коршунами: они спускались все ниже и ниже и рѣяли надъ толпой ближе чѣмъ на выстрѣлъ.

Чтеніе затянулось долго, до одури. Наконецъ лама возгласилъ что-то на манеръ послѣднихъ словъ Апостола и захлопнулъ книгу.

Начались приготовленія къ борьбѣ.

Мы стояли въ толпѣ, окружавшей арену и нойончикъ снова послалъ чиновника пригласить насъ. Мы перешли арену и сѣли рядомъ съ нимъ.

Откуда-то изъ-за раздвинувшейся толпы, прыгая, кривляясь и съ силой шлепая себя по ляжкамъ, выскочили два совершенно обнаженныхъ сойота съ поясами стыдливости на бедрахъ.

Приблизясь къ навѣсу, подъ которымъ сидѣли нойоны, они упали на колѣни и поклонились въ землю. Затѣмъ вскочили и отошли назадъ, къ серединѣ пространства, оставленнаго для нихъ толпой.

Каждый изъ хошуновъ выставилъ своихъ борцовъ; тотъ кто падаетъ на землю хотя бы

сидя, считается у сойотовъ побѣжденнымъ и выбываетъ съ поля. Правилъ борьбы, повидимому, нѣтъ никакихъ, хотя долженъ сознаться, что я не любитель этого вида спорта и ничего не смыслю въ его кодексахъ.

Позади борцовъ стало по чиновнику отъ своего хошуна.

Борцы схватились. Оригинальнаго въ этой вознѣ и храпѣньѣ двухъ потныхъ человѣческихъ тѣлъ было только то, что когда они, держа въ объятіяхъ другъ друга, останавливались, чтобы перевести духъ, чиновники награждали, каждый своего, звучными и полновѣсными шлепками. Къ этой же мѣрѣ ободренія прибѣгали они и когда борьба, по ихъ мнѣнію, имѣла недостаточно энергичный характеръ.

Наконецъ подъ хохотъ толпы одинъ изъ боровшихся повалился на землю и бросился прочь съ круга. Побѣдитель крупными, мѣрными скачками, опять кривляясь и ломаясь, направился къ нойонамъ и снова отдалъ имъ земной поклонъ. Затѣмъ онъ со своимъ спутникомъ, уже безъ затѣй, подошелъ къ чиновничьей знати и тамъ его наградили двумя пригоршнями сквернаго творога, который былъ высыпанъ въ полу чиновника.

Борецъ сунулъ немного творога въ ротъ, затѣмъ, выйдя изъ-подъ навѣса, бросилъ горсть его кверху.

Въ ту же секунду темныя тѣни со свистомъ разсѣкли воздухъ и подхватили все брошенное, не давъ ни одному кусочку коснуться земли: то были коршуны.

Конечно, съ этой минуты я смотрѣлъ уже не на борьбу, а на птицъ, производившихъ удивительную джигитовку въ воздухѣ и почти касавшихся въ молніеносномъ полетѣ могучими крыльями головъ толпы, либо земли на аре-

нѣ. Зрѣлище было поразительное! По моей просьбѣ хамбо-лама приказалъ подать мнѣ тарелку съ сырымъ мясомъ; мы съ женой брали куски и подымали ихъ надъ головой и коршуны, обвѣивая насъ воздухомъ, во мгновеніе ока выхватывали ихъ изъ пальцевъ, ни разу даже не коснувшись ихъ.

Борьба тянулась безъ конца. Уже начали соперничать побѣдители съ побѣдителями; съ Бейсе-хошунской стороны одолѣвалъ всѣхъ приземистый черный лама, со стороны Кемчикцевъ отличался какой-то простой верзила.

Нойонамъ, намъ и сойотской знати подали угощеніе: чай и вареную баранину. Намъ поднесли ее на эмалированной тарелкѣ, грязной, какъ свиное корыто, нойонамъ на китайскомъ старомъ и дрянномъ подносѣ, а чиновникамъ на кускахъ досокъ и въ какихъ-то большихъ мискахъ.

О вилкахъ конечно не было и помину.

Лакомствомъ и почетнымъ кускомъ у сойотовъ считается бараній курдюкъ. Желая сказать высшую похвалу, сойотъ говоритъ: „хорошо, какъ бараній курдюкъ!“

Это лакомство было подано и намъ; вмѣстѣ съ частью курдюка на тарелкѣ лежало мясо, съ налипшею на немъ грязною шерстью. Все выглядѣло такъ омерзительно, что мы съ женой, несмотря на голодъ, только сдѣлали видъ, что прикоснулись къ предложенному.

Платоновъ, глядѣвшій на все полусонными, мутными глазами, принялся кромсать ножомъ и ѣсть подозрительное, замусоленное и засаленное мясо.

Поднесли намъ чашку съ мутною аракой, которую жадно пили сойоты, но мы отказались и отъ нея. Арака и кислое молоко стояли подъ

навѣсомъ въ нѣсколькихъ многоведерныхъ китайскихъ бутыляхъ чудовищнаго размѣра.

Къ нойонамъ то и дѣло подходили запоздавшіе, почтеннаго возраста сойоты. Всѣ они низко склонялись, каждый передъ своимъ владыкой и протягивали имъ длинные, изъ сиреневаго тонкаго шелка, шарфы-платки — туземныя визитныя карточки. Нойоны равнодушно кивали въ отвѣтъ, брали шарфы и прибывшіе пятились и отходили къ чиновникамъ.

Тамъ они усаживались, бормотали другъ другу установленное, вынимали свои тавлинки, имѣвшія видъ флакончиковъ и обмѣнивались ими. Табаку при этомъ изъ нихъ почти не доставали, чаще же просто нюхали самую табакерку и отдавали ее обратно.

У многихъ табакерки были художественно вырѣзаны изъ полупрозрачнаго оникса; сойоты ими чрезвычайно гордятся и самыя дорогія вещи у нихъ именно эти табакерки.

Борьба наконецъ кончилась: побѣдилъ Кемчикскій хошунъ и я не безъ удовольствія наблюдалъ, какъ безмѣрно самодовольнаго, уже увѣреннаго въ своемъ торжествѣ ламу шлепнулъ о землю силачъ сойотъ.

Толпа такъ радостно ухнула и заголосила, что было ясно, на чьей сторонѣ ея симпатіи.

Нѣкоторые изъ борцовъ, особенно отличившіеся, по мнѣнію нойоновъ, были награждены шапками съ чиновничьими шариками, составляющими завѣтную мечту каждаго сойота. Умъ въ Урянхаѣ еще не въ почетѣ!

Послѣ борьбы наступила очередь скачекъ: ѣздоками на неосѣдланныхъ коняхъ были голые и полуголые мальчишки.

Эта часть программы совершенно та же, что и у башкиръ на ихъ сабантуяхъ и потому описывать ее не стану.

Было уже часа четыре, когда празднество кончилось; ѣсть намъ хотѣлось до смерти.

Мы отправились къ своему экипажу, стоявшему во дворѣ хамбо-ламы; онъ и Кемчикскій нойонъ вышли насъ проводить и подчиненные ихъ поднесли намъ „отдарки" своихъ владыкъ: мѣха лисицъ и рысей.

ГЛАВА XXII.

У Бяковыхъ насъ ждали хозяйка и хозяинъ, только что вернувшійся изъ поѣздки.

Отъ него узнали мы новость: прискакалъ нарочный изъ Усинскаго и сообщилъ, что объявлена война.

Еще въ бытность мою въ Петербургѣ я ждалъ этого событія, тѣмъ не менѣе вѣсть эта ошеломила меня.

— Съ кѣмъ война? — спросилъ я.

— Неизвѣстно. . . — отвѣтилъ Бяковъ, еще молодой и стройный человѣкъ, — говорятъ, съ Китаемъ!

— Какъ съ Китаемъ? Изъ за чего? — воскликнулъ я. — Съ Австріей навѣрно?!

— Говорятъ, съ Китаемъ! — повторилъ Бяковъ. — А тамъ кто жъ ихъ знаетъ!

Новость взбудоражила всѣхъ; вдали отъ цивилизованнаго міра, отъ почты и газетъ, мы рѣшительно ничего не знали о томъ, что происходило и назрѣвало за лѣто гдѣ-то тамъ, за тридевять земель. Не вѣря ни одной минуты въ конфликтъ съ Китаемъ, т. к. о немъ не мы узнали бы изъ Усинскаго, а Усинское черезъ насъ, мы и не подозрѣвали о вмѣшательствѣ Англіи и гарантіи, благодаря ей, цѣлости Петербурга, гдѣ остались дѣти и все наше имущество.

Не трудно себѣ представить, что пережили мы, закинутые за тысячи верстъ отъ родины и не имѣвшіе возможности помочь близкимъ даже указаніемъ по телеграфу!

Интересъ къ дальнѣйшей поѣздкѣ во мнѣ сразу оборвался; душа устремилась къ Балтійскому морю и къ Польшѣ, гдѣ должны были уже гремѣть орудія.

— Что происходитъ? Гдѣ враги? Кто побѣждаетъ? — Даже намека на отвѣтъ на все это не было ниоткуда. Нѣтъ, не дай Богъ никому встрѣтить такія минуты далеко отъ родины!

Въ Джеданѣ, куда мы попали лишь на другой день, такъ какъ по выѣздѣ отъ Бякова пришлось заночевать въ лѣсу, я рѣшилъ продолжать свое путешествіе и выполнить до конца поставленную мнѣ задачу.

Признаюсь, такое рѣшеніе было весьма тяжело!

Въ Джеданскомъ поселкѣ мы простились съ докторомъ, перемѣнили лошадей и направились дальше, вверхъ по долинѣ Кемчика.

Ширина ея до десяти верстъ. И такъ же, какъ въ обѣихъ Енисейскихъ долинахъ, въ ней въ сторонѣ отъ воды нѣтъ ни деревьевъ ни зелени и разстилались только голыя степи; мы ѣхали правымъ, всхолмленнымъ берегомъ; за рѣкою отсвѣчивали то краснымъ, то черносинимъ цвѣтомъ крутыя громады Алтайскихъ хребтовъ.

То и дѣло попадались насыпанныя изъ камней могилы; съ одной изъ скалъ близъ дороги глянула на меня небольшая каменная плита съ монгольскою надписью „омъ-ма-ни-

падъ-ме - хумъ", *) — обычное заклинаніе Тибета.

Заклинанія эти, часто попадающіяся въ Монголіи и, по свидѣтельству А. Іоддля, на каждомъ шагу на родинѣ ихъ, въ Тибетѣ, въ Урянхаѣ рѣдки и я снялъ плиту и погрузилъ ее въ свой тарантасъ.

Плита привозная; объ этомъ свидѣтельствовали матеріалъ ея, чуждый мѣстности и полная пустынность послѣдней.

Подъ вечеръ путь намъ преградила довольно высокая гора; подъ каменной кручей ея изъ зелени тополей выглядывали окна и стѣны факторіи, извѣстнаго всему Урянхаю Захара Ивановича.

Настоящее имя его — Шакиръ Мухамеджановъ, въ Захара же Ивановича его превратили русскіе крестьяне и сойоты, знающіе его только подъ этимъ именемъ.

— Правильный человѣкъ!—отзывались о немъ крестьяне въ Джакулѣ и Шагонарѣ: — этотъ не обманетъ!

Такой же отзывъ я слышалъ со всѣхъ сторонъ только о немъ одномъ изъ купцовъ. И не повидать такой уникумъ было бы непростительно!

Мы свернули къ факторіи.

На довольно просторномъ дворѣ, обнесенномъ высокимъ бревенчатымъ заборомъ, у крытой террасы, примыкавшей къ дому, встрѣтилъ насъ самъ хозяинъ, средняго роста пожилой татаринъ въ синей тюбетейкѣ; слегка тронутое оспой лицо его ничѣмъ особеннымъ не огличалось и только спокойные сѣрые,

---

*) Въ переводѣ значитъ: „Драгоцѣнность въ цвѣткѣ лотоса".

ушедшіе въ орбиты глаза, смотрѣли умно и внимательно.

Мы поздоровались и познакомились.

На террасѣ появилась довольно полная, еще весьма красивая женщина, съ черными волосами и глазами—жена Захара Ивановича, извѣстная мнѣ, да и всѣмъ, только подъ именемъ Екатерины Ивановны и пользующаяся не менѣе мужа широкимъ уваженіемъ.

Насъ пригласили въ комнаты, убранныя совсѣмъ на русскій образецъ и хозяинъ сѣлъ съ нами, занимать насъ, а Екатерина Ивановна принялась хлопотать насчетъ угощенія.

Умница, наблюдательный, выдержанный человѣкъ — вотъ впечатлѣніе, что я вынесъ изъ бесѣды съ хозяиномъ. И если бы не казанско-татарское обличье, ни по говору, ни по понятіямъ я никогда и не подумалъ бы, что со мной ведетъ рѣчь не коренной русакъ.

А когда, разрумянившись отъ кухоннаго жара, къ намъ подсѣла за столъ, уставленный всякой всячиной, вся воплощенная привѣтливость и радушіе, Екатерина Ивановна и принялась разливать чай, мнѣ стало казаться, что мы заѣхали куда то въ россійскую провинцію, къ дореформеннымъ помѣщикамъ средней руки. Было уютно и домовито.

Послѣ закуски мы отправились посмотрѣть хозяйство и окрестности факторіи. Чувствовалось, что въ ней всѣмъ живется хорошо и сытно: объ этомъ свидѣтельствовали круглыя рожи татаръ-рабочихъ и птичій и скотный дворы.

Факторія стоитъ на намывѣ рѣки, вдавшемся въ нее полукругомъ. Берегъ укрѣпленъ плетневыми огражденіями и стволами деревьевъ, вбитыми вмѣсто свай, но безумный Кемчикъ, несмотря ни на какія преграды, рветъ и

рушитъ берегъ и вѣроятно близокъ день, когда Захару Ивановичу придется сняться съ насиженнаго гнѣзда и переносить его на другое мѣсто: отъ потока до стѣны амбаровъ оставалось не свыше пяти или шести саженъ. Мѣстами на берегу лежали недавно рухнувшіе, еще зеленые громадные тополя, подмытые водою.

На дворѣ гуляли всевозможныя птицы, начиная отъ крупныхъ куръ и кончая красивыми голубями; среди пернатаго царства выдѣлялся долговязый сѣрый журавль, подобранный Захаромъ Ивановичемъ во время перелета; за зиму птица такъ приручилась, что не ушла съ гостепріимнаго двора и весной, несмотря на зовы товарищей. Днемъ онъ часто улеталъ къ нимъ, но вечеромъ возвращался домой и нерѣдко приводилъ съ собой пріятелей, но тѣ не рѣшались слѣдовать во дворъ и „журка" оставлялъ ихъ на лужкѣ, а самъ важно шествовалъ въ ворота.

Со двора мы отправились купаться и затѣмъ выбрались на степь, взглянуть на просторъ ея.

Въ недалекомъ разстояніи, между кустовъ, двигалось что-то странное: красный балдахинъ, вродѣ тѣхъ дрогъ, на которыхъ возятъ покойниковъ, только весьма маленькаго размѣра, почти будочка; красныя занавѣски его болтыхались и полускрывали чью-то фигуру.

Впереди ѣхалъ верховой сойотъ; сзади будочки виднѣлось нѣсколько всадниковъ, всѣ въ кирпично-красноватыхъ халатахъ. Наконецъ странный экипажъ миновалъ кусты и я различилъ черты хамбо-ламы, втиснутаго въ узкую будку; онъ сидѣлъ на скамеечкѣ въ своемъ деревянномъ позолоченномъ шлемѣ и, видимо,

удовольствія отъ такого способа передвиженія не испытывалъ.

Мы заторопились вернуться въ факторію, но поспѣли туда уже послѣ въѣзда хамбо-ламы и выхода его изъ его тріумфальной колесницы; она оказалась дрогами, на которыхъ была укрѣплена выкрашенная деревянная будочка съ рваными и грязными занавѣсками изъ кумача.

Увидавъ насъ, хамбо-лама, уже обмѣнявшійся съ хозяевами привѣтствіями, осклабился довольной улыбкой, выставивъ наружу два ряда бѣлыхъ, крупныхъ какъ у лошади, зубовъ, и пошелъ къ намъ на встрѣчу съ протянутой рукой.

Въ домѣ опять засуетились и стали приготавливать угощеніе. Тѣмъ временемъ татары, служащіе Захара Ивановича, принялись ставить во дворѣ около террасы рѣшетки юрты для ночлега хамбо-ламы, но сойотское ли искусство было имъ незнакомо, не хватило ли какихъ-либо частей, только устроить юрту имъ не удалось и высокій гость долженъ былъ ночевать въ комнатѣ, гдѣ, по признанію Захара Ивановича, блохъ было множество.

За ужиномъ хамбо-лама первымъ ни къ чему не притрагивался и выжидалъ, чтобы я взялъ что-либо и началъ ѣсть, тогда и онъ приступалъ къ ѣдѣ по моему образцу; вилку и ножикъ онъ держалъ такъ, что сразу была видна полная непривычность его къ этимъ инструментамъ.

На сладкое былъ поданъ компотъ изъ шепталы; послѣднюю онъ глоталъ съ косточками.

Рядомъ съ хамбой сидѣлъ я, а по другую сторону его — старшій изъ ламъ, не проронившій за весь ужинъ ни слова и державшійся чинно и сосредоточенно. Послѣ ужина

хамбо-лама пошелъ взглянуть на мою палатку, Жужелъ поставилъ ее при помощи татаръ на лужкѣ передъ домомъ и хамбо съ одобрительной улыбкой осмотрѣлъ ее, заглянулъ во внутрь, посидѣлъ на нашихъ кроватяхъ и ушелъ спать.

А мы съ женой еще побродили вокругъ факторіи и полюбовались мѣсячной ночью. Небо было темно-синее; почти надъ самымъ дворомъ вставали утесы Змѣиной горы, которую на завтра намъ предстояло переваливать: имя это она получила изъ-за множества змѣй, гнѣздящихся въ ея разсѣлинахъ.

Утромъ, когда я вышелъ изъ палатки, первое, что я увидѣлъ, былъ хамбо-лама, съ заспаннымъ лицомъ сидѣвшій на скамейкѣ около дома; ноги его были широко разставлены, онъ подставлялъ горсточку одной руки и молодой татаринъ наливалъ въ нее изъ мѣднаго кумгана воду; хамбо-лама мазалъ себя ею по лицу и все время усмѣхался и покачивалъ головою, какъ бы удивляясь диковинной операціи.

Вытеревшись полотенцемъ Захара Ивановича, онъ поздоровался со мной и мы отправились въ комнаты пить чай.

Захаръ Ивановичъ снабдилъ меня для дальнѣйшаго странствованія бричкою и парой лошадей и когда я хотѣлъ расплатиться съ нимъ за все, замахалъ обѣими руками и не взялъ ни гроша.

Хамбо-лама остался погостить еще.

Мы выѣхали часовъ въ девять утра, провожаемые всею семьею Захара Ивановича и его гостями.

День стоялъ пасмурный.

Сытые коньки бодро зарысили въ гору и строенія скоро закрылись начавшимися поворотами.

Сейчасъ же за горой пріютилась другая факторія — Леонова. Ихъ раздѣляетъ только толща горы, всего какихъ нибудь саженъ въ 200, но благодаря Кемчику попасть изъ одной въ другую можно только кружнымъ путемъ, черезъ гору.

Къ Леонову я собирался заѣхать на обратномъ пути, а потому мы проѣхали мимо, не останавливаясь.

На южномъ скатѣ длинной Змѣиной горы стоитъ, нѣсколько накренившись, древняя каменная статуя; около нея нѣтъ ни насыпи, ни ямы.

Удивительное впечатлѣніе производятъ эти статуи, встрѣчающіяся въ пустынѣ! Кругомъ все однообразно, безжизненно и безмолвно. И вдругъ взглядъ встрѣчаетъ фигуру человѣка, словно поднявшагося послѣ долгаго сна изъ подъ земли и вперившаго въ васъ немигающіе глаза. Что онъ видѣлъ — кто его поставилъ — все это тайна и загадка.

У подножія горы, вдали отъ статуи, бѣлѣли каменныя могилы.

Мы спустились къ обширному заливному болоту и долго ѣхали по извилистому высокому краю вдоль него.

Верстъ черезъ пятнадцать, тамъ, гдѣ дорога взошла на возвышенное плато, въ излучинѣ у горы открылось большое кладбище: словно гряды каменныхъ кургановъ всякихъ размѣровъ близко прижались другъ къ другу; небольшіе перевалы, попадавшіеся дальше, сплошь были покрыты кусками чернаго кремня.

Еще верстъ черезъ пятнадцать у горъ, на урочищѣ Чиржалыкъ („расколотое мѣсто") опять встрѣтилось скопленіе кургановъ.

Про одиночныя могилы я не упоминаю: онѣ попадаются въ любомъ мѣстѣ.

За маленькимъ озеркомъ началось болото и скатертью развернулась обширнѣйшая Барлыцкая степь. Представьте себѣ оваль верстъ въ пятьдесятъ длиною и верстъ пятнадцать шириною, заключенный въ рамку изъ горныхъ цѣпей, чередами встающихъ одна за другою и превращающихся на юго-западѣ въ серебряныя вершины, на которыхъ покоится небо — и вы увидите Барлыцкую степь. Съ юга и востока ее сторожатъ черные хребты Танну-ола, съ запада — величавые, вѣчные льды Алтая.

Что то неизъяснимое, восторженное и молитвенное, пробуждалъ въ душѣ развернувшійся видъ, равнаго которому нѣтъ во всемъ Урянхаѣ.

Колыбель дѣтства европейскихъ народовъ по которой пролегалъ великій караванный путь на южную Россію (Ольвія) быть можетъ мѣсто погребения Чингиза — вотъ въ обаяніи чего предстала передо мной Барлыцкая степь.

Я вглядывался въ нее, надѣясь хоть сколько нибудь воскресить прошлое, но глаза встрѣчали только могилы и могилы . . .

По срединѣ степи, на разстояніи версты — двухъ другъ отъ друга, встаютъ три одинокія крутыя горы. Странно было видѣть ихъ высокія скалистыя громады, словно острова выросшія на равнинѣ.

Степь вторичнаго образованія; галька, которой засыпана ея поверхность, мѣстами еще лежитъ на пескѣ струями и даетъ возможность ясно различить рукава когда то бѣжавшаго здѣсь Кемчика. Нынѣшній уровень послѣдняго находится сажени на двѣ съ лишнимъ ниже.

Верстахъ въ двухъ отъ ближайшей къ рѣкѣ горы, мы замѣтили огромное кладбище, раскинувшееся у заросшей лѣсомъ излучины „ключа“, впадающаго въ Кемчикъ.

Кладбище имѣло настолько необычный видъ, что мы вышли изъ экипажа и стали его осматривать. По крайней мѣрѣ десятина была усѣяна открытыми каменными гробницами изъ красныхъ и синихъ плитъ. Ни надписей, ни памятниковъ не виднѣлось.

Нашъ кучеръ — молодой и толстый какъ котъ татаринъ, пояснилъ, что урочище это именуется Саденъ-терекомъ.

— Тутъ сейчасъ и Боярскій живетъ!—добавилъ онъ, указывая рукою вправо, въ сторону Кемчика.

Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ —изъ за деревьевъ показались лачуги — факторія Иваницкаго, которой завѣдывалъ Діонисъ Максимовичъ Боярскій, — старожилъ и большой знатокъ края.

ГЛАВА XXIII.

Носитель такого необычнаго имени оказался небольшимъ и плотнымъ голубоглазымъ сибирякомъ — крестьяниномъ съ коротко остриженною головою и длинною, до полъгруди, рыже-серебряною бородою.

У меня имѣлось къ нему письмо отъ его начальства — Порватова, поручившаго ему сопровождать меня во всѣхъ экскурсіяхъ.

Какъ и всюду, встрѣча была весьма радушная и хозяйка принялась гонять свою прислугу — здоровенную дѣвку — въ кухню и обратно.

Въ Боярскомъ, горячо рекомендованномъ мнѣ Борисомъ Михайловичемъ въ качествѣ умницы и знатока Кемчика, я дѣйствительно получилъ незамѣнимаго спутника, переводчика

и разсказчика о прошломъ: въ краѣ онъ прожилъ 27 лѣтъ, сойотскій языкъ зналъ какъ свой собственный и бесѣды у насъ съ нимъ пошли неисчерпаемыя.

Жена Боярскаго оказалась тонною мѣщанкой изъ г. Минусинска. Она то и дѣло употребляла въ разговорѣ „образованныя" слова, поджимала губы и, вперемежку съ сѣтованіями на дуру - прислугу, вела „умныя рѣчи".

Извѣстно, что если у женщины имѣется „тонность", то больше ей Господомъ Богомъ ничего не отпускается и хозяйство у нея идетъ кое какъ, дѣти ходятъ чумазыми, клоповъ въ домѣ разводится не меньше, чѣмъ „образованныхъ словъ"; то же было и у Боярскихъ.

Поэтому, предложеніе остановиться въ „горницахъ" я отклонилъ и Жужелъ разставилъ на степи передъ домомъ нашу палатку.

Что за красота была послѣ заката солнца!

Степь лежала безмолвная, завечерѣвшая, необъятная; вѣчные снѣга превратились въ пылающій пурпуръ, затѣмъ начали блѣднѣть, синева все больше и больше заливала ихъ; воцарились ночь и вѣчный покой, какой дано видѣть и понимать человѣку только у подножія великихъ горъ...

Мы съ женой долго наслаждались ночью, сидя, закутавшись въ бурки, на лавочкѣ у закрытыхъ воротъ давно уснувшей факторіи.

На другой день мы отправились въ степь для осмотра ея и статуй и надписей на одиночныхъ горахъ.

У одной изъ нихъ расположилась пара сойотскихъ юртъ; навстрѣчу попалось громадное стадо овецъ. Травы около горы имѣлось въ изобиліи, что свидѣтельствовало о заболоченности: воды между тѣмъ не было видно совершенно.

Я спросилъ у Боярскаго, откуда берутъ ее жители юртъ.

— А ямки роютъ! — отвѣтилъ онъ; — вода близко тутъ. Плохая только: соленая!

Неприступныя скалы горъ были осыпаны разноцвѣтнымъ стадомъ козъ. Незнающія головокруженія животныя эти прыгали съ утеса на утесъ и гуляли по такимъ черточкамъ карнизамъ, что дѣлалось страшно за нихъ.

У средней горы мы остановились и вылѣзли изъ брички, чтобы осмотрѣть надписи. Пришлось и намъ подражать козамъ, но къ счастью лѣзть довелось на небольшую высоту и то понапрасну: надписи оказались монгольскими и самыми новѣйшими, учиненными кѣмъ то изъ досужихъ ламъ.

Зато дальнѣйшее искупило первую неудачу.

Неподалеку отъ той же горы, на юго-западъ, въ степи расположено нѣсколько могилъ, обставленныхъ плитами. Около нихъ, на небольшой отгороженной камешками площади, лежали большіе куски камней, носившіе слѣды какой то отдѣлки.

— Эхъ! — сказалъ Боярскій: — уже разбили ихъ? Въ прошломъ году я здѣсь былъ — еще стояли онѣ!

Мы принялись складывать куски и, кромѣ головъ, удалось возстановить обѣ статуи. Онѣ были весьма грубой, совершенно чуждой Кемчику работы и изображали какихъ то людей, сидѣвшихъ со скрещенными ногами. На площадкѣ намѣчались два провальца — могилы.

Дальше, среди степи, виднѣлся невысокій плоскій курганъ съ сѣрѣвшею посрединѣ его мощной поясной статуей. Она примѣтна издалека и по выполненію великолѣпна. Среди

сойотовъ она слыветъ подъ именемъ Чингизъ-Хана и также какъ обѣ Джеданскія заслуживаетъ чести быть вывезенной въ музей.

Долина Кемчика когда то была весьма населена и цвѣтуща. Вездѣ въ ней имѣются слѣды древнихъ оросительныхъ канавъ, свидѣтельствующіе объ обширномъ быломъ земледѣліи: въ ущельѣ по р. Аласу и по верховью Кемчика видны остатки мельницъ; изрѣдка изъ осыпей горъ выпадаютъ предметы обихода и бронзоваго вѣка.

Нынѣ это обширнѣйшая пустыня съ оазисами, кое гдѣ изъ сойотскаго населенія; русскаго населенія во всемъ Кемчикѣ всего три семьи.

Долина Большого и Малаго Кундургеевъ, урочище Секерге, вся лѣвая сторона Кемчика— такія же пустыни, между тѣмъ, онѣ вполнѣ пригодны для земледѣлія и, кромѣ легкой возможность разсѣять по нимъ воду, имѣютъ ее совсѣмъ близко подъ почвой. Бездна мѣста имѣется и на правой сторонѣ Кемчика.

Но да сохранитъ Господь Богъ русское правительство послать когда либо въ Урянхай переселенцевъ изъ Европейской Россіи! Въ немъ они превратятся въ нищую орду, вѣчно требующую субсидій и заботъ о себѣ и способную только развратить край, но не благоустроить его.

Надо не переселять въ него, а только не препятствовать переселяющимся и косвенно, слегка, помогать имъ. И край безъ правительственныхъ затратъ и заботъ быстро превратится въ русскую окраину, сильную и стойкую.

Главное вниманіе въ немъ должно быть удѣлено скотоводству, затѣмъ горнымъ промысламъ и уже потомъ земледѣлію.

ГЛАВА XXIV.

Восемь дней бѣлѣла наша палатка около факторіи Иваницкаго. Каждый день мы въ сопровожденіи Боярскаго съ утра уѣзжали на осмотры и изслѣдованія, ѣздили большей частью верхомъ на рѣзвыхъ иноходцахъ, присланныхъ въ наше распоряженіе хамбо-ламою и, возвратившись подъ вечеръ, сейчасъ же отправлялись купаться въ ледяной ключъ — чистый какъ горный хрусталь.

Побывали въ Итыгейской степи, гдѣ видѣли „Болгачъ" — древнюю крѣпость; ознакомились съ мѣсторожденіями азбеста въ горахъ, посѣтили хамбо-ламу въ его постоянномъ мѣстѣ жительства при хуррэ близъ устья рѣки Барлыка и т. д. Два дня посвящены были раскопкамъ.

Боярскій повѣдалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ осыпи горы Бай тайги, послѣ проливного дождя, сойоты обнаружили разные древніе предметы, попавшіе затѣмъ въ руки ламъ и шамановъ.

По моей просьбѣ, Боярскій послалъ за однимъ изъ собственниковъ ихъ, ламою, и тотъ привезъ желѣзную кольчугу русской работы XVI вѣка. На предложеніе мое продать ее мнѣ, лама рѣшительно отказался и заявилъ что сдѣлать этого никакъ нельзя: кольчуга, вмѣстѣ съ другими вещами, была сброшена съ неба и они одѣваютъ въ нее какое то божество въ хуррэ. Всѣ мои доводы, что божеству никакія кольчуги не нужны и что имъ сбросятъ съ неба еще сколько потребуется — не подѣйствовали.

Ламѣ я вручилъ серебряный рубль за безпокойство; онъ сунулъ за пазуху кольчугу, сѣлъ на коня и ускакалъ во свояси.

Боярскій хитро подмигнулъ мнѣ.

— Ничего!—сказалъ онъ, — вотъ поѣдемъ къ хамбо-башкѣ, поговоримъ съ нимъ, можетъ еще что и выйдетъ!

Шаманъ, въ руки котораго попали топоръ, ножъ и пряжка мѣднаго вѣка, тоже не пожелалъ продать ихъ: онъ ихъ начистилъ до блеска расплавленнаго золота и, въ качествѣ небесныхъ и заколдованныхъ вещей, гордо носилъ ихъ на поясѣ.

Главная драгоцѣнность—ваза мѣднаго вѣка, хранилась, по словамъ Боярскаго, у хамбо-ламы. Собравъ всѣ свѣдѣнія о находкахъ, мы покатили на устье Барлыка.

Описывать хуррэ не стоитъ: оно ничѣмъ не отличается отъ уже описанныхъ мною и только меньше ихъ по размѣрамъ и расположено на обнаженной равнинѣ.

Юрты хамбо-ламы и его слугъ и ламъ стояли въ сторонѣ отъ храма. У входа къ первосвященнику высилась тренога по плечо человѣку; ее увѣнчивала драгоцѣнная темная, грубой работы, овальная ваза съ двумя ушками, изъ которой длинною струйкой змѣился дымокъ священнаго куренья. Я сразу узналъ въ ней то, что искалъ: находку съ Бай-тайги.

Между юртами засуетились и забѣгали люди. Хамбо-лама, котораго Боярскій заранѣе предупредилъ о нашемъ визитѣ, вышелъ встрѣтить насъ въ своемъ затрапезномъ, старомъ кирпичнаго цвѣта, одѣяніи.

Просторная юрта его далеко не производила богатаго впечатлѣнія: въ ней было много Буддъ всякихъ размѣровъ и чашечекъ передъ ними; выглядѣла она нѣсколько уютнѣе нойонскихъ. Насъ уже ожидалъ чай. Благодаря чудесному переводчику—Боярскому, схватывавшему мысль съ полуслова и умѣвшему развить

ее въ должной окраскѣ и мѣрѣ, бесѣда наша съ хамбо-ламою затянулась на два часа.

Между прочимъ, Боярскій ввернулъ ему, что мнѣ очень хотѣлось бы имѣть найденные на Бай-тайгѣ предметы; хамбо-лама подумалъ и что то сказалъ плечистому ламѣ, стоявшему у входа.

Тотъ вышелъ изъ юрты и Боярскій съ довольнымъ видомъ подмигнулъ мнѣ.

Нежданно намъ подали настоящія, хотя и прескверныя, пельмени: хамбо-лама хотѣлъ доставить намъ удовольствіе роднымъ кушаньемъ.

Послѣ ѣды и чая онъ отправился показывать намъ храмъ; оттуда мы заглянули на строющійся русскими плотниками двухъэтажный деревянный домъ и узнали, что домъ этотъ, первый сойотскій въ Урянхаѣ, строитъ для себя хамбо-лама.

Въ храмѣ среди разныхъ цѣнностей мнѣ были показаны древнія китайскія рукописи-лѣтописи. Двѣ изъ нихъ были съ рисунками, одинъ изъ которыхъ изображалъ манчжура и до такой степени походилъ на чубатаго и усатаго Святослава, что я подумалъ — ужъ не его ли портретъ воспроизведенъ въ рукописи.

Не отсюда ли дѣйствительно, не изъ здѣшнихъ ли степей и горъ со своимъ скотомъ, чубами и усами пришли на Русь по великому „Скифскому“ пути наши предки — тѣ „рыжеволосые и голубоглазые демоны“ о которыхъ говорятъ древнія лѣтописи Срединной имперіи?

Когда мы вернулись къ юртѣ, около нея стояли чиновники и небольшая кучка сойотовъ. Я узналъ среди нихъ ламу, привозившаго кольчугу и угрюмаго шамана, владѣльца древнихъ мѣдныхъ вещей.

Хамбо-лама подманилъ ихъ къ себѣ пальцемъ и проговорилъ нѣсколько словъ.

— Приказалъ отдать все! — перевелъ мнѣ Боярскій.

Безъ возраженій, шаманъ торопливо отстегнулъ свой поясъ и сталъ снимать вещи; не проронивъ ни звука, извлекъ изъ за пазухи кольчугу и лама.

Конечно, сейчасъ же полѣзъ въ свой карманъ и я, и въ обмѣнъ на вещи, въ рукахъ дикарей зазвенѣли серебряные рубли.

Хамбо-лама глядѣлъ и улыбался; затѣмъ онъ обратился къ толпѣ, произнесъ нѣсколько фразъ и чьи то двѣ руки сняли съ подставки вазу, вытрясли изъ нея уголья и она очутилась въ моихъ объятіяхъ.

Отдаривать хамбо-ламу мнѣ было уже нечѣмъ: запасъ подарковъ, сдѣланный нами въ Иркутскѣ, былъ исчерпанъ. Отъ денегъ хамбо-лама отказался и мы, горячо поблагодаривъ его за всѣ любезности, уложили свои драгоцѣнныя пріобрѣтенія въ тарантасъ и покатили обратно къ Саденъ-тереку.

Сойоты долго не расходились и провожали насъ глазами.

То-то, вѣроятно, ругали они про себя руссовъ, такъ легко и просто увезшихъ съ собой столько вещей, сброшенныхъ съ неба!

Легенду о Бай-тайгѣ, кстати сказать возвышающейся на лѣвомъ берегу Кемчика, неподалеку отъ ставки хамбо-ламы, я передалъ въ одномъ изъ разсказовъ. Боярскій дополнилъ ее.

Сойоты нѣсколько разъ видѣли на горѣ привидѣніе — коня, перелетавшаго черезъ пропасти; жизнь около Бай тайги приноситъ удачу, но скотъ и коней тамъ таврить нельзя, иначе Инезе гнѣвается и все затавренное сдохнетъ.

Въ громадной, слегка заболоченной и безлюдной Игыгейской степи, мы наткнулись на поразительное зрѣлище: невѣроятное, состоявшее изъ многихъ десятковъ тысячъ, стадо журавлей. Часть ихъ спала, словно залегшіе на отдыхъ батальоны, другіе разгуливали, нѣсколько небольшихъ кучекъ плясало. Пляшущіе, распустивъ крылья, топтались другъ передъ другомъ съ такимъ серьезнымъ и смѣшнымъ видомъ, что нельзя было удержаться отъ улыбки.

Мы спустились съ горъ по тропкѣ и появились среди птицъ неожиданно для нихъ. Но насторожились только ближайшія, остальныя не обратили на насъ никакого вниманія и продолжали заниматься своими дѣлами, хотя мы проѣхали мимо нихъ всего въ какихъ-нибудь тридцати саженяхъ.

Что бы это произошло, если бы вся стая разомъ взмыла при видѣ насъ?

Залежи азбеста — этого драгоцѣннаго волокна, на Кемчикѣ громадны: мощность дѣйствительнаго запаса азбеста въ горахъ между Итыгейской степью и лѣвымъ берегомъ Кемчика равняется 19.200.000 пудовъ. Кромѣ того, вѣроятный запасъ опредѣляется еще въ высшую цифру.

Качествомъ урянхайскій азбестъ выше канадскаго: таблицы анализовъ ихъ слѣдующія:

	Въ канадскомъ.	Въ урянхайскомъ.
Кремне-кислоты . .	42 2	40,99
Окиси магнія . . .	42.7	42,80
„ желѣза . . .	0,27	1,8
„ аллюминія .	0.38	1,14
„ воды . . .	14,25	13,35

Если къ этому добавить, что чистаго дохода съ пуда азбеста послѣ доставки его въ

Петербургъ — по цѣнамъ, существовавшимъ до войны — остается 1 р. 50 к. — то размѣры богатства, таящагося въ прикемчикской пустынѣ будутъ ясны.

Золотомъ, имѣющимся почти всюду, особенно изобилуютъ хребты Танну-Ола; залежи и запасы мѣди колоссальны и почти повсемѣстны.

Населеніе Итыгейской степи и окрестныхъ горъ на многіе десятки верстъ — только журавли, дрофы да куропатки; мы ѣхали верхами и непуганныя никѣмъ громадныя птицы подпускали насъ почти вплотную, саженъ на десять и ближе.

По разсказамъ Боярскаго, первымъ насельникамъ на Кемчикѣ жилось весьма трудно. Сойоты, не желая, чтобы русскіе подолгу заживались въ краѣ, не позволяли имъ крыть избы крышами, устраивать городьбу и вообще ставить основательныя строенія. Узнавъ про начавшуюся постройку, они являлись къ ней толпами, разгоняли рабочихъ и только послѣ многихъ дней пьянства и обжиранья за счетъ строившагося, дозволяли ему возвести плохенькую хибарку.

Усинское начальство въ дѣла далекаго Кемчика не вмѣшивалось и заступаться за обиженныхъ боялось. Дѣло дошло до того, что когда рѣшился наконецъ заглянуть туда, не отличавшійся энергіей, пограничный начальникъ Александровичъ, сойоты его выгнали и онъ долженъ былъ бѣжать самымъ позорнымъ образомъ. Та же участь постигла и горнаго инженера Захваткина. Никакого удовлетворенія за это дано не было и немудрено, что сойоты, руководимые тогда грознымъ Хайдубомъ, обнаглѣли окончательно.

Въ одинъ прекрасный день къ русскимъ переселенцамъ, ко всѣмъ кромѣ М. Бякова, явились сойотскіе чиновники и заявили, что Хайдубъ приказалъ всѣмъ выселиться съ Кемчика въ трехдневный срокъ. Стояла зима; тронуться въ путь было немыслимо, разореніе предстояло полнѣйшее.

Немногочисленные поселенцы собрались къ Боярскому — избранному ими старшо̀му — и порѣшили тянуть переговоры съ Хайдубомъ о продленіи срока. Давать знать о бѣдѣ Усинскому начальству было безполезно, поэтому они снарядили гонца въ Ургу, къ нашему консулу и просили его о помощи.

Гонецъ уѣхалъ, а переселенцы стали усиленно спаивать и закармливать лихихъ гостей. Маневръ, къ счастью, удался: консулъ распорядился быстро, по настоящему, и недѣли черезъ три на Кемчикъ прискакали изъ Урги казаки и монгольскіе чиновники съ приказомъ Хайдубу не смѣть трогать русскихъ и немедленно явиться самому въ Ургу.

Хайдубъ предпочелъ отравиться. Но среди сойотовъ ходитъ слухъ, будто онъ живъ и только скрылся до поры до времени.

Какую роль въ движеніи противъ русскихъ, имѣвшемъ тогда мѣсто, игралъ М. Бяковъ — не знаю, но слѣдующій разсказъ Боярскаго кидаетъ лучъ свѣта и на этотъ вопросъ.

Какъ то Боярскій былъ у Бякова, когда къ послѣднему заѣхали нежданные гости: — двое инженеровъ, фамилій которыхъ онъ не помнилъ.

Какъ водится, встрѣтилъ старикъ Бяковъ гостей радушно и угостилъ ихъ на славу. За угощеніемъ разспросилъ, кто они, зачѣмъ ѣдутъ и отпустилъ отъ себя только черезъ

нѣсколько часовъ, снабдивъ ихъ многочисленными совѣтами, указаніями и даже своими лошадьми и бричкою. Инженеры ѣхали съ научными цѣлями.

— Уѣхали инженеры, — разсказывалъ Боярскій, — смотрю, ходитъ по горницѣ старикъ да похохатываетъ. — Чего ты? — спрашиваю. А онъ въ окна заглядываетъ и все похохатываетъ.

— Жду, скоро ли гости мои назадъ вернутся, — говоритъ.

— Съ чего назадъ? вѣдь они только что уѣхали. Не раньше какъ черезъ мѣсяцъ жди.

— Нечего имъ здѣсь дѣлать, — отвѣчаетъ.

Прошло часа съ два — гляжу, батюшки мои: инженеры наши во дворъ въѣзжаютъ! выбѣжали мы къ нимъ, спрашиваемъ, что такое, что случилось?

Говорятъ, встрѣтило ихъ на пути человѣкъ двадцать верховыхъ сойотовъ съ чиновникомъ и не позволили ѣхать дальше. Инженеры туда сюда — сойоты грозить стали. Ну, тѣ видятъ, дѣлать нечего — назадъ повернули. Старикъ Бяковъ разъахался, ругать принялся сойотовъ на чемъ свѣтъ стоитъ: — разбойники, — говоритъ, — мошенники!

Такъ и уѣхали назадъ въ Чакуль инженеры, не повидавъ ничего, на Бяковскихъ же лошадяхъ. Благодарили его очень, руку жали . . .

А уѣхали, — въ лежку легъ старикъ отъ смѣха.

— Я, — говоритъ, — пока они тутъ прохлаждались, верховаго послалъ, чтобы ихъ не пропустили и назадъ бы заворотили!

— Да на что же, — говорю, — ты такъ сдѣлалъ?

— А такъ, — отвѣчаетъ: — нечего имъ тутъ шнырять; безъ нихъ лучше!

Разсказъ записанъ мною дословно, высокая же правдивость Боярскаго засвидѣтельствована рядомъ лицъ.

Оффиціальной версіи о причинѣ дѣйствій Хайдуба противъ русскихъ, предпринятыхъ якобы изъ „ненависти“ къ нимъ, я не вѣрю совершенно: это разсказъ для будущаго новаго Иловайскаго.

Русскихъ на Кемчикѣ можно розыскать развѣ съ высокой горы въ хорошую подзорную трубу, а въ 1904—5 годахъ ихъ было еще меньше. Говорить о захватахъ ими земли — не приходится тоже, такъ какъ они ея почти не касаются и понынѣ и промышляютъ исключительно торговлей.

Въ настоящее время первымъ вопросомъ въ краѣ является прирученіе нойоновъ и превращеніе ихъ изъ китайскихъ мандариновъ въ русскихъ помѣщиковъ.

Какъ всѣ восточные люди, они жадны до наградъ и подарковъ. Не такъ давно Кемчикскій нойонъ за красный шарикъ на шапку заплатилъ китайцамъ 20.000 рублей. И то, что не смогутъ передѣлать въ душѣ ихъ красивые кафтаны, чины и медали, то окончательно сломитъ поѣздка старшаго урянхайскаго чиновничества во главѣ съ хамбо-ламой въ Россію.

ГЛАВА XXV.

Закончивъ всѣ свои дѣла на Кемчикѣ, мы простились съ этимъ поразительнымъ уголкомъ Урянхая и съ Боярскимъ и въ круговую, инымъ путемъ, покатили въ Бѣлоцарскъ.

Описывать обратную поѣздку я не стану. Были мелкія приключенія, поломки экипажей, ночные ливни, ночевки то въ степи, въ туманѣ у излучинъ рѣкъ, то въ горахъ. Видѣли много людей, но къ моему разсказу о краѣ новаго эти четыреста верстъ ничего не прибавятъ.

Къ Бѣлоцарску мы подъѣзжали черною ночью. Не было видно ни дороги, ни построекъ; бричка наша то и дѣло стукалась колесами о бревна, раскиданныя по „городу", и приходилось думать только о томъ, какъ бы не ввергиться со всей тройкой въ какой-либо ровъ для фундамента.

Въ плетневой хибаркѣ пристава свѣтилось занавѣшенное окно.

— Владиміръ Михайловичъ! — крикнулъ я: — здравствуйте!

Еще нѣсколько минутъ, и мы были у священной рощи.

Въ двухъ палаткахъ еще горѣли огни. Колокола тройки, топотъ коней и наши голоса перебудоражили весь лагерь. Всѣ, кто былъ на лицо, высыпали навстрѣчу; сейчасъ же раздули опять костеръ, появились приставъ и техникъ Михайловъ, агрономы, и мы далеко за полночь провели за дружеской бесѣдой.

Казалось, что мы вернулись послѣ долгой отлучки въ свою семью, гдѣ ждали и радовались нашему возвращенію. Пріятно было и намъ видѣть ихъ симпатичный, дружный кружокъ и слушать ихъ разсказы и новости. Но эти строки не для петербуржцевъ: ихъ пойметъ только тотъ, кто, подобно намъ, мѣсяцы проводилъ въ пустынѣ.

Мы пріѣхали во время: черезъ день предстояло освященіе Бѣлоцарска.

Весь слѣдующій день прошелъ въ хлопотахъ: я укладывалъ въ два огромные сундука,

приготовленные мнѣ плотниками изъ толстаго кедра собранные мною черепа, коллекціи и пр.; другіе устраивали длинные столы для гостей и для рабочихъ, добывали провизію, украшали флагами постройки и мѣсто, на которомъ предстояло вырости церкви.

Съ полдня начали съѣзжаться гости: прибылъ Черневичъ съ Эмиліей Петровной, Сафьянова съ сестрой-гимназисткой, Платоновъ, старшіе выборные отъ поселковъ и многіе другіе.

Къ вечеру подъѣхалъ Габаевъ съ Г. Е. Грумъ-Гржимайло; съ Большого Енисея подошелъ плотъ съ множествомъ пассажировъ.

Плотъ велъ лучшій изъ Енисейскихъ лоцмановъ — Брюхановъ. Высокій, съ лицомъ сильно тронутымъ оспой, онъ пользовался славой отчаяннѣйшей головы и знатока рѣкъ и тайги. Если отъ чего либо отказывались всѣ — брался сдѣлать Брюхановъ и выполнялъ удачно — былъ ли то зимній переходъ черезъ Араданъ, или еще худшее.

Мы порѣшили не дожидаться другого плота, спеціально для насъ заготовлявшагося на Маломъ Енисеѣ и плыть на Брюхановскомъ: такимъ образомъ мы выгадывали нѣсколько дней. Къ намъ присоединился Григорій Ефимовичъ Грумъ-Гржимайло.

Вечеромъ происходило катанье на лошадяхъ молодежи; у длинныхъ столовъ, приготовленныхъ для интеллигентныхъ гостей, въ нашемъ лагерѣ разложили два огромныхъ костра, служившихъ для освѣщенія. Ужинали большимъ обществомъ, весело и шумно. Платонова я едва узнавалъ, такъ оживилось и одухотворилось лицо его среди людей, общества которыхъ онъ былъ лишенъ столь

долго. У него оказался пріятный и сильный баритонъ.

Подъ аплодисменты и крики браво, онъ спѣлъ нѣсколько романсовъ — первыхъ среди могучихъ священныхъ тополей.

И затѣмъ всей грудью завелъ:

„Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья...“

Ночь стояла торжественная, звѣздная. Для насъ дѣйствительно наступалъ послѣдній „денечекъ“ пребыванія въ Бѣлоцарскѣ, досматривался послѣдній актъ Урянхайской пьесы...

На слѣдующее утро на мѣстѣ будущей церкви, окруженномъ шестами съ развѣвающимися флагами, былъ молебенъ.

Священникъ сказалъ длинную назидательную рѣчь, въ которой слилъ во едину чашу Навуходоносора, Петрарку, Фарадея, негуса Менелика и еще до полусотни самыхъ разнообразныхъ дѣятелей; рѣчь его какъ будто клонилась къ тому, что худо, когда начинаютъ ссориться два начальства, но скоро выяснилось, что Туранскій отецъ просто блисталъ своей начитанностью и задачей себѣ поставилъ доказать, что всѣ должны вѣрить въ Бога.

Помимо русскихъ, на молебнѣ присутствовала небольшая кучка сойотовъ.

По окончаніи службы толпа хлынула къ заготовленнымъ неподалеку столамъ, на которыхъ уже дымились огромныя деревянныя мисы съ обѣдомъ. Въ чашки, имѣвшіяся съ собой у каждаго, розлили водку и по просьбѣ Габаева и другихъ я сказалъ нѣсколько словъ о землѣ, на которой стояли мы, о грозномъ времени, которое наступило для Руси и кончилъ здравицей за Державнаго Хозяина ея, помнящаго и заботящагося о дѣтяхъ своихъ, закинутыхъ за горы и лѣса за тысячи верстъ.

Рѣчь мою покрыло общее ура.

Началось угощеніе и, побывъ нѣкоторое время среди обѣдавшихъ, мы удалились къ себѣ въ священную рощу, гдѣ насъ ожидали столы, уставленные бутылками и всякими закусками.

Начались тосты. Пили за здоровье Габаева, не мало потрудившагося для созданія города, потомъ по очереди за всѣхъ присутствовавшихъ. Отъ рабочихъ и крестьянъ явились подвыпившія депутаціи качать насъ и этой чаши не минулъ и почтеннѣйшій Григорій Ефимовичъ.

Было оживленно и весело. На степи, „въ городѣ", заливались гармоніи, оттуда же доносились пѣсни.

Пиршество, смѣхъ и пѣніе длились далеко за полночь. Мѣсто, гдѣ стояла наша палатка было пусто: она еще днемъ была перенесена на плотъ, туда же отвезли вещи и сундуки мои присоединились къ сплошнымъ валамъ изъ чемодановъ, тюковъ и узловъ, окаймлявшихъ со всѣхъ сторонъ высокій балаганъ. Полъ его былъ усыпанъ травой и вѣтками; поверхъ нихъ каждый пассажиръ постлалъ себѣ коврикъ, или шкуры и имѣлъ такимъ образомъ свой уголокъ для сна.

Пассажировъ было столько, что втиснуть хоть еще одного человѣка было бы немыслимо; преобладали урянхайскія дамы и учащаяся молодежь; ѣхала семья Чакирова, Эмилія Петровна съ сыномъ, Сафьянова съ сестрой, Леонова съ дѣтьми и т. д. Все это жалось въ повалку самымъ тѣснѣйшимъ образомъ.

Платоновъ спѣлъ послѣднюю пѣсню и мы съ женой встали, чтобы идти къ себѣ на плотъ; отвалить онъ долженъ былъ на разсвѣтѣ.

Все Бѣлоцарское общество пошло провожать насъ. Поднялись мы на обрывъ и въ послѣднiй разъ блеснули намъ въ глаза догоравшiе костры подъ деревьями; роща шумѣла отъ вѣтра, осенняя ночь была непроглядна. Всѣ притихли и молчали. Я понималъ чувство, съ которымъ остававшiеся провожали уѣзжавшихъ счастливцевъ. Сдѣлалось грустно и намъ.

Посидѣли всѣ вокругъ нашей палатки, затѣмъ расцѣловались съ нами и распростились... многiе на всегда...

Утромъ мы были уже далеко отъ Бѣлоцарска.

Плотъ зажилъ своею обычною жизнью. Пассажиры бесѣдовали другъ съ другомъ, читали и ѣли, какъ говорится, „безъ памяти"— безпрерывно. На кормѣ близъ насъ на двухъ очагахъ съ утра до ночи горѣли костры и что нибудь кипятилось, или жарилось; тутъ же, отдѣленныя отъ палатки только лѣсенкой, стояли три лошади.

За Чакулемъ Енисей входитъ въ Саянскiя тѣснины и отсюда начинается самая грозная и самая замѣчательная красота его. Онъ прорвалъ себѣ разсѣлину саженъ отъ ста до двухсотъ шириною и мчится въ ней скоростью около 25 верстъ въ часъ. Нѣтъ ни бечевника, ни тропки: пройти берегомъ немыслимо даже кулику; всюду отвѣсныя погруженныя въ воду, синiя, зеленыя, или красноватыя скалы. Не дай Богъ потерпѣть тамъ крушенiе! Горныя, залитыя сплошною тайгою цѣпи идутъ перпендикулярно къ рѣкѣ и пришлось бы тысячи разъ вскарабкиваться въ непроходимыхъ дебряхъ на перевалы и тысячи разъ спускаться съ нихъ.

Четверо сутокъ шелъ нашъ плотъ черезъ Саяны отъ Джакуля и только у устья Уса

встрѣтили мы до пороговъ маленькій поселокъ: все остальное безмѣрное пространство — царство медвѣдей и мараловъ.

Два раза мы видѣли медвѣдей съ плота; одинъ разъ косматый царь тайги стоялъ высоко на уступѣ горы и глядѣлъ на насъ; въ другой разъ онъ занимался крушеніемъ деревьевъ на небольшомъ мыскѣ и такъ былъ занятъ и увлеченъ своимъ дѣломъ, что только крики заставили его обернуться въ нашу сторону.

На ранней зорькѣ я слышалъ крики марала: словно серебряная волторна звучала въ горахъ.

Виды смѣнялись одинъ поразительнѣе другого; обрывы и упиравшіяся въ небо скалы чередовались съ зелеными ущельями; изъ нихъ грохоча и пѣнясь вырывались потоки; мѣстами съ высотъ неслись и рушились водопады. Бѣлыя облака то и дѣло опоясывали середины горъ.

Иногда воздухъ наполнялся какимъ-то сипѣньемъ, словно выпускался газъ изъ многочисленныхъ сифоновъ. Это шумѣли камни, волочившіеся по дну теченіемъ: съ кормы ясно можно было различить, какъ они пощелкивали на днѣ другъ о друга.

Къ сожалѣнію, начались дожди. Палатка наша превратилась въ клубъ. Мы сидѣли въ ней, открывъ ея полы, ѣхать же на балаганѣ было нерадостно, несмотря на брезенты, одѣяла и все, что ни натягивали на себя пассажиры.

На ночь плотъ причаливалъ къ берегу и задача эта при страшной силѣ теченія и почти полномъ отсутствіи удобныхъ мѣстъ, была далеко не изъ легкихъ.

Пороги мы проходили утромъ.

Еще до отвала плота палатку нашу сложили и убрали со всѣми вещами на балаганъ.

Лошадей связали и укрѣпили нѣсколькими веревками такъ, чтобы ихъ не могло смыть съ плота.

Брюхановъ произвелъ репетицію уборки правилъ и только послѣ этого мы пустились къ порогамъ.

Глухой ревъ ихъ слышался издалека. Мощь теченія все усиливалась: насъ несло подъ скалами со скоростью курьерскаго поѣзда.

Главная задача лоцмана — ввести плотъ въ центральную „струю", и затѣмъ онъ предоставляетъ все на волю Божію; бывали случаи, плоты разбивались вдребезги, но то были именно только случаи, а не правило. Тѣмъ не менѣе, настроеніе у всѣхъ сдѣлалось тревожнымъ и приподнятымъ.

Гулъ и шумъ воды все усиливался, но изъ-за извилинъ рѣки пороговъ видно не было долго.

Казалось, сотня поѣздовъ съ грохотомъ и ревомъ мчалась намъ на встрѣчу. Мы вылетѣли изъ за послѣдняго поворота, обогнули камень, торчавшій посрединѣ рѣки и вдругъ почувствовали, что рѣка стремительно бросилась вмѣстѣ съ нами на зубья чудовищной каменной бороны, преградившей путь. Вода исчезла: вмѣсто нея буграми взметывались высоко къ небу пѣна и брызги.

— Влѣво корма! — весь напрягшись командовалъ Брюхановъ: дѣло шло уже не о посадкѣ на мель, а о жизни или смерти шестидесяти пассажировъ.

— Всѣ наверхъ! — крикнулъ онъ. Въ одинъ моментъ оба весла были выдернуты, вдвинуты на балаганъ и гребцы вскочили вслѣдъ за ними,

Плотъ вдругъ зарылся носомъ въ воду и сталъ подыматься на дыбы; еще мигъ, и онъ, казалось, перевернулся бы. Но его только накренило; онъ выпрямился; носа и кормы вид-

но не было, они шли аршина на два подъ клокотавшей водой и волны яростно бросались на нашъ жалкій пловучій островокъ; кругомъ стоялъ адъ: все пѣнилось, металось и ревѣло такъ, что нельзя было разслышать крика. Насъ пронесло мимо одной изъ подводныхъ скалъ, черкнуло кормой о другую и черезъ минуту мы шли по еще взволнованной, но уже не страшной рѣкѣ.

Часть пассажировъ усердно крестилась на бѣлую часовеньку, воздвигнутую на мысу какимъ-то купцомъ, потерпѣвшимъ въ томъ мѣстѣ крушеніе и чудомъ выброшеннымъ невредимымъ на берегъ.

Этими словами я и закончу разсказъ о своемъ путешествіи въ далекій и дикій Урянхайскій край, совершенномъ вдвоемъ съ женой и съ парою револьверовъ въ карманѣ.

Петербургъ, 1915 г.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того же автора:

1. ЦАРЬ БЕРЕНДѢЙ. Таежная побывальщина.
2. ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ. Очерки.
3. СНЫ ЗЕМЛИ. Романъ-хроника.
4. ЗАКАТЪ. Романъ.
5. СВЯТЫЯ ОЗЕРА. Недавнее прошлое.
6. ПОДЪ ШУМЪ ДУБОВЪ. Историческій романъ.
7. ВОЛКИ. Историческій романъ
8. ГУСАРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Историческій романъ.
9. ВЪ ГРОЗУ. Историческій романъ.
10. ЛѢСНАЯ БЫЛЬ. Историческій романъ.
11. ТО, ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМЪ. Разсказы.
12. ДАЛЕКІЕ ДНИ. Воспоминанія 1870—90 г.г.
13. ДЕБРИ ЖИЗНИ. Дневникъ.
14. ТРАПЕЗОНДСКАЯ ЭПОПЕЯ. Дневникъ.
15. ПРОШЛОЕ. Изъ воспоминаній.
16. СИНОДИКЪ ПОГИБШИХЪ ЧАСТНЫХЪ КНИГОХРАНИЛИЩЪ.
17. ОБЗОРЪ ЗАПИСОКЪ, ДНЕВНИКОВЪ И ВОСПОМИНАНІЙ. 3 тома.
18. СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНІЕ. (Путешествіе въ Урянхай).
19. ТАИНСТВЕННОЕ . . . Разсказы. Печатается.

Рѣки Чергакъ, Шеме, Джеданъ, Чакуль, Шагонаръ съ ихъ притоками.
Масштабъ 10 верстъ въ 1 дюймѣ
0 5 10 20 30 40 50
Хребетъ Танну Ола
S
N
Енисей
Кемчик
Шагонар
Чакул
Акем
М. Акем
Хожей
Частое
Хактык Карасу
Джедан
Шемэ
Семисук
Кундугей
Б. Кундугей
Чергак
Малый Чергак
Большой Чергак
Ган Карасук
Лог
Кызыл Карасук
Турген Карасук

Верхнее теченіе рѣки Кемчика.
Масштаб 10 верст в 1 дюймъ
0 5 10 20 30 40 50
Танну-Ола Хребет
Чара-Шат таги
Хребет Бардага
Кемчик
Барлык
Б. Шуя
М. Шуя
Теги
Карасук
Шурфъ
Фактор̇ія
Избушка
Болото
Оз. Мешкуль
Шиндазын
Правая вершина
Лѣвая вершина
Ак-Ола
Кара-Ола
Ак-Ачик
Оргъ-Карасук
Урун-Карасук
Сайлыхем
Пиштал-Чем
Корак-Бадыр
Кызыл-Чин
Карадыр
Карадырек
Ханский
Мягка
Хурэ
Эскер
Условные знаки.
Фигуры, памятники и проч.
Высокія камен. могилы
Четырех-угольн. могилы
Двойн. четырех-угольн. мог.
Монгольскія могилы
Надписи на утесах
Могилы со стояч. плитами.
Древнее кладбище
Металлургич. древн. шлаки.
Древнія горныя работы
Древнія крѣпости
Древніе арыки
Древнія находки
Хурэ
Ханская дорога.
Буддійскія святыни
Пещеры
S
N

Верхнее . теченіе Кемчика съ рѣками Алашемъ и Аксукомъ
Кемчик
Кемчик
Кемчик
Алаш
Алаш
Утесы
Утесы
Ак-Сук
Ак-Сук
Б. Ак-сук
М. Ак-сук
Шалбанок
Чечек
Куспес
Перевал в Каптагир
Масштабъ 10 верстъ въ 1 дюймѣ
0
5
10
20
30
40
50